

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1900.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ. *А. Волыта* . . . 261—280

Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (окончаніе). *А. Милошидова* 281—308

Значеніе совѣсти въ религіозно-нравственной жизни человѣка (окончаніе). *Свящ. Д. Оаворскаго* 309—318

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Философія монизма (окончаніе). Профессора Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевича* 187—228

Истинная наука и ложныя притязанія современной учёности. *Н. Н. Стрехова* 224—240

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе). *В. Давыденко*.—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. Б. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πιστεὶ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Сентября 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ.

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ПАСТЫРСТВА).

Печалованіе за опальныхъ такое явленіе въ дѣятельности древне-русскаго духовенства, въ которомъ всецѣло хотѣлось бы видѣть проявленіе пастырской благотворительности. Только тогда, когда оно есть проявленіе этой благотворительности, а не внѣшнее юридическое право, или обычай, опирающійся на силу привычки и безсознательныхъ традицій,—хотя-бъ то былъ „великій и священный обычай“, какъ называютъ печалованіе нѣкоторые историки, ¹⁾—только тогда именно печалованіе получаетъ истинное величіе и внутреннюю красоту—величіе и красоту духовно-пастырскаго дѣла.

Но странная участь печалованія ставитъ, повидимому, серьезныя препятствія для такого взгляда на него—и тѣмъ виднѣе ставитъ, что она постигла его не неожиданно для древне-русскихъ людей. Горькимъ—безутѣшнымъ воплемъ сопровождали они смерть или „уводъ“ печаловника пастыря. „Теперь мы лишены“, плачутъ, напр., пермскіе люди объ умершемъ Стефанѣ,—добраго промышленника и ходатая, который... былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій“ ²⁾. „Теперь мы лишены“. Лишеніе печаловника кажется имъ невознаградимымъ лишеніемъ на всегда... И не напрасно плакали древне-русскіе люди. Печалованіе прекратилось прежде, чѣмъ

¹⁾ „Ист. княж. отношеній Рюр. Дома“, стр. 686—по соч. Петра Янковскаго“. Печалованіе духовенства за опальныхъ въ первенствующей церкви греко-римской вообще и въ церкви древне-римской по преимуществу, 223 стр. См. Чт. въ Имп. общ. Ист. и Древн. рос. 1876 г. кн. I. Соловьевъ, Ист. т. VI стр. 224.

²⁾ Соловьевъ, Ист., т. IV, стр. 272. Ср. П. Янковскаго, 224—225.

исчезла нужда въ немъ. Просуществовавъ семь столѣтій (XI—XVII), оно не простерлось на опальныхъ XVIII вѣка,—опала пережила его. Что это значитъ? То-ли, что изсякло, вслѣдствіе семивѣкового дѣйствія, состраданіе въ пастыряхъ къ людямъ опальнымъ, и они сами прекратили печалованіе, или то, что печалованіе, въ своемъ возникновеніи и существованіи, такъ мало зависѣло отъ воли и инициативы пастырей, что достаточно было прикоснуться къ нему какимъ либо неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, чтобы оно рушилось?

Не можемъ мы принять перваго предположенія. И въ XVIII вѣкѣ были пастыри, которые болѣли душою за опальныхъ людей: литература ¹⁾ и народная память ²⁾ передали намъ имена и духовные образы этихъ печальниковъ.

Не можемъ допустить и втораго предположенія: противъ него—факты печалованія. Представимъ себѣ на этотъ разъ печаловническую дѣятельность наиболѣе извѣстныхъ печаловниковъ св. Филиппа и патр. Никона: она—всецѣло ихъ личный трудъ, всецѣло борьба съ трудностями печалованія, борьба самоотверженная, стоившая одному жизни, другому—великихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій. Ни внешне-юридическое право, ни обычай не требуютъ такихъ усилій воли для своего осуществленія. Самая скорбь древне-русскихъ приходскихъ людей, при лишеніи печаловника, тѣмъ только и объяснима, что печалованіе было личнымъ, такъ сказать, именнымъ дѣломъ пастырей, не всегда находившимъ для себя достойныхъ дѣятелей, и, какъ такое, производило сильное впечатлѣніе на людей и не располагало ихъ слишкомъ надѣяться на появленіе печаловниковъ въ будущемъ. Въ нижеслѣдующей главѣ, надѣмся, достаточно подтвердится нашъ взглядъ на печалованіе за опальныхъ, какъ дѣло личной благотворительности древне-русскихъ пастырей, которые, вызвавъ къ жизни это дѣло, прекратили его, какъ увидимъ, независимо отъ своей воли.

¹⁾ Знаменскій „Приходское духовенство“. См. Прав. Собес. 1872 г., 2 кн., 238; 1 кн., 440—441: Арсеній Мацѣвичъ и др. представители духовенства скорбятъ о духовныхъ людяхъ, обидимыхъ помѣщиками и всякими чиновниками.

²⁾ Тотъ-же Арсеній Мацѣвичъ в мн. др. пастыри крѣпостного времени извѣстны народу своими скорбями объ угнетенныхъ.

I.

Историческія обстоятельства, при которыхъ возникло и существовало печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ; печалованіе за опальныхъ дѣло личной пастырской благотворительности древне-русскаго духовенства.

Печалованіе за опальныхъ могло явиться, конечно, при наличности предмета печалованія опальныхъ, и при условіи нѣкоторой свободы и самостоятельности древне-русскаго духовенства въ обнаруженіи своихъ духовныхъ силъ внѣ круга собственно церковныхъ дѣйствій (такъ какъ опала—продуктъ гражданской, государственной жизни). Но только желаніе пастырей и рѣшимость печаловаться превращали возможность печалованія въ дѣйствительное явленіе. Раскроемъ значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ даннаго явленія.

Опальные люди, т. е. люди, законно или незаконно, гонимые судьбой и преслѣдуемые со стороны какой-либо гнетущей силы, существовали всегда, а въ старину ихъ было особенно много. Источникъ опалы въ грубости нравовъ, а ею отличались наши предки. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами, были отличительными ихъ чертами. Сила физическая была качествомъ, въ жертву которому они приносили уваженіе къ правамъ и личности и имущества, ради котораго извиняли многіе пороки. Богатырь, сила котораго доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ,—вотъ герой древнѣйшей эпохи жизни русскаго общества. При такомъ состояніи нравовъ, сплошь и рядомъ являлись люди обидящіе и обиженные, преслѣдующіе и преслѣдуемые,—и опала была не случайнымъ или забѣглымъ явленіемъ въ русскомъ обществѣ, но домашнимъ, своимъ. Грубость нравовъ не исчезала со временемъ, но развивалась; а съ нею возрастала и опала. На протяженіи семи вѣковъ (отъ XI до XVII включительно) Россія переживала болѣзненный переходъ отъ одного порядка вещей къ другому, отъ родового, патріархальнаго общественнаго устройства къ устройству государственному. Этотъ переходъ неблагоприятно дѣй-

ствоваль на нравы нашихъ предковъ. На югѣ древней Руси шли усобицы, вслѣдствіе споровъ за родовые права; постояннымъ спутниковъ этихъ усобицъ были жестокость и неразборчивость въ средствахъ со стороны князей обиженныхъ, лишенныхъ владѣній. На сѣверѣ съ половины XIII вѣка ¹⁾ княжескія усобицы приняли еще болѣе суровый характеръ. Князья стали бороться здѣсь не за старшинство, но за силу, захотѣли увеличивать свои волости, пріобрѣсть могущество на счетъ подчиненія себѣ другихъ князей и чрезъ отнятіе у нихъ владѣній. Къ началу XIV вѣка борьба выдвинула князя Московскаго. Его возвышеніе породило сознательныя стремленія Московскихъ князей (начиная съ Іоанна Калиты) къ объединенію Русской земли подъ ихъ единоличной властью. Борьба, оставшись неизмѣнною въ характерѣ, измѣнилась въ интенсивности и широтѣ, охвативъ всю тогдашнюю сѣверную Русь съ верху до низу, проникнувъ въ самые отдаленные ея уголки. Отдѣльныя княжества—Тверское, Ростовское, Ярославское и др., и города—Новгородъ, Псковъ и др., и болѣе мелкія корпораціи—дружины,—всѣ выступили на защиту своей особенной, своеобразной жизни: княжества и города—за свою самостоятельность и вольность, дружины—за право отъѣзда къ другому князю,—и всѣ ополчились противъ объединительныхъ стремленій народившейся государственной власти. При такомъ характерѣ борьбы общественно-политическихъ началъ не могло быть рѣчи о правахъ и обязанностяхъ соперниковъ: каждый дѣйствовалъ по инстинкту самосохраненія и выбиралъ средства не тѣ, которыя были нравственны и законны, а тѣ, которыя доставляли ему безопасность, обеспечивали свободу и жизнь. Сильный искалъ случая употребить свою силу, слабый прибѣгалъ къ хитрости и коварству. Взаимное довѣріе рушилось; нравственныя обязательства, даже страшныя „проклятыя“ грамоты—преступались такъ же легко, какъ и обычные договоры. Хитрость и двоедушіе возводились въ дѣло мудрости и получали похвалу: лѣтописецъ хвалитъ Тверскаго князя, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извер-

¹⁾ Ист. Соловьева, IV, гл. 3, 126—400.

нуться, не прогнѣвалъ ни князя Московскаго, ни Эдигея ¹⁾. Ослѣпленіе, а потомъ насильственная смерть сдѣлались обычной расправой побѣдителей съ побѣжденными соперниками.

Борьба общественно-политическихъ началъ имѣла, такимъ образомъ, опалу своимъ постояннымъ спутникомъ, надѣляя русское общество цѣлымъ классомъ опальныхъ людей, предоставленныхъ произволу гнѣвной партіи побѣдителей. Но она сопровождалась и другимъ печальнымъ для него слѣдствіемъ— производила собою нравственное разложеніе общества, порождая въ немъ взаимную недовѣрчивость, ослабленіе общественныхъ узъ среди всѣхъ, насилія со стороны сильныхъ, хитрость, коварство со стороны слабыхъ, и чрезъ это распложая опалу въ частной, домашней его жизни. Древне-русское общество все больше и больше погружалось въ нравственное огрубѣніе, точно падало въ него по наклонной плоскости. Грубость нравовъ должна была отражаться на словѣ, на дѣлѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка, почти не встрѣчая себѣ помѣхи въ законѣ.

Законодательство не въ силахъ было обуздать эти грубые порывы къ опалѣ по многимъ причинамъ. Оно, прежде всего, не опредѣляло надлежащимъ образомъ семейныхъ и общественныхъ отношеній древне-русскихъ людей. Такъ, оно не признавало равноправности мужчины и женщины, давая просторъ произволу и насилію перваго по отношенію ко второй ²⁾. Печальнымъ слѣдствіемъ этого было то, что женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобы волею или неволею удержать въ чистотѣ нравственность, чистоту семейную ³⁾. Законодательство не вторгалось и въ отношенія между родителями и дѣтьми, а равно между господами и рабами. За убійство господиномъ холопа Русская Правда не налагаетъ никакого наказанія ⁴⁾. Освященное закономъ право ухода свободныхъ людей въ иную область давало многимъ преступникамъ возможность избѣгать кары зако-

¹⁾ Соловьевъ, Ист., IV, 344.

²⁾ Ист. Соловьева, I, 231.

³⁾ Ibidem, IV, 345.

⁴⁾ Ibidem, I, 230.

на, безнаказанно творить всякія безчинства. Благодаря отсутствію точной регламентаціи и опеки закона надъ проявленіями общественной жизни, опала не боялась гнѣздиться подлѣ него и въ виду его. Мало того—законодательство само плодило опалу. Не опредѣляя точно семейныхъ и общественныхъ отношеній, оно, въ то же время не щадило достоинствъ, правъ и существованія человѣческой личности, отдавая преступниковъ жестокому суду или общества, или органовъ судебной власти. Такъ, Русская Правда и Уставъ Ярослава предоставляютъ убійцу для мести родственникамъ убитаго, допуская имъ употреблять самыя жестокія „доказательства“ надъ послѣднимъ—кипящую воду, раскаленное желѣзо, поле, т. е. судебный поединокъ, ¹⁾ и пр. т. п. Судебники Ивана III и Ивана IV, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича даже для гражданскихъ преступниковъ, не говоря уже объ уголовныхъ и государственныхъ, узаконяютъ ужасныя наказанія въ родѣ: отрѣзанія различныхъ членовъ тѣла, правежа, сожженія, закапыванія живымъ въ землю (Уложеніе), и, что всего хуже, поощряютъ, какъ и Русская Правда, развитіе произвола и жестокости въ обществѣ, выдавая преступниковъ истцамъ головою для преслѣдованія ²⁾. Если взять во вниманіе, что органы суда и администраціи были въ древней Руси одни и тѣ же, что судъ былъ не общественной должностью, а частнымъ владѣніемъ, которое могъ скупить у князя всякій сильный и богатый человѣкъ, въ качествѣ доходной статьи для себя,—то станетъ понятнымъ, почему такъ часто злоупотребляли судьи ³⁾ скупленнымъ ими правомъ суда въ извѣстной области, обращая жестокія кары закона въ орудіе наживы. Обвиненіе и осужденіе невинныхъ для обогащенія штрафными съ нихъ деньгами, а то—и захвата себѣ ихъ имущества, оправданіе виновныхъ за взятку—вотъ въ чемъ всего чаще состояли судебныя отправленія тіуновъ, то и дѣло находившія себѣ разоблаченіе и обличеніе въ пастырскихъ поученіяхъ.

¹⁾ Ист. Соловьева, I, 231.

²⁾ Ibidem, V, 271—275; VII, 151—152.

³⁾ Въ разное время они назывались различно: то тіунами, то цѣловальниками, водостелами и пр.

Неудивительно отсюда, почему въ древней Руси имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя и не всегда, безопасныхъ.

Наступило время—XVI вѣкъ, когда Московскій князь взялъ верхъ въ борьбѣ за свое единовластіе, объединивъ Русь въ государство подъ своимъ господствомъ. Новое положеніе членовъ русскаго общества въ государствѣ требовало особенно точнаго указанія каждому изъ нихъ его истиннаго назначенія, правъ и обязанностей. Но такого указанія не было: законодательство попрежнему оставалось неопредѣленнымъ въ этомъ отношеніи. И вотъ въ это время сильнѣе, быть можетъ, чѣмъ когда-нибудь, сказывался этотъ его недостатокъ. Насильно и внѣшне объединенные элементы русскаго общества не хотѣли сразу помириться съ своимъ пассивнымъ положеніемъ въ государствѣ: удѣльные князья покушались вернуть себѣ право родового владѣнія русскою землею, бояре—право отъѣзда и непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ, вѣчевые города упорно стояли за свое вѣчевое устройство. Политическіе замыслы роями родились, при такомъ настроеніи умовъ; а при отсутствіи надлежащей правительственной регламентаціи и опеки надъ проявленіями общественной жизни, не представлялось большихъ трудностей для ихъ осуществленія. Для болѣе легкаго преодоленія существовавшихъ трудностей, образовались партіи, рѣшавшія помогать власти и престола соединенными силами. Одна партія усиливалась на счетъ другой посредствомъ родственныхъ связей съ царской фамиліей или другимъ какимъ-либо способомъ, дѣлалась временщицкою и обрушалась страшною опалой на враждебныя стороны. Борьба партій обострялась особенно въ смутное время, когда только что сформировавшаяся и возвысившаяся до безконтрольной независимости государственная власть снова слабѣла, благодаря малолѣтству, слабости и даже отсутствію ея законныхъ представителей и отсюда—переходу ея изъ рукъ въ руки не только туземныхъ, но даже и иноземныхъ и притомъ временныхъ правителей. Рѣзня, темницы и пытки были неизбѣжнымъ спутникомъ партійной борьбы, сопровождавшей ослабленіе власти и перемѣны на престолѣ. Извѣстно,

какими жестокостями сопровождалась борьба стороны Глинскихъ съ стороною Оболенскихъ при в. кн. Еленѣ, Бѣльскихъ съ Шуйскими послѣ ея смерти, Шуйскихъ и Воронцовыхъ при Иванѣ IV, Годуновыхъ съ Нагими и Шуйскими при Федорѣ Ивановичѣ и др. Государственная власть, въ свою очередь, не находила иного средства для огражденія своей независимости и неприкосновенности отъ притязаній на нихъ со стороны бояръ, кромѣ опалы, которой и не щадила на своихъ противниковъ.

Вотъ краткій очеркъ происхожденія и развитія опалы въ древней Руси. Изъ него видно, что опала сильнымъ вѣтромъ разгуливала по обширной Руси, на столько сильнымъ, что едва-ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что стонъ отъ нея стоялъ въ ушахъ и сердцахъ всѣхъ, такъ что она дѣлила древне-русское общество на три класса, по характеру господствовавшихъ въ немъ настроеній: гнетущихъ опалою, угнетаемыхъ ею опальныхъ, и соболѣзнователей о тѣхъ и другихъ.

Послѣдними были, прежде всего, древне-русскіе пастыри.

„Судья емлегъ, князь грабитъ и изъядаеть, сильный сокрушаетъ и погубляетъ всякъ“—вотъ слова одного изъ многихъ, прежде и послѣ него жившихъ, пастырей соболѣзнователей, проникнутыя жалостью къ обидимымъ и скорбью объ обидчикахъ (Даніила Заточника XII в.) ¹⁾

Но на соболѣзнованіи, какъ и естественно ожидать, не остановились древне-русскіе пастыри; они вышли съ вразумленіемъ къ гнетущимъ опалою и съ подачей помощи къ опальнымъ, какая была имъ (пастырямъ) доступна. Печалованіе, такимъ образомъ, не то-же, что печаль, не то же, что и соболѣзнованіе: печаль—чувство; соболѣзнованіе безпомощное выраженіе чувства скорби, печали по поводу опалы въ нашемъ случаѣ; печалованіе—чувство въ дѣйствіи, въ такомъ своемъ проявленіи предъ опальными и виновниками опалы, которое имѣетъ цѣлю облегчить горькую участь первыхъ и укротить гнѣвъ вторыхъ. Такимъ образомъ, соболѣзнованіе, вызванное опалою въ пастыряхъ, становится печалованіемъ только подъ условіемъ перехода въ „предстательство“ предъ опредѣленными

¹⁾ Петръ Яковскій, 31.

лицами и за опредѣленныхъ лицъ. Всякое другое проявленіе соболѣзнованія по поводу опалы, обращенное одновременно ко всѣмъ виновникамъ ея и жертвамъ вообще и ни къ кому въ особенности, взывающее о прекращеніи ея, но осязательно ея не приостанавливающее, не можетъ быть названо печалованіемъ въ строгомъ смыслѣ. По этому, не относятся къ памятникамъ собственно печаловнической дѣятельности древне-русскихъ пастырей поученія ихъ противъ опалы съ общимъ и одновременнымъ назначеніемъ ихъ къ обидчикамъ и обидимымъ; таковы, напр., поученія Θεодосія Печерскаго „о казняхъ“, Луки Жидята объ обязанностяхъ христіанина; таковы всѣ вообще подметныя посланія противъ опалы съ мистическимъ характеромъ ¹⁾).

Идея печалованія зародилась въ сознаніи древне-русскаго духовенства очень рано. Еще уставомъ Владиміра и Ярослава, составленнымъ, какъ извѣстно, по инициативѣ и подѣ вліяніемъ духовенства, послѣднему предоставлена была, между прочимъ, защита лицъ притѣсняемыхъ, которыя или вовсе не пользовались покровительствомъ законовъ (преступники), или же пользовались не вполне, таковы женщины, дѣти, престарѣлые, рабы и пр. т. п. ²⁾. Опальные, какъ видимъ, предоставлялись защитѣ духовенства. Защита эта уставомъ „предоставлялась“ пастырямъ, но не „узаконялась“. Слѣдовательно, она была личнымъ ихъ правомъ, за неисполненіе котораго ихъ никто, кромѣ Бога, разумѣется, не могъ наказывать, и осуществленіе котораго обуславливалось степенью проникновенія пастыря христіанской любовью, степенью сознанія имъ пастырскаго долга пецись о душевномъ и внѣшнемъ благополучіи членовъ паствы. Гражданская власть ни больше ни меньше, какъ только допускала покровительство пастырей такъ или иначо угнетеннымъ лицамъ, какъ и вообще

¹⁾ Каковыя произведенія духовной письменности несправедливо, по нашему мнѣнію, относятъ цитруемый нами авторъ—П. Янковскій, къ памятникамъ *собственно печаловнической* дѣятельности древне-русскихъ пастырей. Справедливѣе отнести ихъ къ памятникамъ лишь *проповѣднической* ихъ дѣятельности. См. его соч., стр. 84, 87, 204—205.

²⁾ Соловьевъ, Ист. 1, 261; ср. П. Янковскаго, „Печалованіе духовенства за опальныхъ“, стр. 80.

она предоставляла имъ болѣе или менѣе широкую свободу въ проявленіи духовныхъ силъ внѣ круга собственно церковныхъ дѣлъ ¹⁾). Можно сказать, пожалуй, больше: гражданская власть временами съ охотою допускала заступничество духовенства за опальныхъ и всѣхъ вообще притѣсн яемыхъ. Это видно изъ того же, напр., устава Владиміра и Ярослава, изъ „Наказной Граматы“ Грознаго еп. Гурію ²⁾ и пр. Не имѣя правильно организованныхъ исправительныхъ заведеній и пріютовъ, правительство одобряло защиту духовенствомъ гонимыхъ судьбою лицъ, когда особенно чувствовалась нужда въ тѣхъ заведеніяхъ и пріютахъ, а заступничество пастырей за притѣсняемыхъ представляло лучшую замѣну ихъ; это было въ тѣхъ случаяхъ, когда общество переполнялось безпріютными и не безвредными для общественнаго спокойствія членами, т. е. въ пору крайняго развитія въ немъ страсти мщенія и всевозможнаго рода преслѣдованій. Но благосклонное отношеніе гражданской власти къ печаловнической службѣ духовенства было явленіемъ рѣдкимъ, случайнымъ. Вообще печалованіе пастырей было дѣломъ непріятнымъ для угнетавшей стороны, чтобы она ни была,—встрѣчалось ею враждебно, вслѣдствіе понятнаго каприза самолюбія, не хотѣвшаго смириться передъ печаловникомъ, и, при грубости нравовъ, при безконтрольности государственной власти и беззащитности человѣческой личности, было опаснымъ не только для внѣшняго благополучія, а даже и для жизни пастыря—печаловника. Трудности, какими было обставлено печалованіе, достаточно уже говорятъ, во имя чего пастыри заступались за опальныхъ. Не во имя закона гражданского, который, какъ мы видѣли, не устранялъ опалы,—не во имя личныхъ выгодъ или привязанностей; печаловники не были профессиональными судебными ходатаями; не во имя земныхъ дружескихъ связей, которыя не настолько крѣпки, чтобы преодолѣть всѣ трудности печалованія,—не на столько широки, чтобы обнять всѣхъ опальныхъ,—но во имя всеобъемлю-

¹⁾ Какъ извѣстно, пастырь былъ въ древней Руси до нѣкоторой степени и гражданскимъ судьей, совѣтникомъ князей и царей (не всякій, разумѣется, пастырь, но членъ высшаго духовенства), и участникомъ въ дѣлахъ ихъ правленія.

²⁾ Соловьевъ, Ист. VII, 83—84.

щей христіанской любви пастыря къ пасомымъ, любви, „полагающей душу его за овцы своя“ (Іоан. 10, 11), во имя мудрой заботливости о мирѣ и благополучіи Русской земли. Конечно, это не значитъ, чтобы всѣ печаловники были непременно самоотверженными пастырями, хотя многіе изъ нихъ, какъ увидимъ, были такими. Это значитъ только то, что въ древне-русскихъ пастыряхъ—печаловникахъ жило сознаніе и чувство пастырскаго долга печалованія и, въ наиболѣе трудныя минуты въ жизни пасомыхъ, поднималось на столько, что сообщало имъ и рѣшимость, и силы на дѣло печалованія. На сколько живо было въ умахъ нѣкоторыхъ членовъ древне-русскаго духовенства сознаніе печаловническаго долга, отчасти можетъ доказывать слѣдующій фактъ. Митрополитъ Аѳанасій, видя весь ужасъ опричнины, но, по слабости своего характера, не имѣя силъ противостать ея развитію и помочь угнетаемымъ ею, счелъ за лучшее добровольно отказаться отъ своего великаго и священнаго сана по болѣзни ¹⁾).

Что касается внѣшнихъ обстоятельствъ печалованія—отношенія къ нему правительства, то ими могла обусловливаться его возможность или невозможность, его сравнительная легкость или трудность. Пока духовенство пользовалось болѣе или менѣе религіозно-нравственной и общественно-политической свободой и независимостью своихъ дѣйствій, какъ было въ XI—XV в.в., оно, сравнительно, легко и удобно могло выступать съ печалованіемъ за опальныхъ; когда же—съ XVI по XVII в.,—вслѣдствіе постепеннаго ограниченія общественной жизни правительственной опекой и регламентаціей, духовенство потеряло значительную долю своихъ правъ,—и возможность печаловаться сама собою должна была сократиться для пастырей. Но какъ теперь, такъ и раньше, не всѣ же пастыри печаловались; не печаловались, разумѣется, тѣ изъ нихъ, въ комъ отсутствовала ревность о спасеніи и благополучіи пасомыхъ. Тотъ фактъ, что въ числѣ печаловниковъ исторія указываетъ преимущественно высшихъ іерарховъ, хотя и вызываетъ невольное предрасположеніе считать печалованіе почетнымъ правомъ приближенныхъ къ князю или царю пастырей,

¹⁾ П. Янковскій, 184.

но на самомъ дѣлѣ онъ говоритъ совершенно другое. По сознанию древне-русскихъ людей, близость къ царю, какъ увидимъ, скорѣе могла удерживать пастыря отъ печалованія, чѣмъ располагать къ нему, въ виду опасности потерять изъ за него расположеніе царя, впасть въ немилость. Означенный выше фактъ говоритъ, прежде всего, о достоинствѣ высшихъ іерарховъ, которые не хотѣли, какъ, напр., патр. Никонъ, пользоваться довѣріемъ царя и близостью къ нему одни, но употребляли ихъ въ пользу для пасомыхъ—особенно несчастныхъ между ними; а потомъ онъ напоминаетъ извѣстный законъ, по которому дѣянія высшихъ лицъ отмѣчаются исторіей, а скромные дѣятели, большею частію, остаются невѣдомыми ей и міру. Надобно благодарить исторію за то, что не всѣхъ ихъ она обошла своимъ вниманіемъ,—и мы можемъ указать въ числѣ печаловниковъ и простыхъ монаховъ и бѣлыхъ іереевъ.

Въ XVI—XVII вв. сократилась печаловническая дѣятельность духовенства; но не столько, быть можетъ, отъ того, что стѣснена была свобода его дѣйствій внѣ круга дѣлъ церковныхъ, ¹⁾ сколько вслѣдствіе упадка въ немъ доброй нравственности, внимательности къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. По крайней мѣрѣ, и свѣтскіе ²⁾ и духовные ³⁾ писатели уменьшеніе печалованія въ XVI—XVII вв. объясняютъ именно ослабленіемъ пастырской ревности въ духовенствѣ о спасеніи пасомыхъ. И если нельзя безусловно вѣрить показаніямъ свѣтскихъ писателей, которые, какъ опальные, были не совсѣмъ безпристрастны въ сужденіяхъ о духовенствѣ, то можно вполнѣ повѣрить духовнымъ, какъ безпри-

1) Кн. Василій Ив. и Иванъ Грозный—первый пытался избирать, а второй избиралъ и низлагалъ епископовъ и митрополитовъ по своему произволу (Соловьевъ, Ист. VII, 88—91), что прежде дѣлалось властію самого духовенства, до половины XV в. получавшею, впрочемъ, утвержденіе относительно избраннаго митрополита отъ Константинопольскаго патріарха. Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича почти уничтожило собственный судъ духовенства, чѣмъ и вызвало извѣстную оппозицію со стороны патр. Никона. Противъ печалованія особенно вооружался Іоаннъ Грозный. Соловьевъ, Ист. VI, 215.

2) Напр. Берсень Беклемшевъ о митр. Давидѣ. Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 141; кв. Курбскій, см. у П. Яковскаго, 158—160.

3) Напр. Максимъ Грекъ, см. у П. Яковскаго, 160—161; митр. Давидъ, см. *ibidem*, 137.

страстнымъ въ этомъ отношеніи. Митрополитъ Даніилъ и Максимъ Грекъ, напр., говорятъ, что пастыри только „мірская печалуютъ“... (Даніилъ), что нѣтъ между ними „ни одного прилежно учащаго народъ...; никто не утѣшаетъ малодушныхъ, никто не заступаетъ немощныхъ“ ¹⁾. Причину этого явленія митрополитъ Даніилъ указываетъ въ томъ, что священники „въ той чинъ внидоша, ищуще льготы себѣ и чести“ ²⁾. Припомнимъ изъ исторіи, что за кандидаты священства приходили къ архіепископу Новгородскому Геннадію, для поставленія въ попы съ цѣлю наживы въ этомъ чинѣ,—и намъ не нужно будетъ лучшей иллюстраціи для мысли митрополита Даніила.

Сообразно съ такимъ объясненіемъ сокращенія печалованія, лучшіе представители древне-русскаго пастырства употребляли средства для его поддержанія чисто духовно-нравственнаго свойства, рассчитанныя на возбужденіе въ пастыряхъ ревности о спасеніи и благополучіи пасомыхъ. Внѣшнимъ трудностямъ печалованія и недостатку внимательности пастырей въ исполненіе обязанностей они противопоставляли требованія пастырскаго долга печалованія и великіе образцы его исполнителей. „Тако жъ достоитъ, увѣщаетъ протопопъ Сильвестръ Казанское духовенство въ своемъ посланіи къ нему,—тако-жъ достоитъ вамъ печаловатися и молити и всячески увѣщать земныхъ властей о побѣдныхъ и о повинныхъ и обидящихъ: аще не послушаются, ино запретити и обличити, якоже Златоустъ Иванъ пострада за вдовицу и въ заточеніи бысть“ ³⁾. „Добраго и истиннаго пастыря дѣло есть, пишетъ митрополитъ Даніилъ одному игумену ⁴⁾, еже милосердствовать о овцахъ и промыслати и пещися ими и соболѣзновать недужному овчати, якоже благоразсудный отецъ къ дѣтямъ присносущнымъ да промыслаетъ и посѣщаетъ когождо, и подобное врачеваніе и промышленіе противу силъ приноситъ или тѣлеснѣ, или душевнѣ, всѣхъ милуя, всѣхъ изыскуя, о всѣхъ промышляя, терпя всѣхъ, приемля всѣхъ, утѣшая всѣхъ независимо

¹⁾ Ibidem, 137, 160—161.

²⁾ Ibidem, 137.

³⁾ П. Янковскій, 53.

⁴⁾ Игумену Никлаевскаго монастыря во Владимірской области.

подавая всѣмъ разумъ ученія, недугующихъ укрѣпляя, малодушествующихъ утѣшая, скорбящихъ подобнымъ врачеваніемъ приѣмля“¹⁾). Особенно ясно взываетъ къ пастырямъ о долгѣ печалованія одно древнее правило. „Іерей, гласитъ оно, не бойся и не стыдись предъ лицомъ сильнаго человѣка, будетъ-ли это царь или князь, судья или воинъ, потому что ты поставленъ отъ Бога“²⁾). Скорѣе всѣхъ призывались къ печалованію пастыри, приближенные къ царю, которые своимъ вліяніемъ на него многимъ опальнымъ могли облегчить участь, но могли и уклоняться отъ печалованія, по боязни навлечь на себя неудовольствіе царя. „Аще имѣши дерзновеніе къ царямъ, взываетъ другое древнее правило, поскорби, обидимы видя“³⁾). Чѣмъ значительнѣе становились трудности печалованія, тѣмъ сильнѣе взывали пастыри къ своимъ собратьямъ не уклоняться отъ печаловническаго долга. „На сіе-ли собрались вы, отцы и братья, говоритъ святитель Филиппъ II епископамъ. Еще-ли молчать? Что устрашаетъ васъ сказать правду? Если молчаніе ваше влечетъ царскую душу ко грѣху, то и свою душу влечете вы на погибель, ибо предпочли тлѣнную славу вмѣсто скорби за православіе“⁴⁾). Призывъ пастырей къ собратьямъ по долгу печалованія находилъ отзвукъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и, продуманный ихъ долгою думою, производилъ въ нихъ подъемъ пастырскаго духа и рѣшимость, поборая трудности заступать опальныхъ. Такое твердое сознаніе пастырскаго долга вообще и долга печалованія въ частности показалъ, напр., митрополитъ Іоасафъ, но вступленіи на Московскую митрополию, въ своемъ Исповѣданіи вѣры. „Обѣщаюсь и клянусь, писалъ онъ въ немъ между прочимъ, не дѣлать ничего по нуждѣ ни отъ царя или великаго князя, ни отъ князей многихъ, если и смертью будутъ грозить, приказывая чтонибудь сдѣлать, вопреки Божественнымъ и священнымъ правиламъ“⁵⁾). За свою ревность въ печалованіи Іоасафъ заключенъ былъ въ темницу и здѣсь получалъ ободреніе отъ Мак-

1) Соловьевъ, Ист. VI, 409.

2) П. Янковскій, 53.

3) Ibidem, 51.

4) Ibidem, 187.

5) Соловьевъ, Ист. VII, 90.

сима Грека. Послѣдній възгрѣвалъ въ немъ⁶ пастырскую ревность, указывая ему на великихъ ревнителей правды и мира— Теофила Александрійскаго, Николая Мирликійскаго и Амвросія Медиоланскаго ¹⁾).

Въ этихъ наставленіяхъ и письмахъ пастырей къ пастырямъ, въ ихъ исповѣданіяхъ намѣчены въ общемъ тѣ приемы, которыми руководились печаловники въ своей дѣятельности; намъ предлежитъ задача раскрыть эти приемы въ фактахъ печалованія. Теперь-же мы отмѣчаемъ со всею ясностью вытекающей изъ означенныхъ наставленій и писемъ взглядъ пастырей на печалованіе, какъ на дѣло духовно-пастырской благотворительности, зависящее отъ личной и притомъ только высоко-нравственной воли пастыря. Такимъ же было печалованіе и въ сознаніи общества: опальные просятъ у пастырей ходатайства о себѣ, какъ дѣла милости ²⁾).

Съ началомъ XVIII вѣка для печалованія пробилъ часъ. Оно рушилось потому, что духовенство поставлено было въ исключительное и непосредственное вѣдѣніе и подчиненіе государственной власти и должно было дѣйствовать по ея указаніямъ; а указанія эти по отношенію къ печалованію были такого рода, что запрещали древне-русскимъ пастырямъ это дѣло. Они теперь лишались самой возможности печаловаться, подъ страхомъ быть обличенными уже въ противленіи власти, а не во вмѣшательствѣ въ дѣла ея правленія. Они обречены были таить скорбь о „напастныхъ“ въ груди своей и такъ и не дождались того времени, когда заботу объ облегченіи участи взяло на себя само правительство (учредивъ гласный судъ съ институтомъ присяжныхъ и защитниковъ, открывъ правильно организованныя исправительныя заведенія). Видѣть эти правительственныя заботы объ опальныхъ выпало счастье пастырямъ уже новой Россіи.

Послѣ того, что сказано нами о факторахъ, изъ взаимодействія которыхъ слагалось печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ, паденіе его независимо отъ ихъ воли нисколько не мѣшаетъ видѣть въ немъ проявленіе личной па-

¹⁾ П. Янковскій, 52—53.

²⁾ П. Янковскій, 162—169.

стырской благотворительности и, въ то же время, не служить основаніемъ для взгляда на него, какъ на внѣшне-юридическое право или обычай. Наименованіе печалованія нѣкоторыми историками обычаемъ должно быть признано неточнымъ, не опредѣляющимъ сущности явленія: то, на что требовалась большая трата энергіи, что производилось съ борьбою, не есть обычай. И повтораемость печалованія въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ не оправдываетъ взгляда на него, какъ на обычай, и наименованіе его обычаемъ. Дѣйствительно, формы обнаруженія печалованія были однѣ и тѣ же на протяженіи всѣхъ семи вѣковъ его существованія: увѣщаніе и обличеніе виновниковъ опалы чрезъ посланія или чрезъ предстательство предъ ними и, притомъ, или единоличное или цѣлымъ соборомъ пастырей, ручательство за опальныхъ въ ихъ благонадежности особыми поручительными грамотами, предоставленіе имъ убѣжища въ храмахъ, посѣщеніе ихъ въ темницахъ. Но пастыри печаловались въ той или иной формѣ, всего менѣе по подражанію своимъ предшественникамъ, и всего больше по любви къ виновникамъ и жертвамъ опалы, любви, которая и склоняла ихъ къ выбору извѣстной формы печалованія, проявляясь въ ней съ большей или меньшей силой и широтой. Поэтому, одинаковыя со внѣ, формы печалованія совершенно неодинаковы по внутренней своей сторонѣ, по силѣ проявленной въ нихъ любви и ревности о душевномъ и внѣшнемъ благополучіи печалуемыхъ, и всегда носятъ печать индивидуальности печаловника. Обличеніе, напр., св. Филиппомъ Грознаго въ его жестокости, по силѣ одушевляющей это обличеніе ревности святителя, не можетъ сравниться съ обличеніемъ какого-либо другого печаловника. Отсюда ясно, какъ неточно наименованіе печалованія обычаемъ. Придача къ слову обычай выраженій: „великій и священный“ не исправляютъ неточности ¹⁾.

¹⁾ Взглядъ на печалованіе, какъ на обычай, слагался у историковъ, вѣроятно, благодаря чисто внѣшнему отношенію ихъ къ печаловнической дѣятельности духовенства. Но насколько странно такое отношеніе къ такому живому явленію, какъ печалованіе, можно видѣть, напр., изъ цѣлуемаго нами изслѣдованія П. Яковскаго. Изслѣдуется имъ явленіе въ дѣятельности древне-русскихъ пастырей, и между тѣмъ пастырямъ—этому главному фактору явленія, имъ удѣлено слишкомъ мало вниманія, которое все почти отводится внѣшнимъ условіямъ, въ кото-

Согласно съ вышеизложеннымъ, мы слѣдующимъ образомъ опредѣляемъ печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ: вообще оно было дѣломъ личной пастырской благотворительности, а въ высшемъ своемъ обнаруженіи подвигомъ пастырской самоотверженной любви.

II.

Цѣли и пріемы печалованія.

1. Цѣли печалованія.

Указавъ свою точку зрѣнія на печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ, мы считаемъ возможнымъ перейти къ раскрытію тѣхъ пріемовъ, которыми они руководились для достиженія цѣлей печалованія. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о цѣляхъ печалованія.

Облегченіе участи опальныхъ не было, такъ сказать, самоудовлѣющею цѣлью печалованія. По тѣсной связи и зависимости отъ внѣшняго благополучія душевнаго и наоборотъ, а отъ спокойствія отдѣльныхъ лицъ спокойствія всего общества, древне-русскіе пастыри, при печалованіи за опальныхъ, прежде всего преслѣдовали нравственное исправленіе виновниковъ и жертвъ опалы и рядомъ съ нимъ охрану общественно-политическаго благоустройства отъ потрясеній опалою, и только ради нравственнаго и общественнаго преуспѣянія и подъ условіемъ его обезпеченія, они рѣшались хлопотать о снятіи съ опальныхъ опалы и облегченія ихъ участи. Былъ въ исторіи печалованія случай, который, хотя и отрицательнымъ путемъ, доказываетъ, какъ высоко ставили пастыри, при печалованіи за опальныхъ, ихъ нравственное исправленіе. Варлаамъ Хутынской отказался спасти одного приговореннаго къ смерти, пройдя мимо него, тогда какъ другого осужденнаго къ ней спасъ. „Что это это значитъ? Отчего одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать той-же милости?—спрашивали преподобнаго его ученики. „Господь всѣмъ хочетъ спасенія—отвѣчалъ имъ рыхъ дѣйствовали печаловники. Точно условія эти заводили пастырей, какъ машину, для печаловнической дѣятельности—независимо отъ ихъ сознательнаго отношенія къ первымъ и самоопредѣленія ко второй.

учитель; одинъ осужденъ былъ по правдѣ, но ему кающемуся Господь далъ время очиститься покаяніемъ, и онъ совершаетъ покаяніе въ обители, второй осужденъ несправедливо, но за невинное осужденіе получилъ онъ вѣнецъ праведника, тогда какъ иначе земная лестъ могла испортить душу его“. 1) Разумѣется, это исключительный случай, но онъ показываетъ, что, подавая помощь опальнымъ, печаловники заботились, чтобъ она исправляла ихъ, а не служила имъ ко вреду. Но не на однихъ опальныхъ простиралась такая забота пастырей. По сознанію ихъ, „достоитъ печаловатися и молити и всячески увѣщать земныхъ властей не только о побѣдныхъ (смиренныхъ, угнетенныхъ опалою) и повинныхъ (обвиняемыхъ), но и *обидящихъ*“... „Мы должны учить васъ и о томъ говорить, что служить ко спасенію души“—вотъ что говорилъ Святополку Черниговскому, державшему въ опалѣ своего брата Изяслава, первый изъ извѣстныхъ исторіи печаловникъ пр. Θεодосій, 2) и что повторяли въ слѣдъ за нимъ чуть не всѣ послѣдующіе печаловники. Но этимъ еще не исчерпывались цѣли печалованія. Часто древне-русскіе пастыри своимъ печалованіемъ за опальныхъ имѣли въ виду уничтожить тѣ препятствія, которыя ставила опала для поступательнаго движенія древне-русскаго міра по пути общественно-политическаго благоустройства. Таковую цѣль печалованіе имѣло особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда опала обрушалась на цѣлыя общества, по винѣ отдѣльныхъ личностей, и производила въ нихъ страшную смуту. Удержать виновниковъ опалы отъ кровопролитія, пресѣчь развитіе производимой ею смуты было первою цѣлію печаловниковъ при подобныхъ обстоятельствахъ. „Клпзъ, мы поставлены въ Русской землѣ отъ Бога, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія“ заявляетъ митрополитъ Никифоръ (2 пол. XII в.) Кіевскому князю Рюрику, который обдѣлилъ удѣломъ въ южной Руси Владимірскаго князя Всеволода и этимъ вызвалъ послѣдняго на войну 3). „Мы съ тобою должны заботиться о благочестіи и покоѣ православнаго христіанства и царства“, говоритъ св.

1) П. Янковскій, 98—99.

2) Ibidem, 83.

3) П. Янковскій, 89—90.

Филиппъ Грозному, печалуясь предъ нимъ о „взволнованной опричниною Державѣ“¹⁾. Для умиротворенія Руси, и св. Алексій (1357 г.) путешествовалъ въ Орду съ печалованіемъ предъ ханомъ Бердибекомъ, наложившимъ опалу на Русь, по винѣ нѣкоторыхъ князей. Даже извѣстные своимъ патриотизмомъ владыки Новгородскіе и тѣ цѣлю печалованій за непокорныхъ Московскимъ князьямъ и, вслѣдствіе этого, часто навлекавшихъ на себя ихъ опалу согражданъ, ставили не отраженіе во чтобы то ни стало притязанія великихъ князей на вольность и права Новгорода, а лишь отдаленіе на время ихъ обоюдныхъ пререканій, для сохраненія обоюднаго мира и обезпеченія общественнаго благоустройства. Владыки видѣли, что время паденія Новгорода неизбѣжно и рано-ли, поздно-ли наступитъ, и какъ ни грустно было имъ, они примирялись съ печальнымъ будущимъ своего города. Но сознавали они и то, какой страшный взрывъ страстей произвело бы въ Новгородцахъ внезапное нарушеніе великимъ княземъ ихъ старины, какую жестокость вызвалъ бы, въ свою очередь, этотъ взрывъ и со стороны великаго князя. Поэтому, сдержатъ торжествующее начало (Московского князя) отъ проявленія насилія, не допустить его употребить во зло свою побѣду надъ Новгородцами, а имъ дать время привыкнуть къ мысли о покорности великому князю, о постепенномъ ограниченіи своихъ правъ—вотъ что было цѣлю большинства новгородскихъ печаловниковъ, а вотъ и трогательная иллюстрація такой цѣли. Владыка Іона (2 полов. XV в.), отпечаловавъ Новгородцевъ предъ вел. кн. Василюмъ Васильевичемъ, который грозилъ имъ лишеніемъ вольности за смуты противъ него и заговоры на его жизнь, заплакалъ и удивилъ своими слезами князя и митрополита. „Кто въ силахъ озлобить людей моихъ толикое множество?—отвѣчалъ старецъ патриотъ удивленнымъ. Кто можетъ смирить величество града моего? И усобицы смятутъ ихъ; раздѣленіе между ними низложитъ ихъ, леть, неправда, зависть развѣстъ ихъ. Но, по крайней мѣрѣ, я не увижу этого; во дни мои дастъ Богъ миръ и истину и благословеніе моимъ людямъ“²⁾. Тутъ

¹⁾ Ibidem, 190.

²⁾ П. Янковскій, 115—116.

видно и тяжелое сознаніе, что неизбежно паденіе новгородской независимости, и подневольное примиреніе съ этимъ явленіемъ въ будущемъ, и скорбь о бѣдствіяхъ людскихъ, какими оно будетъ сопровождаться, и радость, что удалось отпечаловать его наступленіе, и надежда на водвореніе мира между Москвой и Новгородомъ, по крайней мѣрѣ, во дни печаловника, помощью Божіей и его печаловническими трудами... Таковы цѣли печалованія: онѣ ясно отдѣлялись одна отъ другой въ сознаніи пастырей, но на дѣлѣ преслѣдовались всегда вмѣстѣ, потому что то, что облегчало участь печалуемыхъ, должно было и нравственно возвышать ихъ и способствовать ихъ взаимному согласію.

Этими цѣлями въ зависимости отъ душевнаго настроенія и внѣшняго положенія виновниковъ и жертвъ опалы, а также отъ того, какимъ путемъ тайнымъ или гласнымъ велось печалованіе, и отъ силы и широты, съ какими обрушалась опала, опредѣлялись приемы печалованія. О нихъ теперь и будетъ у насъ рѣчь.

А. Волгинъ.

(Окончаніе будетъ).

Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви въ сѣверо-западномъ краѣ.

(Окончаніе *).

VIII.

Управленіе М. Н. Муравьева ознаменовалось необычайнымъ увеличеніемъ числа православныхъ, перешедшихъ изъ латинства. Присоединенія совершались или по иниціативѣ самихъ обращааемыхъ или путемъ разбирательства. Въ томъ и другомъ случаѣ это было дѣло добровольнаго желанія, но совершалось оно не безъ содѣйствія духовной и гражданской власти. Разбирательства въ с.-з. краѣ имѣли довольно длинную исторію, начавшуюся вскорѣ послѣ перваго массоваго воссоединенія з.-р. униатовъ, когда признаны были православными приходы, принявшіе православіе съ своими пастырями, при чемъ законъ и позднѣйшія сенатскія разъясненія (1807 и 1810 г.г.) умалчивали объ отдѣльныхъ лицахъ¹⁾. Вслѣдъ за массовыми воссоединеніями (1794 и 1839 г.) начинались усиленные совращенія въ латинство. Правительство, желая остаться на почвѣ закона и удовлетворить жалобы православнаго духовенства на завсоеванія р.-католицизма, предлагало о спорныхъ приходахъ или лицахъ производить разбирательства по документамъ при участіи лицъ духовныхъ (православныхъ и р.-католическихъ) и гражданскихъ чиновниковъ. По Высочайшему положенію 10 ноября 1860 г. всѣ дѣла о совращеніяхъ были переданы для судебнаго разбирательства въ уѣздные магистраты и суды. Хо-

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 15.

† П. С. З. XXXI, № 24, 320.

рошею иллюстраціею того, какъ велись тамъ эти разбирательства до М. Н. Муравьева можетъ служить слѣдующее любопытное дѣло. Въ православномъ селеніи Спалгѣ, Свенцянскаго уѣзда, издревле была часовня, приписанная къ сосѣдней Церкви, священники коей иногда совершали въ ней богослуженіе. Мѣстный помѣщикъ-католикъ, дождавшись разрушенія часовни, по праву ктиторства вмѣсто ея возобленія въ 1820 г. выстроилъ на томъ-же мѣстѣ костель; вслѣдъ за тѣмъ начались совращенія въ латинство бывшихъ православныхъ. По жалобѣ на это приходского священника въ 1835 г. было произведено разбирательство и прихожане были признаны православными, но въ 1842 г. всѣ они уже числились католиками и посѣщали костель. Нѣсколько разъ священникъ доносилъ епархіальному и гражданскому начальству о совращеніи его паствы, но помѣщикъ успѣвалъ замять дѣло. Уступая настояніямъ Литовской Д. Консисторіи въ томъ же году, виленское губернское правленіе предписало свѣнцианскому исправнику (католику) произвести разслѣдованіе при участіи депутатовъ—священника и ксендза. Но исправникъ не отличался подвижностью и не отвѣчалъ до 1850 года, когда получилъ первый выговоръ „за промедленіе и недѣятельность“, что повторялось затѣмъ ежегодно, а разслѣдованіе все не производилось. Въ 1857 году исправникъ отвѣчалъ, что ему не доставлено визитационныхъ книгъ, необходимыхъ для разслѣдованія (онъ ихъ и не требовалъ). Въ слѣдующемъ году разслѣдованіе было отложено по неявкѣ депутата—ксендза. 24 ноября 1861 г. губернское правленіе строго предписывало лѣнивому исправнику „исполнительное по сему дѣлу донесеніе доставить въ самоскорѣйшемъ времени, ибо въ случаѣ дальнѣйшей медлительности въ счетъ вашъ будетъ посланъ нарочный“ (!). Послѣ еще одной такой-же грозной бумаги въ 1862 году, наконецъ, началось слѣдствіе. Оказалось, что ксендзъ, производившій первое дознаніе, умеръ, а его преемники отвѣтили, что они никакихъ бумагъ отъ него не получали и что ихъ прихожане, 117 душъ, издревле католики. При новомъ разслѣдованіи 1864 г. (по приказанію Муравьева) всѣ прихожане забыли о принадлежности къ православной церкви, назывались лати-

нянами, хотя несомнѣнно, что ихъ дѣды были православные. Такъ закончилось дѣло, тянувшееся 44 года, занявшее до 300 листовъ, среди которыхъ до 50 прошеній священника ¹⁾). Такой порядокъ разбирательства, возможной при польской администраціи, сталъ невозможнымъ при М. Н. Муравьевѣ, когда для всякаго отдѣльнаго случая разбирательства посылались коммиссія изъ русскихъ чиновниковъ (судебнаго слѣдователя и пристава) и депутатовъ отъ православнаго и р.-католическаго духовенства. Слѣдствіе производилось скоро, безпристрастно и только на основаніи достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ. Конечно, дѣло не обходилось безъ столкновеній съ ксендзами, которые старались въ метрики о родившихся вставлять новые листы, включать въ свои исповѣдныя росписи лицъ, никогда у нихъ не бывшихъ на исповѣди ²⁾ и т. п. Это часто обнаруживалось и всплывало во время разслѣдованій, въ чемъ такъ же дѣятельно помогалъ и самъ народъ, вообще очень легко и съ охотою при Муравьевѣ возвращавшійся въ лоно православной церкви, особенно когда ему показывали старыя метрики, въ которыхъ ихъ дѣды были записаны уніатами или православными. Переходу изъ латинства помогало также и то обстоятельство, что по мѣстамъ окатоличенные и сами хорошо еще помнили православіе или уніатство своихъ дѣдовъ, нѣкоторые по традиціи православные праздники, приглашали православныхъ священниковъ для освященія домовъ, заказывали имъ заупокойныя обѣдни. И это дѣлали не только крестьяне, но цѣлыя шляхетскія околицы, особенно въ Могилевской губерніи ³⁾, гдѣ въ нѣкоторыхъ костелахъ даже сохранилась уніатская церковная утварь съ ц.-славянскими надписями. Наконецъ, легкость перехода народа изъ латинства въ православіе путемъ разслѣдованія или безъ него по собственному почину еще объясняется тѣмъ общимъ подъемомъ въ з.-русскомъ народѣ религіознаго и національнаго самосознанія, которымъ характеризуется эпоха западно-русскаго возрожденія

1) А. В. Г. Г. 1865 г. № 1358.

2) Тамъ-же. 1864 г. №№ 1331, 1361, 1511; 1865 г. №№ 1418, 1354. Особенно волновались ксендзы, когда дѣло касалось перехода въ православіе шляхты, въ которой они видѣли опору для своей проповѣди.

3) А. В. Г. Г. 1864 г. № 1343.

60-хъ годовъ. Начавшееся въ верхахъ національное движеніе дошло до народа, разбудило его отъ вѣковой летаргіи. При общемъ подъемѣ духа заговорила русская кровь, потянуло къ вѣрѣ отцевъ. Еще до Муравьева по мѣстамъ крестьяне по собственной инициативѣ и на свои средства начинаютъ строить храмы, но съ прибытіемъ его и утвержденіемъ русской власти, когда перестали стыдиться быть русскими, движеніе въ православіе сдѣлалось массовымъ. По свидѣтельству Митрополита Іосифа, этому значительно содѣйствовало то, что „послѣ мятежа многіе изъ католиковъ, даже нѣкоторые ксендзы, усумнились въ собственномъ законѣ и спрашивали себя: можетъ-ли быть святая и истинная та вѣра, которая поощряетъ измѣну, клятвы и преступленія, пастыри которой призывали къ мятежу и обагрили руки кровью“. Многіе католики-простолюдины стали ходить въ церковь потому, что въ костелахъ ксендзы перестали молиться за Царя-Освободителя и благодѣтеля крестьянства ¹⁾. Въ своихъ докладныхъ запискахъ, поданныхъ въ 1864 году начальнику края ²⁾, Преосвященные Антоній и Михайль писали, что католическое общество, даже ксендзы изъ бѣлорусовъ въ Минскѣ очень расположены къ переходу въ православіе, но ждутъ инициативы отъ гражданской и духовной русской власти. Къ Преосвященному Антонію, находившемуся на покой, приходили крестьяне и спрашивали, скоро-ли ихъ попросятъ въ православную церковь? Архіепископъ Витебскій Василій послѣ своихъ обзорнѣй епархіи (лѣтомъ 1864 г.) писалъ начальнику края, что во время его поѣздки заявили желаніе и были приняты въ православіе 209 католиковъ (преимущественно дворянъ, и что вообще дѣло православія растетъ, крѣпнетъ и число обращающихся увеличивается ³⁾.

Такое массовое стремленіе къ православію нуждалось въ одобреніи и содѣйствіи гражданской власти, и Муравьевъ охотно пошелъ ему на встрѣчу, оказывалъ возможную

¹⁾ Киприановичъ, стр. 435.

²⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1461.

³⁾ Тамъ-же №№ 1513, 1795. Массовыя возвращенія чаще бывали послѣ пѣи при освященіи новыхъ церквей, что нарочно совершалось архіерейскимъ служеніемъ и съ особенною торжественностію.

поддержку. Благодаря его содѣйствию, по его собственному признанію, въ короткое его управленіе с.-западнымъ краемъ изъ католиковъ перешло въ православіе свыше 12 тысячъ ¹⁾. Но было бы въ высшей степени несправедливо думать, что Муравьевъ кромѣ сочувствія употреблялъ къ обращенію въ православіе еще и понудительныя мѣры. Конечно, увеличеніе въ краѣ православныхъ вело къ его обрусѣнію, что составляло главную задачу административной программы и дѣятельности Муравьева; но мы можемъ доказать десятками дѣлъ и его собственноручныхъ резолюцій, какъ онъ былъ далекъ отъ насилія, понужденій и всякихъ полицейскихъ мѣръ въ дѣлахъ вѣры, предоставляя, какъ мы видѣли, инициативу въ церковныхъ дѣлахъ духовной власти и духовнымъ мѣрамъ, послѣ которыхъ должна уже дѣйствовать власть охранительная. Когда при общемъ патріотическомъ воодушевленіи и энергичной дѣятельности начальника края нѣкоторые, не въ мѣру ревностные чиновники, начали подавать ему различные проекты о понудительныхъ мѣрахъ къ обращенію католиковъ въ православіе и о разныхъ искусственныхъ способахъ привлеченія къ нему ²⁾, Муравьевъ ни одного изъ нихъ не одобрилъ, издавъ такой строгій циркуляръ губернаторамъ и уѣзднымъ начальникамъ: „принять надлежащія мѣры къ огражденію крестьянъ отъ вреднаго вліянія ксендзовъ и другихъ лицъ, могущихъ противодѣйствовать принятію православія, но имѣть секретное за этѣмъ дѣломъ наблюденіе, отнюдь не допуская какого бы ни было насилія или настойчивости въ обращеніи ихъ въ православіе, помимо чистосердечнаго собственнаго ихъ желанія ³⁾“. Яснѣе этого, кажется, трудно выразиться противъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ репрессалій. Надо замѣтить, что

¹⁾ Музей гр. М. Н. Муравьева въ Вильнѣ. Рукописный отдѣлъ № 97. При слѣдующемъ ген.-губернаторѣ К. Т. Кауфманѣ обращающихся было гораздо больше: въ 1867 г. они составляли уже 25 приходовъ.

²⁾ Напр., предлагали одѣлать обратившихся шляхтичей по 5 руб., или освободить отъ контрибуціонныхъ суммъ, а нѣкоторые даже предлагали земельные паѣлы. А. В. Г. Г. 1864 г. № 1331. Такихъ предложеній былъ не чуждъ Преосвященный Антоній Зубко, какъ это видно изъ его докладной записки. См. наша статья „Изъ бумагъ Преосвященнаго Антонія Зубко“. Мни. Еп. Вѣл. 1900 г. № 7 и 8.

³⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1331.

этотъ циркуляръ не былъ только канцелярской бумагой, напротивъ послѣ его изданія всякое не въ мѣру усердіе по вѣрѣ строго каралось. Напр., въ декабрѣ того же года волостной писарь полоцкаго уѣзда Тейхъ послѣ одного сельскаго схода предложилъ старостамъ подписаться и приложить печати къ составленной имъ бумагѣ, не объясняя ея содержанія, а по исполненіи этого объявилъ, что теперь они православные и должны креститься по-русски, чего крестьяне сразу не поняли и разошлись. Мѣстный священникъ, имѣя документъ, донесъ Архіепискому Полоцкому о присоединеніи къ православію католиковъ своего прихода, а тотъ увѣдомилъ Св. Синодъ. Крестьяне, узнавъ въ чемъ дѣло, послали начальнику края жалобу на подлогъ писаря. Муравьевъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе и если дѣйствительно актъ окажется подложнымъ, то предать Тейха суду, затѣмъ „при собраніи всѣхъ поименованныхъ въ актѣ уничтожить подложную ихъ подпись, внушивъ, что правительство никого не стѣсняетъ въ свободномъ отправленіи религіи и совершенно предоставляетъ ихъ доброй волѣ принять, или не принять православіе ¹⁾“. Эта резолюція и самое дѣло, подобныхъ которому можно привести нѣсколько, также ясно говоритъ за отношеніе Муравьева къ вѣроисповѣдному вопросу ²⁾. Тамъ онъ проявилъ себя какъ при массовыхъ обращеніяхъ и разбирательствахъ, такъ и при единичныхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ былъ готовъ оставить въ покоѣ упорствующихъ (не полякующихъ), если даже они не представляли законныхъ основаній для пребыванія въ католическо вѣрѣ. По поводу

1) Тамъ-же.

2) Образцомъ того, какъ совершались присоединенія, можетъ служить полное донесеніе о закрытіи костела въ с. Куродичахъ и обращеніи его въ православную Церковь. Прихожане этого костела всѣ были окатоличенные бѣлоруссы, говорили на этомъ языкѣ и соблюдали нѣкоторые православные обряды, что было замѣчено сосѣднимъ священникомъ и онъ ихъ понемногу расположилъ къ возвращенію въ православіе. Въ октябрѣ 1864 г. онъ въ обществѣ суд. слѣдователя и станового пристава, прибывъ въ Куродичи и собравъ народъ, началъ разъяснять, что предки ихъ были православными, что доказалъ старыми метриками. Прихожане въ числѣ 275 душъ изъявили согласіе. Сейчасъ-же явилась школа, а въ декабрѣ прибывшая депутація окропила костель св. водой и совершила литургію. Всѣ новые прихожане умѣли креститься и знали нѣкоторые православныя молитвы (А. В. Г. Г. 1864 г. № 1507).

одного изъ многочисленныхъ разбирательствъ (дворянъ Борковскихъ), длившася болѣе 50 лѣтъ, когда вполнѣ выяснилось (въ 1864 г.), что предки упорствующаго рода были православные, Муравьевъ положилъ резолюцію: „подвергнуть Борковскихъ духовному увѣщанію у православнаго епископа и при его безуспѣшности не подвергать дальнѣйшей отвѣтственности передъ закономъ, предоставивъ имъ оставаться въ заблужденіи“¹⁾.

Въ дѣлѣ привлеченія къ православію окатоличенныхъ бѣлоруссовъ очень важное значеніе имѣло возвращеніе при содѣйствіи гражданской власти древнихъ отнятыхъ католиками православныхъ святынь и возстановленіе историческихъ памятниковъ церковной старины. При замѣтномъ религіозномъ индифферентизмѣ бѣлорусса въ немъ было сильно традиціонное благочестіе, почтеніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились чтимыя иконы, предъ которыми онъ изстари изливалъ въ молитвахъ свои рѣдкія радости и частое горе. Въ цѣляхъ совращенія помѣщики, пользуясь какимъ-нибудь удобнымъ случаемъ, напр., перестройкой или пожаромъ церкви, убѣжденіями или силою склоняли прихожанъ поставить на время чтимую ими икону въ каплицу, или костелъ, куда за нею шли и православные ея поклонники, а потомъ незамѣтно привыкали къ костелу. Всѣ усилія православныхъ священниковъ и прихожанъ въ прежнее время возвратить свои святыни не имѣли успѣха. Въ правленіе Муравьева и по его распоряженію всѣ подобныя жалобы подвергались строгому разслѣдованію, при чемъ, кромѣ свидѣтельскихъ показаній старожиловъ въ спорныхъ вопросахъ о принадлежности той или другой иконы, принимались во вниманіе записи визитаціонныхъ книгъ и инвентарей, способъ письма иконы: византійскій стиль и греческія надписи считались несомнѣннымъ признакомъ принадлежности иконы православнымъ. Благодаря такимъ разслѣдованіямъ возвращены были православнымъ чтимыя иконы въ с. Оховѣ въ м. Шумлячъ,²⁾ въ с. Ставкѣ, затѣмъ послѣдо-

1) А. В. Г. Г. 1864 г. № 1361.

2) А. В. Г. Г. 1864 г. №№ 1458, 1348. За безпристрастность разслѣдованій говорятъ тѣ случаи, когда притязанія оказывались неосновательными, напр., объ иконѣ Знаменія Богородицы въ Сорочевомъ костелѣ. Тамъ-же. 1865 г. № 1491.

валь переходъ въ православіе нѣсколькихъ сотенъ совращенныхъ. Кромѣ мѣстно-чтимыхъ иконъ при этихъ разслѣдованіяхъ были отобраны у помѣщиковъ взятые ими, изъ Церквей образа и другія церковныя принадлежности ¹⁾).

Возвращеніе древнихъ православныхъ иконъ было лишь началомъ того обширнаго возстановленія историческаго православія, на которое положилъ не мало трудовъ начальникъ края. Глубоко убѣжденный, что этотъ край былъ издревле православный и стараясь укрѣпить это убѣжденіе въ средѣ русскаго общества ²⁾, онъ желалъ вызвать къ бытію всякую развалину, всякій обломокъ церковной старины, клочекъ церковной рукописи... Надо было только услышать Муравьеву, что гдѣ-нибудь даже за предѣлами с.-з. края хранится древняя Библія, плащаница, что найдена церковная утварь, старинная картина или рукопись и, если были какія-нибудь указанія на связь этихъ вещей съ исторіей Западной Россіи, то онъ не жалѣлъ средствъ и хлопотъ для водворенія ихъ къ первоисточнику. Въ 1864 г. послѣ долгихъ поисковъ въ Пулавскомъ музеѣ гр. Замойскихъ среди конскихъ чапраковъ и всякаго хлама была найдена одна изъ древнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ Московскихъ плащаницъ,—даръ Новодѣвичьяго монастыря г. Смоленску, откуда она въ 1612 г. была вывезена вмѣстѣ съ военной добычей и Сигизмундъ III-й подарилъ ее Виленскому Троицкому монастырю, а оттуда чрезъ 200 лѣтъ попала въ фамильный музей древностей ³⁾. Въ томъ-же году были найдены въ Августовской губерніи священные сосуды, также по изслѣдованію оказавшіеся вывезенными изъ Смоленска въ 1612 году ⁴⁾. Въ Несвижѣ была найдена Библія XVI в. (иезуитскаго изданія съ комментаріями).—интересный памятникъ исто-

1) Тамъ-же. 1864 г. № 1417.

2) Напр., нарочно было издавно соч. Бантышъ Коменскаго „Историческія извѣстія объ ушн“, гр. Толстого „Римскій католицизмъ въ Россіи“. „Русская Впльня“ и др. Первое сочиненіе по одному экземпляру получали священники сѣв.-западнаго края. А. В. Г. Г. 1864 г. № 1735. 1865 № 1741.

3) А. В. Г. Г. 1864 г. № 277. Краткая исторія плащаницы въ Лпт. Еп. Вѣд. 1864 г. № 21. Скоро появится въ печати изслѣдованіе о ней, какъ церковно-археологическомъ памятникѣ.

4) А. В. Г. Г. 1864 г. № 274, 1450.

ріи з.-р. просвѣщенія и т. п. ¹⁾). Кромѣ того, какъ извѣстно, Муравьевымъ была снаряжена цѣлая экспедиція главнымъ образомъ изъ учителей, имѣвшая ближайшею своею задачею отысканіе памятниковъ з.-р. православной старины. Благодаря ей, были описаны нѣкоторыя развалины, найдено много цѣнныхъ старинныхъ книгъ и рукописей, значительно уяснившихъ и возстановившихъ политическую и церковную исторію Западной Россіи ²⁾).

Еще большее значеніе для православной западно-русской Церкви имѣло возстановленіе начальникомъ края древнѣйшихъ Церквей, возникшихъ на зарѣ православія Литовской Руси и ясно свидѣтельствовавшихъ, что оно (православіе) было колыбелью здѣсь христіанства. Р.-католики постарались однѣ изъ нихъ обратить въ костелы, другія обратить въ развалины, уничтожить такъ, чтобы исчезла въ народѣ память о нихъ, третьи—осквернить, унижить такъ, чтобы ихъ положеніе говорило о приниженности православія къ краѣ. Въ самой Вильнѣ въ такихъ развалинахъ находился древнѣйшій Митрополитальный соборъ,—(созданіе Ольгерда 1348 г.), выдавшій въ своихъ стѣнахъ служеніе западно-русскихъ митрополитовъ, для которыхъ (до XVI в.) и служилъ кафедрою, и почему и назывался „митрополитальнымъ“. Забранный въ унію (1609 г.), онъ въ половинѣ XVIII в. послѣ одного пожара долго не возобновлялся, а потомъ въ 1785 г. его византійскій стиль былъ измѣненъ въ романскій. Въ началѣ текущаго столѣтія зданіе собора было обращено въ университетскую ветеринарную клинику, а потомъ отдавалось подъ частныя квартиры бѣднымъ людямъ (въ 1863 г. помѣщалась тамъ кузница). Недалеко отъ него въ болѣе жалкихъ развалинахъ стояла бывшая придворная православная Церковь XIV в. во имя св. Параскевы. „Больно было смотрѣть на эту мерзость запустѣнія когда-то святого мѣста, говорилъ одинъ очевидецъ, вспоминались слова поэта: „et lapides habent suas lacrimas“. Третья древняя Церковь Николаевская, окруженная частными домами, была тѣсна

¹⁾ Тамъ же 1865 г. № 299.

²⁾ Тамъ же 1864 г. № 1663; 281. Впоследствии памятники эти были изданы П. Н. Батюшковымъ.

и темна. Ревнуя о возстановленіи этихъ древнихъ памятниковъ православія, начальникъ края отпустилъ изъ контрибуціонныхъ суммъ до 100 т. руб., да Высочайше разрѣшенная по всей Россіи подписка дала на Пречистенскій соборъ 250,000 руб., на Николаевскую Церковь 42,511 руб. Благодаря этой суммѣ, изъ древнихъ развалинъ были возстановлены Пречистенскій соборъ, Пятницкая Церковь и отремонтирована Николаевская, при чемъ близъ нея въ память прекращенія мятежа и виновниковъ усмиренія его была выстроена часовня въ честь Архистратига Михаила ¹⁾). Кроме виленскихъ древнихъ Церквей заботами М. Н. Муравьева были возстановлены Софійскій Гродненскій соборъ и древній-же храмъ Сурдегскаго монастыря, Церковь на Троицкой горѣ въ Минскѣ, минскій кафедральный соборъ, виленскій Троицкій соборъ ²⁾ и др.

IX.

Мы переходимъ къ важнѣйшей заслугѣ М. Н. Муравьева для православія въ с.-западномъ краѣ—къ его церковно-строительному дѣлу. Преобладающее количество молитвенныхъ домовъ извѣстнаго вѣроисповѣданія предъ другимъ служить однимъ изъ главныхъ признаковъ его господствующаго положенія въ краѣ и лучшимъ средствомъ для укрѣпленія и возвышенія самаго исповѣданія. Это особенно можно сказать про с.-з. край, гдѣ интенсивность и положеніе религіозной борьбы въ извѣстную эпоху легко можно провѣрить по сравнительной статистикѣ церквей и костеловъ. Такое положеніе дѣла хорошо понимала латино-польская партія и, какъ мы уже видѣли, она всѣми мѣрами старалась о количественномъ преобладаніи костеловъ въ краѣ; но это скоро было понято русскимъ правительствомъ, которое также приложило свои заботы къ построенію православныхъ церквей. Считаая неприложимымъ въ с.-з. краѣ общеимпер-

¹⁾ А. В. Г. Г. 1863 г. № 826. 1864 г. №№ 1299; 1294. О возобновленіи Николаевской Церкви и построеніи часовни см. нашу статью: „Какъ созданъ памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ г. Вильнѣ“. Русская Старина. 1898 г. № 12.

²⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. №№ 1462, 1332, 1473 и др. По распоряженію Муравьева отпущено было на Сурдегскій храмъ 10,000 руб. и монастырь былъ надѣленъ угодіями и арендами, дававшими ежегодно 600—700 руб. дохода.

скій законъ, считающій строеніе церквей обязанностію самихъ прихожанъ и разрѣшающій лишь благотворительные для этого сборы, оно въ силу мѣстныхъ условій приглашало помѣщиковъ (указы 1835, 1851 и 1852 г.г.) строить въ своихъ имѣніяхъ новыя церкви и исправлять старыя для своихъ крѣпостныхъ православнаго исповѣданія. Но это распоряженіе повело къ тому, что съ 1831—1858 г. разрушилось свыше 2000 православныхъ церквей, а оставшіяся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ числомъ 1551 находились въ самомъ жалкомъ положеніи, особенно въ трехъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ многія изъ нихъ за невозможностью совершать въ нихъ богослуженіе были закрыты ¹⁾. Когда гродненскимъ губернаторомъ П. Н. Батюшковымъ объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Государя Императора, онъ рѣшилъ самъ придти на помощь церковностроительству въ с.-з. краѣ. По Высочайшему повелѣнію 16 января 1858 г. для возобновленія церквей с.-з. края было отпущено 500000 руб., но ихъ едва хватило на церкви Могилевской и Витебской губерній. Въ 1860 г. министръ внутреннихъ дѣлъ исходатайствовалъ на то-же дѣло дополнительный кредитъ въ 1 милліонъ рублей главнымъ образомъ на церкви Минской губерніи. Не смотря на отпущенныя суммы, церковно-строительныя работы до Муравьева подвигались очень медленно. По отчету ревизіонной комиссіи 1864 г. изъ назначенныхъ къ постройкѣ и исправленію отъ казны 618 церквей въ трехъ поименованныхъ губерніяхъ было выстроено всего 81, исправлено 55, между тѣмъ изъ ассигнованныхъ къ выдачѣ суммъ до 1868 г. оставалось дополучить лишь 20387 р. 42 коп. ²⁾. Такая медлительность заключалась прежде всего въ томъ, что утвержденіе проекта постройки каждой церкви и ея мѣстонахожденія, равно и выдача денегъ совершались чрезъ Губернское Правленіе и Казенную Палату, въ которыхъ засѣдала попякующая администрація, всячески тормозившая утвержденіе плановъ ³⁾ и задерживавшая деньги. Въ минской

¹⁾ Наглядное представленіе о внѣшности этихъ церквей даютъ, кромѣ существующихъ описаній въ литературѣ, также ихъ фотографія и рисунки, въ значительномъ уже количествѣ собранныя въ музей гр. М. Н. Муравьева.

²⁾ Изъ отчета М. Н. Муравьева 1865 г. Музей гр. М. Н. Муравьева.

³⁾ Напр., въ м. Городицѣ мѣсто для церкви было избрано на площади среди

губерніи, благодаря управляющему Казенной Палаты (поляку), церкви, начатыя въ 1858 г., стояли въ 1864 г. неоконченными, а выстроенныя вскорѣ потребовали ремонта.

Таково было положеніе церковно-строительнаго дѣла въ с.-з. краѣ до Муравьева. Онъ, будучи еще министромъ государственныхъ имуществъ, въ 1857 году сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ казенныхъ имѣніяхъ с.-з. края было выстроено на счетъ казны 36 церквей и въ 56 произведенъ капитальный ремонтъ. Со вступленіемъ въ управленіе краемъ Муравьевъ, считая строеніе и украшеніе церквей „благимъ дѣламъ, съ которыми тѣсно сопряжены интересы православной церкви и русской народности“, приложилъ къ нему особенное стараніе. Прежде всего онъ подвинулъ начатыя уже постройки. Съ этою цѣлю такія лица какъ управляющій Минской Казенной Палатой, послѣ одного—двухъ умолчаній на запросъ о причинѣ медлительности работъ, были удалены съ должностей ¹⁾. Затѣмъ были учреждены губернскіе церковно-строительные комитеты, инструкціи для которыхъ были написаны самимъ начальникомъ края ²⁾, упрощено самое дѣло разрѣшенія построекъ и порядокъ ихъ веденія. Необходимость въ какой-либо церковной постройкѣ заявлялась или чиновниками или прихожанами начальнику края и послѣ обсужденія духовною властью слѣдовала денежная ассигновка, а потомъ уже дѣло поступало въ распоряженіе губернскаго церковно-строительнаго комитета, какъ инстанціи исполнительной. Иногда дѣло о постройкѣ начиналось по инициативѣ епархіальной власти, или губернскаго строительнаго комитета и шло на утвержденіе начальника края. При такомъ порядкѣ невозможно было затормозить работы, или произвести произвольныя затраты денегъ, потому что Муравьевъ вникалъ во всѣ подробности каждаго дѣла, самъ разсматривалъ смѣты, проекты

селенія, близь костела, начата даже была постройка, но евреи и р.-католики успѣли добиться отъ министра внутреннѣхъ дѣлъ запрещенія постройки и церковь была вынесена за мѣстечко. Этотъ случай былъ не единичный. А. В. Г. Г. 1863 г. № 1535.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ А. В. Г. Г. 1863 г. № 835; 1864 г. № 1292.

и планы. На это онъ смотрѣлъ какъ на отдыхъ души, праздничное развлеченіе, почему, по свидѣтельству современника, каждое воскресенье послѣ приемовъ приглашалъ къ себѣ архитектора-академика Чагина и послѣ всесторонняго обсужденія всякаго проэкта (при чемъ не пренебрегался ничей совѣтъ), онъ самъ своею подписью утверждалъ избранные проэкта ¹⁾. Изъ способовъ строенія Муравьевъ предпочиталъ хозяйственный подрядному и въ крайнемъ случаѣ рекомендовалъ отдавать подряды православнымъ, вызваннымъ изъ внутреннихъ губерній, евреямъ-же и католикамъ поручать церковныя постройки было запрещено. Если начальнику края представленныя смѣты казались очень высокими, то онъ посылалъ для провѣрки и разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ особую комиссію изъ членовъ губернскаго ц.-строительнаго комитета и архитектора, которые и производили слѣдствіе при посредствѣ духовенства и церковныхъ совѣтовъ ²⁾. Послѣдніе учреждены были (12 іюля 1864 г.) начальникомъ края, написавшимъ для нихъ правила (по образцу такихъ-же совѣтовъ южно-русскихъ поселеній) ³⁾. Ихъ составляли лучшіе и наиболѣе усердные прихожане (4—8 человѣкъ) подъ предсѣдательствомъ своего священника. Ближайшею цѣлію учрежденія совѣтовъ, какъ мѣры временной, было содѣйствіе и наблюденіе за постройкой приходской церкви, за ея ремонтомъ, заботы о недвижимомъ и движимомъ церковномъ имуществѣ, равно и о преуспѣяніи народн. школы, гдѣ она была. Церковные совѣты имѣли важное значеніе: они сотовляли ядро приходовъ, узелъ возрождавшейся церковно-приходской жизни православнаго населенія; они, подобно древнимъ братствамъ, сближали прихожанъ съ церковью и, изыскивая мѣстныя средства, давали церковно-строительству характеръ дѣла не только правительственнаго, но и народнаго. Практическимъ-же послѣдствіемъ учрежденія церковныхъ совѣтовъ было веденіе построекъ, при знаніи мѣстныхъ условій, на болѣе экономическихъ началахъ, о чемъ также заботился и чего желалъ начальникъ края и потому

¹⁾ Масоловъ Виленскіе очерки 131 стр.

²⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1230 и др.

³⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1385, 1863 г. № 836.

считалъ совѣты учрежденіями очень полезными и питалъ къ нимъ довѣріе. Когда 2 августа того-же года были Высочайше утверждены правила о повсемѣстномъ открытіи церковныхъ попечительствъ—учрежденій съ бѣльшею компетенціей, чѣмъ совѣты и въ зависимости отъ духовной власти (церковные совѣты зависѣли и отъ гражданской власти), то Митрополитъ Іосифъ обратился къ начальнику края съ запросомъ, какъ поступить съ начавшими уже дѣйствовать ц. совѣтами? Муравьевъ высказался за отправленіе ихъ въ виду исключительнаго положенія края и уже обнаружившейся несомнѣнной ихъ пользы. Съ этимъ согласился и департаментъ духовныхъ дѣлъ, оставившій совѣты на трехлѣтній срокъ, послѣ чего они должны быть замѣнены попечительствами ¹⁾.

Въ церковно-строительномъ дѣлѣ не малую помощь начальнику края оказали также церковныя братства, начавшія возникать вмѣстѣ съ пробудившимся стремленіемъ къ возстановленію въ краѣ древняго православія. Какъ древнія, западно-русскія братства (до XVIII вѣка), возникшія изъ общинныхъ формъ русской жизни, развивались и существовали исключительно на церковной почвѣ, при чемъ храмъ являлся центромъ, объединявшимъ членовъ братства и ихъ жизнедѣятельность, такъ и по своемъ возобновленіи въ 60-хъ годахъ они устройство храма и его благолѣпіе считали главнымъ предметомъ своихъ заботъ. Поощряя возстановленіе и дѣятельность братствъ, Муравьевъ самъ записался въ нѣкоторыя изъ нихъ ²⁾, а за нимъ вступали членами русскіе мѣстные дѣятели, отозвались и богатые люди изъ Москвы и другихъ городовъ, впоследствии пожертвовавшіе въ братскія церкви немало облачений и церковной утвари.

Но все-же главнымъ виновникомъ и дѣятелемъ по постройкѣ и возобновленію церквей былъ начальникъ края: отъ него исходила не только инициатива, упорядоченіе построекъ, но и средства. Послѣднія по его отчету 1865 года ³⁾ состояли:

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1385.

²⁾ Наур., въ Ковенское братство (Вѣстникъ Зап. Россіи 1865 г. вн. 5 стр. 109), въ Могилевское Сергіевское (А. В. Г. Г. 1864 г. № 1334) и въ Кузнецкое братство (тамъ-же 1865 г. № 1443).

³⁾ Музей гр. М. Н. Муравьева. Рукописный отдѣлъ № 97.

во 1-хъ, изъ обыкновенныхъ суммъ 10% сбора имъ отпущено 80000 руб.; во 2-хъ, изъ дополнительнаго сбора на постройку и обновленіе церквей 265488 руб. 14 коп. (на 39 церквей); въ 3-хъ, изъ контрибуціонныхъ на 36 церквей отпущено 221496 руб. 24 коп.; въ 4-хъ, изъ суммъ на пособіе пострадавшихъ отъ мятежа на 9 церквей и 3 часовни 454744 руб. 24 коп.; въ 5-хъ, изъ остатковъ суммы, собранной съ помѣщиковъ на содержаніе карауловъ 24025 руб. 89 коп.; въ 6-хъ изъ 5 рублеваго сбора со шляхты гродненской губерніи 9754 руб.; въ 7-хъ, изъ ассигнованныхъ въ 1865 г. (по ходатайству начальника края) отъ казны 100000 истрачено на построеніе 21 церкви 74078 руб. 32 коп. Итого, съ января 1864 г. по мартъ 1865 г. Муравьевымъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи суммъ было отпущено 901150 руб. 59 коп. Но эта цифра еще не служитъ дѣйствительнымъ показателемъ суммъ, израсходованныхъ имъ на церковно-строительное дѣло. Припомнимъ, что подписка на Николаевскую церковь и Пречистинскій соборъ дала до 300 т. руб. Пожертвованія поступали и помимо этихъ подписокъ, при чемъ начальникъ края проявлялъ поистинѣ изумительную способность въ отысканіи и привлеченіи жертвователей. Узнавъ, напр., что послѣ передѣлки иконостаса Исаакіевскаго собора остались безъ употребленія образа второго яруса, онъ испросилъ чрезъ гр. Адельберга Высочайшее соизволеніе на помѣщеніе ихъ въ новомъ иконостасѣ Николаевскаго виленскаго собора ¹⁾. Но при изобрѣтательности въ средствахъ начальникъ края проявлялъ большую разборчивость: отъ иновѣрцевъ на церковно-строительное дѣло пожертвованій не принималъ ни деньгами, ни матеріалами и постройками ²⁾, рекомендуя послѣднія обращать

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1349. Иконостасъ собора стоитъ 80000 руб., а передѣлка вида 30000 руб.

²⁾ Напр., католики г. Пружанъ заложили въ 1861 г. постройку большого костела, довели его до корниза и, не будучи въ состояніи окончить, предложили постройку подъ православную церковь. Но М. Н. Муравьевъ отклонилъ это пожертвованіе, скрѣпленное общественнымъ приговоромъ, подъ предлогомъ, что „предполагается постройка новой церкви“, зданіе-же рекомендовалъ обратить на школу или благотворительное заведеніе. То же онъ отвѣчалъ Ломженскимъ евреямъ, приславшимъ деньги на постройку Михайловской часовни. (А. В. Г. Г. 1864 г. № 1289, Руская Старина 1898 № 12).

подъ школы или богоугодныя заведенія. Желая наполнить церковно-строительныя средства и вмѣстѣ дать урокъ уваженія къ русскому закону, Муравьевъ въ ноябрѣ 1864 г. сдѣлалъ циркулярное предписаніе начальникамъ губерній, чтобы собраны были точныя свѣдѣнія, какъ помѣщиками были исполнены указъ 1852 года, обязывавшій ихъ выстроить православныя церкви для своихъ крестьянъ. Разслѣдованія обнаружили, что многіе помѣщики нѣсколько разъ собирали съ своихъ крѣпостныхъ деньги на постройку церквей, но ихъ не строили, а деньги шли на мятежъ ¹⁾. Въ большинствѣ имѣній однако церкви оказались выстроенными, а съ тѣхъ владѣльцевъ, которые этого не сдѣлали, начальникъ края предписалъ взыскать недоимки, но не успѣлъ это привести въ исполненіе ²⁾. При этой провѣркѣ обращено было вниманіе на тѣ церкви, которыя были выстроены помѣщиками не по принятому и утвержденному плану, а съ архитектурой костельной. Такія церкви, по распоряженію начальника края, подлежали передѣлкѣ ³⁾.

Благодаря отпущеннымъ средствамъ и энергіи Муравьева, церковно-строительное дѣло подвигалось очень быстро. По свидѣтельству современника, архитекторы Рязановъ и Чагинъ не успѣвали разсматривать проектовъ, присылаемыхъ изъ уѣздовъ ⁴⁾; тогда для ускоренія дѣла было выписано изъ Мин. государств. имуществъ и отпечатано 1920 экз. проектовъ для образца (между ними были опыты постройки желѣзныхъ церквей). Стремясь къ насажденію въ краѣ истоваго православія во всѣхъ его проявленіяхъ, Муравьевъ требовалъ, чтобы вновь строящіяся церкви были похожи на великорусскія не только по внѣшности, но и по внутреннему устройству, напр., „чтобы иконы въ иконостасахъ въ отношеніи характера живописи и фона сохраняли тѣ условія, какія приняты древне церковнымъ обычаемъ православныхъ храмовъ“ ⁵⁾. Съ тою-же цѣлью, по

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1539.

²⁾ Тамъ-же 1864 1449 № 1564; 1863 г. № 835.

³⁾ Тамъ-же 1864 № 1539.

⁴⁾ Масоловъ. Виленскіе очерки.

⁵⁾ А. В. Г. Г. 1863 г. № 835. 1864 г. №№ 1552, 1539, (желѣзная ц. въ Беницѣ Ошмян. у.).

соглашенію съ Митрополитомъ, послѣднимъ было предписано, чтобы „всѣ изображенія (статуи, картины, кресты католическіе), которые по своему характеру несомнѣнно принадлежатъ римской церкви, были уничтожены негласнымъ образомъ на мѣстѣ самими священниками подъ наблюденіемъ благочинныхъ“¹⁾, чтобы иконостасы были построены въ два и три яруса, а сами стѣны церквей выкрашены въ свѣтлый фонъ, такъ какъ „замѣчено, что крестьяне предпочтительно любятъ молиться въ красивомъ храмѣ“²⁾.

Для итога церковно-строительной дѣятельности М. Н. Муравьева за время его управленія с.-западнымъ краемъ мы просмотрѣли всѣ относящіяся къ этому дѣлу бумаги виленскаго генераль-губернаторства, губернскихъ ц.-строительныхъ комитетовъ, а также разныя извѣстія мѣстныхъ органовъ періодической печати и у насъ получилось, что по распоряженію, денежной помощи и какому либо дѣятельному участию начальника края было во 1-хъ выстроено 98 церквей вновь; во 2-хъ, возобновлено, отремонтировано церквей и относящихся къ церквамъ строеній 126; въ 3-хъ, передѣлано изъ костеловъ 16 церквей; въ 4-хъ, передѣлано изъ каплицъ 3 церкви; въ 5-хъ, православныхъ часовень воздвинуто 63. Между послѣдними были такія, которыя по цѣнности превосходили церкви, напр., виленская Георгіевская часовня въ память павшихъ во время мятежа русскихъ воиновъ стоила до 25 т. руб., иѣсколько менѣе Михайловская часовня и Александро-Невская на виленскомъ кладбищѣ и т. п.³⁾.

Хотя такимъ успѣхомъ церковно-строительное дѣло с.-западнаго края обязано прежде всего начальнику края, его ревности къ православію и энергіи при выполненіи своей административной программы, съ которой тѣсно связывалось и церковное строительство, однако размѣры и быстрота этого дѣла обуславливалась сочувствіемъ всей Россіи, участіемъ русскаго

1) А. В. Г. Г. 1865 г. № 1578.

2) Тамъ-же. 1864 г. № 1535.

3) Перечисленіе въ статьѣ всѣхъ этихъ церковныхъ построекъ заняло бы много мѣста, но въ видахъ важности этого сниска для церковной исторіи и статистики с.-западнаго края необходима особая статья съ нѣкоторыми оу-щевными здѣсь подробностями.

общества, духовенства и народа. Почти ни одинъ планъ, ни одно важное дѣло не обходилось безъ предварительныхъ сношеній съ епархіальной властью и ближайшимъ образомъ съ Митрополитомъ Іосифомъ. При солидарности взглядовъ духовной и гражданской власти онѣ почти всегда приходили къ единодушному рѣшенію, при чемъ Митрополиту приходилось соглашаться съ Муравьевымъ. Но были и разнорѣчія. Напр., въ 1864 г. кто-то внушилъ Муравьеву мысль, что хорошо было-бы вмѣсто придорожныхъ крестовъ построить часовни и тѣмъ вытѣснить кресты и каплицы. Когда онъ этотъ проектъ сообщилъ Митрополиту, тотъ не согласился на томъ основаніи, что теперь и такъ требуется много строительныхъ матеріаловъ и новыя постройки потребуютъ большихъ расходовъ, которые лучше употребить на построеніе малыхъ приписныхъ церквей по деревнямъ ¹⁾. Что касается простого народа, то постройка и возобновленіе церквей шли при самомъ дѣятельномъ его участіи, выражавшемся въ посильныхъ пожертвованіяхъ, но еще больше въ подвозкѣ строительныхъ матеріаловъ, въ подготовкѣ ихъ и кладкѣ. Благодаря объединительной дѣятельности церковныхъ совѣтовъ созданіе или возобновленіе сельской церкви являлось дѣломъ народнымъ при участіи всѣхъ членовъ приходской общины, тѣмъ болѣе что много церквей было деревянныхъ и для нихъ лѣснаго матеріала, который безвозмездно отпускался изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, было достаточно и населеніе привыкло обращаться съ нимъ. Часовни-же въ большинствѣ были выстроены самими крестьянами и по ихъ почину. Изъ нихъ мы насчитали до десяти „михайловскихъ“, выстроенныхъ крестьянами въ память главнаго усмирителя мятежа и устроителя ихъ быта.

При всемъ успѣхѣ церковно-строительнаго дѣла при М. Н. Муравьевѣ нельзя не отмѣтить и его отрицательно стороны. Спѣшность и количество церковныхъ построекъ не давали возможности производить ихъ всѣ хозяйственнымъ образомъ или отдавать православнымъ подрядчикамъ, приходилось приглашать католиковъ и евреевъ, производившихъ постройки очень недобросовѣстно и изъ дурного матеріала. Конечно, это не-

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1421.

возможно было въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ начальнику края, напр. въ Вильнѣ, гдѣ Муравьевъ самъ объѣзжалъ постройки и слѣдилъ за ихъ выполнениемъ, но въ захолустьяхъ это было легче, почему нѣкоторыя церкви пришлось уже ремонтировать при преемникѣ Муравьева, П. К. Кауфманѣ ¹⁾.

X.

Заботы М. Н. Муравьева о православныхъ храмахъ не ограничивались ихъ строеніемъ и постановкою иконостасовъ, они очень нуждались въ образахъ, церковной утвари и облаченіяхъ. По донесеніямъ чиновниковъ бѣдность церквей въ этомъ отношеніи была поразительная: даже въ городскихъ церквахъ не было дарохранилищъ, плащаницъ, напрестольныя евангелія и священные сосуды были ветхи и изъ дешеваго матеріала ²⁾. Обращаясь къ членамъ Царствующаго Дома, къ своимъ знакомымъ и извѣстнымъ московскимъ благотворителямъ, М. Н. Муравьевъ въ непродолжительное время своего управленія успѣлъ снабдить почти всѣ церкви края утварью и облаченіями. Какъ видно изъ послѣдняго отчета бывшаго начальника с.—з. края, при его содѣйствіи въ православныя церкви поступило однихъ облаченій 2646, иконъ 641, подсвѣчниковъ 908, евангелій 342 и проч. ³⁾. Нѣтъ нужды въ подробномъ перечисленіи всѣхъ этихъ предметовъ, скажемъ кратко: едва-ли найдется въ с.—з. краѣ хоть одна церковь, въ которой-бы ничего не напоминало имени Муравьева и не связывалось тѣсно или отдаленно съ его церковно-благотворительной дѣятельностью. Между прочимъ для снабженія православныхъ храмовъ и на будущее время хорошими иконами, въ Вильнѣ въ 1864 г. была устроена выставка церковныхъ вещей московской работы, и тогдаже положено начало школы иконописи и позолоты ⁴⁾.

Кромѣ благолѣпія церквей для привлеченія туда православнаго населенія, необходимо было и благолѣпное богослуженіе.

¹⁾ А. В. Г. Г. 1865 г. № 1522.

²⁾ Тамъ-же 1864 г. № 1326.

³⁾ Музей гр. М. Н. Муравьева. Р. От. Отчетъ 1865 г.

⁴⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1551. Литовскія Еп. Вѣд. 1865 № 5.

иначе костель съ своимъ органомъ могъ опять притянуть къ себѣ „хромающихъ на обѣ ноги“. Но въ краѣ при начинающей только возрождаться церковно-православной жизни не было достаточнаго количества пѣвчихъ, не было даже и хорошихъ псаломщиковъ. Посланные на ревизію края чиновники съ горечью сообщали, что въ Витебской губерніи много малограмотныхъ и даже безграмотныхъ дьячковъ, православные не видятъ настоящаго православнаго благолѣпнаго богослуженія, почему предпочитаютъ костель. Такимъ образомъ являлась необходимость въ замѣнѣ существующаго штата псаломщиковъ—новымъ, пополнивъ его изъ другихъ епархій, о чемъ начальникъ края писалъ архіепископу Витебскому и онъ отвѣчалъ полною своею готовностью и тогда-же распорядился, чтобы безграмотные дьячки были замѣнены на время вольнонаемными, болѣе опытными въ церковной службѣ изъ православныхъ крестьянъ ¹⁾).

Для полноты изложенія заботъ М. Н. Муравьева о русской церкви въ с.-з. краѣ мы сообщимъ свѣдѣнія объ отношеніи его къ сухой вѣтви этой церкви—старообрядцамъ. Они осѣли въ с.-з. краѣ еще въ XVII в. и ко времени М. Н. Муравьева представляли собою особенную, чисто русскую группу, вполне сохранившую свою національную физіономію и тяготѣвшую къ Россіи. Это особенно должно сказать о неприемлющихъ священства старообрядцахъ Динабургскаго уѣзда, которые въ апрѣлѣ 1863 г. отбили оружіе и переловили мятежниковъ, намѣревавшихся во главѣ съ гр. Плятеромъ захватить Динабургъ. Принимая во вниманіе опасность, которая при недостаткѣ войскъ грозила крѣпости, а также громадныя послѣдствія для мятежниковъ въ случаѣ успѣха ихъ хорошо обдуманнаго плана, подвигъ старообрядцевъ былъ очень великъ и М. Н. Муравьевъ не могъ его забыть. Онъ всегда смотрѣлъ на старообрядцевъ, какъ на „единственное, вполне преданное правительству населеніе с.-з. края“, почему полагалъ, что „при настоящемъ положеніи края невозможно безъ особенныхъ неудобствъ примѣнять къ живущимъ здѣсь старообрядцамъ во всей строгости существующія о нихъ правила.

¹⁾ А. В. Г. П. 1865 г. № 1457.

Онъ расположенъ былъ сдѣлать имъ различныя льготы, могущія облегчить ихъ положеніе. Такъ, когда 26 апр. 1863 года комитетомъ министровъ было выработано новое положеніе о примѣненіи къ раскольникамъ с.-з. края правилъ, предоставлявшихъ волостнымъ правленіямъ (вмѣсто полиціи) освидѣтельствованіе умершихъ раскольниковъ, Муравьевъ, внимая просьбамъ старообрядцевъ, считавшихъ прикосновеніе католиковъ къ тѣламъ своихъ родныхъ оскорбленіемъ и даже святотатствомъ, предписалъ: „вовсе не производить освидѣтельствованія тѣлъ умершихъ старообрядцевъ, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, въ которыхъ подобное освидѣтельствованіе требуется уставомъ судебной медицины для всѣхъ другихъ обывателей“¹⁾. Въ 1864 г. мы находимъ его разрѣшеніе починки раскольнической часовни въ дер. Перелазяхъ, подъ условіемъ произвести ее „безъ огласки“. Несомнѣнно, что эти льготы простерлись бы дальше, но дѣло испортили сами раскольники. Расчитывая на стѣснительныя обстоятельства и милость къ нимъ начальника края, они начали безъ установленнаго дозволенія строить молитвенные дома, дозволяли открытыя сопротивленія властямъ при ихъ запечатованіи, въ одномъ городѣ было на площади совершенно публичное раскольническое богослуженіе, словомъ, начали явно обнаруживать свойственный имъ фанатизмъ и прозелитизмъ. Въ іюль 1863 г. Преосвященный Витебскій доносилъ Оберъ-Прокурору, что совращенія православныхъ въ расколъ начали проявляться очень часто. Это заставило перемѣнить отношеніе къ нимъ и начальника края, примѣняя къ старообрядцамъ существующія законоположенія во всей строгости: повсюду строго запрещено было построеніе и возобновленіе молитвенныхъ домовъ, запрещено „всякое публичное оказательство раскола“ и наконецъ, предписано „принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію совращеній православныхъ въ расколъ, что возложить на непосредственную обязанность уѣздныхъ полицейскихъ управленій“. Изъ мѣръ, располагающихъ раскольниковъ къ слиянію съ пра-

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 248. По поводу этой льготы у Муравьева съ министромъ вн. дѣлъ (постояннымъ его врагомъ) была дѣлая полемика, но Муравьевъ настоялъ на своемъ.

вославленнымъ населеніемъ, Муравьевъ считалъ наиболѣе приложимою устройство среди нихъ школъ. Такъ при всемъ расположеніи къ старообрядцамъ, при искреннемъ желаніи облегчить ихъ религіозное стѣсненіе Муравьевъ не смогъ этого сдѣлать. Больше для нихъ сдѣлалъ онъ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, но объ этомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Таковы положительныя мѣры, принятыя гр. М. Н. Муравьевымъ для возвышенія православія и православной Церкви въ с.-з. краѣ. Переходимъ къ ихъ обсужденію.

ХІ.

Размѣры нашей статьи не дозволяютъ намъ подробнѣе остановиться на характеристикѣ Муравьевской эпохи, лучше всего уясняющей, насколько принятыя Муравьевымъ мѣры по отношенію къ православной Церкви с.-з. края, соответствовали потребностямъ мѣста и времени. По поводу ихъ было высказано и продолжаетъ высказываться много обвиненій на бывшего начальника с.-з. края. Такъ, его обвиняютъ въ религіозныхъ репрессаліяхъ, въ перемѣнѣ оборонительной политики православной Церкви на наступательную съ смѣшеніемъ Божьяго съ Кесаревымъ и съ миссіонерствомъ чиновниковъ. О несправедливости перваго обвиненія и о вѣротерпимости М. Н. Муравьева мы уже отчасти говорили; что-же касается измѣненія церковной политики, то она до него дѣйствительно въ с.-з. краѣ была только оборонительная, какою остается, впрочемъ, и доселѣ. У насъ принято думать и говорить, что Православная Церковь по своему „духу чужда прозелитизма и наступательнаго движенія впередъ“. Конечно это говорится въ томъ смыслѣ, что она не ищетъ завоеваній ради распространенія своей власти по сравненію съ властолюбивыми стремленіями римской церкви, но этимъ вовсе не одобряется отсутствіе ревности православныхъ пастырей въ благовѣстію Слова Божія, къ чему ихъ призываетъ и евангельское и апостольское ученіе. Если только оборонять свое status quo, то совершенно надо отказаться отъ миссіонерскаго дѣла. Затѣмъ по существующимъ понятіямъ объ оборонѣ, она присуща только слабѣйшему и защищаться—значитъ отступать. Такъ и было съ западно-

русской Церкви до Муравьева: она только защищалась и при томъ такъ слабо, что предъ мятежемъ 1863 г. само общество, предчувствуя опасность, стремится основать „религіозно-политическое западно-русское братство“¹⁾, какъ это дѣлалось въ періодъ самой обостренной религіозной борьбы (XVI—XVII в.в.). Начальство края, принадлежало къ той-же церкви, но не только не предпринимало запретительныхъ мѣръ противъ натиска всѣхъ слоевъ католическаго общества, но не слѣдило за исполненіемъ существующихъ ограничительныхъ законоположеній: оно не знало прошлаго края, не понимало религіознаго состоянія русскаго населенія и только боялось народнаго возмущенія. Въ 1839 году по поводу воссоединенія униатовъ кн. Долгорукій (начальникъ с.-з. края) писалъ Преосвященному Антонію Зубкѣ: „не надо-ли прислать войска“? Тотъ отвѣтилъ, что „не надо и тысяцкаго“²⁾ и, дѣйствительно, событіе прошло мирно, какъ и внослѣдствіи закрытіе Муравьевымъ и Кауфманомъ р.-к. костеловъ. Оставленное гражданскою властью, парализованное условіями своего быта и стѣсненное правительствомъ въ своемъ духовномъ вліяніи настолько, что не располагало даже свободой проповѣди, какъ ксендзы, з.-русское духовенство по необходимости и должно было отступить передъ натискомъ сплоченныхъ силъ латинства и при первомъ проявленіи вниманія къ себѣ со стороны гражданской власти, какъ мы видѣли, ищетъ само у нея защиты и охраны³⁾. Муравьевъ рядомъ мудрыхъ запретительныхъ мѣръ оградилъ православное населеніе отъ дѣйствій латино-польской пропаганды и значительно парализовалъ силу и вліяніе самихъ пропагандистовъ. Въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, онъ не нарушилъ свободы вѣроисповѣданія, не вторгся въ церковную область, такъ какъ ограждалъ государственную религію въ нормѣ существующихъ законоположеній, слѣдовательно, дѣйствовалъ какъ администраторъ на почвѣ гражданскихъ опредѣленій, не касаясь каноническихъ. Затѣмъ, когда среди на-

1) А. В. Г. Г. 1864 г. № 212.

2) Изъ бумагъ Арх. Антонія Зубко. Мив. Еп. Вѣд. 1900 г. № 7.

3) Напримѣръ, въ вопросахъ о совращеніяхъ, о смѣшанныхъ бракахъ, о запрещеніи посѣщать костелы православнымъ.

рода началось движеніе въ пользу православія, Муравьевъ пошелъ ему на встрѣчу и его сочувствіе усилило это новое движеніе. Но послѣднее собственно даже нельзя назвать наступательнымъ, потому что происходило не завоеваніе, а возвращеніе „отторженныхъ“. Еще менѣе виновны въ этомъ движеніи репрессивныя мѣры, якобы употребленныя начальникомъ края. Ни оффиціальная, ни секретная его переписка не говорятъ о нихъ; напротивъ, какъ мы видѣли, репрессалии запрещались и преслѣдовались по закону. Муравьевъ даже отказался отъ всѣхъ компромиссовъ по отношенію къ обращающимся и не принялъ предложенную мѣстными маститыми іерархами миссіонерскую программу, включавшую, кромѣ духовныхъ мѣръ, матеріальныя выгоды для обращающихся ¹⁾. Приняты были лишь тѣ-же мѣры внѣшняго огражденія православной церкви, запрещеніе противодѣйствій возвращающимся въ православіе.

Переходимъ къ кульминаціонному пункту обвиненій противъ Муравьева о допущеніи имъ „миссіонерства чиновниковъ“, приведшему къ политикѣ смѣшенія Божьяго съ Кесаревымъ. Если разумѣть подъ нимъ содѣйствія гражданской власти возвращенію въ православіе окатоличенныхъ русскихъ, то для этого болѣе всего поработали священники, получившіе особыя инструкціи отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Напр., Архіепископъ Полоцкій предписывалъ своему духовенству, чтобы оно въ своихъ проповѣдяхъ внушало народу, что они по языку и происхожденію коренные русскіе, что ихъ предки издревле были православными и призывать отпадшихъ къ возвращенію, а также, чтобы оно (духовенство) неутомимо напрягало особенныя настойчивыя свои усилія и изобрѣтало всѣ средства къ успѣшному возрожденію, расширенію и укрѣпленію въ народѣ русскаго элемента въ полномъ этомъ слова

¹⁾ А. В. Г. Г. 1864 г. № 1795 и 1461. Записки Архіеп. Антонія Зубка (цитованныя выше) и Арх. Михайла Голубовича «о религіозно-политическомъ обществѣ для распространенія православія». Цѣль послѣдняго, по запискѣ, состояла въ томъ, чтобы «открыто проповѣдывать преимущества православія предъ латинствомъ и распространять уваженіе къ русской религіи, какъ опорѣ величія и единства Россіи».

смыслѣ ¹⁾). Слѣдуя такой инструкціи епархіальной власти, священники дѣйствуютъ или на отдѣльныхъ иновѣрныхъ лицъ своего прихода, или, видя расположеніе къ возвращенію прихожанъ сосѣдняго костела, дѣйствуетъ на нихъ согласно инструкціи, и въ результатѣ получается массовое возвращеніе ²⁾). Такихъ дѣлъ въ архивахъ мы находимъ нѣсколько, безъ упоминанія о миссіонерствѣ чиновниковъ. Затѣмъ, изъ тѣхъ-же документовъ видимъ, что по мѣстамъ миссіонерами являлись учителя народныхъ школъ. Они, дѣйствуя на народъ въ такомъ-же духѣ, какъ и священники, путемъ школьнаго обученія и распространенія въ народѣ книгъ иногда достигали успѣха даже въ Ковенской губерніи ³⁾). Наконецъ, миссіонерами является само русское общество: проектируются миссіонерскія братства въ Вильнѣ, Минскѣ, Ковнѣ и „серединное“ братство въ Москвѣ; сохранилось много письменныхъ предложеній Муравьеву отъ разныхъ свѣтскихъ лицъ, желавшихъ потрудиться на пользу „противодѣйствія польщизнѣ и латинству“. Можно сказать, что тогда вся патріотическая Россія рвалась на миссіонерскій подвигъ въ западный край. Нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ являлись туда съ рекомендаціями отъ такихъ лицъ, какъ Преосвященный Филаретъ ⁴⁾). Неужели было благо-разумно запрещать этимъ лицамъ продавать по селамъ книжки, православныя иконки и своимъ словомъ и жизнью располагать къ принятію православія? На западѣ сотни свѣтскихъ лицъ посвящаютъ себя на миссіонерскій подвигъ и покрой платья не мѣшаетъ имъ съ успѣхомъ служить дѣлу просвѣщенія сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Что касается чиновниковъ, то мы положительно не находимъ никакихъ документальныхъ указаній на ихъ религіозную миссію и уполномочія прилагать старанія къ обращенію въ православіе католиковъ. Имѣются лишь предписанія имъ о мѣрахъ противодѣйствія

1) А. В. Г. Г. 1864 г. № 1616. Тамъ-же подобная инструкція Арх. Минскаго Михаила Голубовича.

2) Тамъ-же №№ 1507, 1511 и др.

3) Тамъ-же 1865 г. № 1459.

4) Тамъ-же 1864 г. № 1719. Таковъ напр. поручикъ Высоцкій, явившійся къ начальнику края съ рекомендаціями пр. Филарета черн. и Михаила Минскаго. Онъ получалъ разрѣшеніе на продажу православныхъ книжекъ и иконъ.

л.-п. пропогандѣ, о всестороннемъ обзорѣни края, куда входили и бросающіяся въ глаза нестроенія православной церковной жизни. Такого рода распоряженія также не были вторженіемъ гражданской власти въ чуждую ей область. Мы уже говорили, что латинство приводило за собой полонизмъ, понекому проникавшій, какъ неувимая, сырая мгла во всѣ поры народной жизни с.-з. края. Разогнать эту мглу могли лишь свѣтлыя лучи православія, какъ орудія также духовнаго, поэтому необходимо было укрѣпить и расширить его, чѣмъ могъ быть положенъ конецъ ополяченія края и начало прочнаго слиянія его съ Россіей. Такимъ образомъ, администраторъ съ своими заботами о церковной жизни края не превращался въ церковнаго дѣятеля, миссіонера, а, оставаясь государственнымъ мужемъ, творилъ дѣло Кесарево. Произвольнаго вторженія въ церковную область не потерпѣли-бы и ея іерархи, —люди, съ высокимъ понятіемъ объ историческомъ своемъ значеніи и чувствительныя къ престижу своей власти, почему начальникъ края не дѣлалъ ни одного распоряженія, касающагося церкви, безъ согласія и благословенія Митрополита Іосифа и другихъ іерарховъ, которымъ онъ предоставлялъ начало духовнаго воздѣйствія, и мы видѣли, что гражданская власть начинала дѣйствовать тамъ, гдѣ кончалось вліяніе духовенства и оставался поправный законъ. Судя по первоначальной секретной перепискѣ, инициатива почти всѣхъ улучшеній и измѣненій въ православной церкви с.-з. края въ періодъ управленія Муравьева принадлежала ему, хотя о нихъ узнаемъ въ распоряженіяхъ Митрополита Іосифа. Но инициатива и государственная программа начальника края по отношенію къ церковнымъ дѣламъ была такъ широка, что она не могла быть выполнена при помощи одного духовенства, да къ тому-же поставленнаго въ неблагопріятныя условія. Требовалось содѣйствіе русскаго общества, но его собственно и составляли чиновники, явившіеся по необходимости не только властью охранительною, но и исполнительною, хотя дѣятелями все таки не церковными, а государственными. Оправдывая эту дѣятельность чиновниковъ, И. С. Аксаковъ писалъ: „дѣятельность каждаго въ с.-з. краѣ должна быть двойкая: государ-

ственная и общественная (вмѣстѣ, по его понятію, и церковная). Противъ этого въ самомъ началѣ смѣло вооружилась газета „Вѣсть“, глумясь надъ миссіонерствомъ чиновниковъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Но именно такое-то миссіонерство и было нужно, потому что задача, подлежащая разрѣшенію, представляла характеръ сложный—политическій и общественный, да и потому, наконецъ, что сила общественная, внѣ правительственной опоры, у насъ еще очень слаба“¹⁾.

Но какъ-же могли чиновники явиться властью исполнительною, не получая формальныхъ предписаній, хотя бы по вопросу о содѣйствіи возвращенію народа въ православіе? Въ данномъ случаѣ распоряженіе замѣняла общая программа дѣйствій, общій камертонъ управленія, который не задается извнѣ, не выражается въ опредѣленныхъ канцелярскихъ формахъ, но чувствуется и даетъ направленіе всей оффиціальной и неоффиціальной дѣятельности. Камертонъ Муравьева хорошо понимали его сотрудики, но бывали между ними дѣятели съ дурнымъ слухомъ, или очень увлекающіеся (вродѣ писаря Тейха) и тогда въ общемъ концертѣ получался диссонансъ. „Но если отъ этихъ излишнихъ увлеченій и опрометчивыхъ ошибокъ получался вредъ, то, по мысли того-же нашего публициста, онъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который происходитъ отъ отсутствія духа жизни, отъ замѣны его тою дешевою мудростью, тѣмъ безстрастіемъ, что никогда не увлекается, но никого и не увлекаетъ, не движется и не говоритъ“. Такова въ сущности и была церковная политика до Муравьева. Ему обыкновенно ставятъ въ вину, что при немъ обращенія въ православіе латинянъ были очень поспѣшны,

¹⁾ И. С. Аксаковъ. „Москва“ 1864 г. № 27. М. Н. Катковъ еще въ 1863 г. обращая вниманіе правительства на з.—русскую Церковь, писалъ: „неукоснительныя пособія (гражданской власти) требуются тамъ (въ с.-з. краѣ) во имя православной Церкви, во имя русской народности, во имя русскаго государства, наконецъ, во имя столькихъ милліоновъ бѣднаго, темнаго, загнаннаго люда, оставшагося между костеломъ и церковію. Религіозная мысль и политическая мудрость, нравственное чувство и чувство народное, говорятъ тамъ за одно и соединяютъ въ этомъ направленіи всѣ общественные интересы“. Такъ смотрѣли въ то время лучшіе русскіе патриоты и публицисты на участіе гражданской власти въ дѣлахъ з.—русской Церкви (изъ Московскихъ Вѣдомостей: Вѣст. з. Россіи 1863 г. № 6, стр. 63).

не были слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія обращающихся, почему вслѣдъ за усилившимся массовымъ воссоединеніемъ при ближайшихъ преемникахъ Муравьева (К. П. Кауфманъ и гр. Барановъ), при Потаповѣ начались массовыя отпаденія. Въ свое время Преосвященный Макарій достаточно выяснилъ, что отпаденія эти произошли вслѣдствіе измѣненія Муравьевской политики и также были слѣдствіемъ не „внутренняго убѣжденія“, а явнаго небреженія администраціи къ дѣламъ вѣры и покровительства латино-польской партіи, распускавшей въ народѣ слухи, что правительство само возвратитъ отобранные костелы и будетъ снова Польша. Гибкій религіозный индифферентизмъ бѣлорусса оказался очень чувствительнымъ къ камертону Потаповскаго управленія. Если мы не въ состояніи опредѣленно сказать, къ чему-бы привела политика Муравьева неукоснительно проведенная до нашихъ дней, то не трудно предвидѣть, къ чему привело-бы продолженіе до Муравьевской политики въ церковныхъ дѣлахъ. Мы прослѣдили статистику населенія с.-з. края съ 1858—1864 года и убѣдились, что $\%$ роста католиковъ прогрессивно превосходитъ общій ростъ населенія, а что было-бы теперь?—объ этомъ не мѣшало-бы подумать обвинителямъ Муравьева. Если М. Н. Муравьевъ цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ дѣйствительно вывелъ православную Церковь с.-западнаго края изъ ея приниженаго инертнаго состоянія и далъ ей средства, въ противовѣсъ прогрессивному росту католицизма, укрѣпляться и возрастать,—то въ этомъ его не вина, а величайшая заслуга и государственный подвигъ.

А. Миловидовъ.

ЗНАЧЕНІЕ СОВѢСТИ

ВЪ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

(Окончаніе *).

IV.

Мы указали уже данныя для уясненія понятія о совѣсти, о ея дѣятельности и о законахъ этой дѣятельности; теперь отъ изображеній существа нравственнаго закона перейдемъ въ ту сокровенную область, гдѣ хранится этотъ законъ и гдѣ онъ постепенно раскрывается при содѣйствіи естественныхъ силъ человѣка и при помощи божественной. Намъ нужно глубже проникнуть во внутренній міръ души человѣческой. Что же видимъ мы тамъ во святилищѣ души человѣка? Человѣкъ есть существо особое, исключительное. Среди окружающей его природы, подчиненной законамъ необходимости, среди міра явленій, хотя и цѣлесообразныхъ, но механическихъ и потому, мертвенно холодныхъ, человѣкъ одинъ носитъ въ себѣ постоянное чудо, по которому онъ живетъ, какъ бы наперекоръ законамъ механической природы. Свое духовное я, все разнообразіе его содержанія, человѣкъ раскрываетъ въ особый міръ явленій и фактовъ, которые составляютъ иной, высшій порядокъ бытія. Сюда относятся представленія и понятія разума, движенія чувства и усилія воли къ проявленію во внѣ внутреннихъ состояній. Надъ всѣмъ же этимъ царитъ особенный свѣтъ, свѣтъ сознанія. Въ этомъ таинственномъ свѣтѣ человѣкъ видитъ все, что творится внутри его—свои мысли, чув-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 16.

ствованія и движенія воли, замѣчаетъ ихъ, сравниваетъ ихъ, взвѣшиваетъ и приписываетъ все это себѣ самому, какъ отдѣльной, индивидуальной личности.

Здѣсь то и получаетъ начало нравственный законъ, здѣсь то имѣетъ свое сѣдалище и совѣсть. Чтобы какое либо движеніе человѣческаго духа: мысль, намѣреніе, желаніе получили нравственное достоинство, чтобы могъ совершиться поступокъ, имѣющій нравственный характеръ, нужно, во-первыхъ, знаніе требованій нравственнаго закона, по отношенію къ предполагаемому поступку, мысли или намѣренію, нужно предполагать поступокъ, мысль и намѣреніе подвести подъ точку зрѣнія нравственнаго закона; нужно во-вторыхъ, чтобы наша свободная воля, въ силу ей только присущихъ мотивовъ, склонилась къ осуществленію предполагаемаго дѣянія, или по крайней мѣрѣ, признала его подлежащимъ исполненію. Та дѣятельность духа, когда онъ свои мысли, намѣренія и желанія ставитъ передъ судомъ требованія нравственнаго закона и сознаетъ ихъ или согласными съ нимъ, или несогласными, и когда воля по чувству долга признаетъ ихъ подлежащими исполненію и приведенію въ дѣйствіе, или не признаетъ такими, это и есть совѣсть, устанавливающая законъ дѣятельности. Процессъ сравненія иногда можетъ длиться только одинъ моментъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе намѣренія или мысли съ нормою слишкомъ очевидны, но онъ значительно замедляется, когда нравственныя отношенія запутаны, когда мысли недостаточно ясны, или когда находится на лицо нѣкоторое столкновеніе обязанностей. Но это есть только одна сторона дѣятельности совѣсти, та сторона ея, по которой совѣсти приписывается законодательная дѣятельность. Далѣе слѣдуетъ другая болѣе таинственная сторона дѣятельности совѣсти. Когда оцѣнка намѣренія или мысли съ точкою зрѣнія нравственнаго закона произведена, когда воля привела извѣстное намѣреніе къ осуществленію, или только подвинулась къ осуществленію, тогда мгновенно возникаетъ въ душѣ нашей или отрадное чувство довольства, или гнетущее чувство недовольства совершеннымъ поступкомъ.

Первый голосъ одобряетъ насъ, а второй порицаетъ. Откуда же этотъ голосъ? Онъ идетъ изъ нѣдръ нашей души, оттуда, куда еще не могъ проникнуть лучъ сзнанія, но гдѣ однако же заложено основаніе всей нашей сознательной жизни. Въ этомъ голосѣ доводится до нашего свѣдѣнія судъ не разума только, въ эту минуту его дѣятельности, и въ этомъ, опредѣленномъ кругозорѣ, но и всей нашей души, со всѣмъ складомъ ея, настроеніями ея, составляющими ея индивидуальность, или черты образа и подобія Божія въ ней.

Такое именно понятіе о совѣсти даетъ намъ и Слово Божіе. Совѣсть изображается здѣсь ничѣмъ инымъ, какъ сзнаніемъ того, что совершается съ сердцѣмъ и въ мысляхъ человѣка по поводу того или другаго его дѣла или намѣренія, и что согласно, или несогласно и съ нравственнымъ закономъ. Въ классическомъ изрѣченіи свят. апостола Павла о совѣсти мы читаемъ. Когда язычники, неимѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую (Рим. II, 14. 15).

Отсюда становится понятною та особенность совѣсти, которая присуща ей при всѣхъ ея состояніяхъ. Имено: при всѣхъ различіяхъ въ возрѣніи на законъ, при всякомъ уровнѣ нравственности, при всѣхъ различіяхъ религіозныхъ мнѣній, всѣ имѣютъ сзнаніе невидимаго авторитета, отъ требованій котораго они не смѣютъ уклониться. Въ этомъ объективная истина и сила совѣсти. Это свѣтъ, сіяющій во тьмѣ. Гдѣ онъ померкнетъ, какъ сзнаніе, тамъ онъ свѣтитъ, какъ побужденіе, идущее свыше. Въ совѣсти такимъ образомъ человѣкъ становится какъ бы предъ престоломъ страшнаго судіи. Здѣсь ищетъ убѣжища невинно гонимый человѣкъ, когда онъ обращается къ непогрѣшному авторитету. Здѣсь грѣшникъ оказывается поставленнымъ предъ судилище, гдѣ преступленіе, совершенное много лѣтъ назадъ, возстаетъ передъ нимъ какъ будто-бы оно было совершено только вчера, потому что достоинство нашихъ дѣйствій выше потока времени.

V.

Если бы не было грѣха, если бы всѣ силы нашего духа были развиты гармонично, еслибы чувственность не брала перевѣса надъ требованіями духа, совѣсть наша была бы спокойнымъ сознаниемъ того, что наша жизнь есть поступательная жизнь въ Богѣ, въ которой требованія закона и исполненіе закона ритмически слѣдуютъ другъ за другомъ. Тогда бы, конечно, не возникало и вопроса о свободѣ, или не свободѣ совѣсти. Къ сожалѣнію дѣйствительность указываетъ намъ на несовершенство нашей природы вообще, а равно и на несовершенство самой совѣсти, какъ безусловно вѣрнаго критерія нравственности. Вслѣдствіе грѣха и паденія, гармонія между силами человѣческаго духа нарушена и сіяніе совѣсти часто омрачается. Совѣсть, съ своей человѣческой стороны, можетъ заблуждаться, можетъ притупляться, нуждаться въ изощреніи, можетъ задремать и нуждаться въ пробужденіи, можетъ съюзиться, такъ что значительная область жизни выйдетъ изъ предѣловъ ея вѣдѣнія. Само Слово Божіе, называя совѣсть человѣческую благою или доброю ¹⁾, прекрасною ²⁾, чистою ³⁾, непорочною ⁴⁾, иногда же называетъ ее и порочною, худою ⁵⁾, скверненною ⁶⁾, сожженною ⁷⁾. Но какъ понять возможность заблужденія совѣсти?

Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратить вниманіе на тѣ психическія условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность совѣсти. Мы видѣли уже, что совѣсть находитъ свою опору во всѣхъ важнѣйшихъ силахъ души: въ умѣ, волѣ и чувствѣ. Слѣдовательно, отъ состоянія этихъ силъ зависятъ, какъ совершенство совѣсти, такъ и ея недостатки. Для совершенства дѣйствія совѣсти, нужно ясное пониманіе закона нравственнаго во всей его полнотѣ. Чѣмъ совершеннѣе пони-

1) Дѣян. 23, 1; I Петр. 3, 16 - 23; Тим. 1, 5-19.

2) Евр. 13, 18.

3) I Тим. 3, 9; 2 Тим. 1, 3.

4) Дѣян. 24, 16.

5) Евр. 10, 22.

6) Тим. 1, 15; I Кор. 8, 7

7) I Тим. 4, 2.

маніе закона, тѣмъ правдивѣе и судъ о поступкѣ. Безъ разума совѣсть слѣпа, безъ совѣсти разумъ холоденъ и блѣденъ. А какъ безконечно разнообразна мѣра человѣческаго разумѣнія! Нужно ли это доказывать?... Вторымъ условіемъ дѣйствія совѣсти является согласіе воли на извѣстный поступокъ. А кто не знаетъ, что въ человѣческой волѣ живетъ какое то нерасположеніе подчиняться требованіямъ совѣсти. *Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.* Третьимъ условіемъ дѣятельности совѣсти служитъ чувство одобренія, или порицанія. Но какъ часто эти чувства могутъ ослабляться въ насъ другими, одновременно живущими въ душѣ чувствованіями, радостными или печальными, потому что содержаніе человѣческаго сознанія весьма разнообразно, и ни одно изъ состояній его не существуетъ изолированно, въ своей естественной чистотѣ. И какъ много сила этихъ чувствованій зависитъ отъ уровня развитія всего нравственнаго сознанія человѣка? Удовлетворенная совѣсть наполнила блаженствомъ души христіанскихъ мучениковъ, давала имъ возможность съ вдохновенными взорами и хвалебными гимнами переносить страшныя пытки и леденящіе кровь ужасы варварскихъ казней. Къ этому были способны и слабыя женщины, и юноши.

Но всегда ли и во всякое ли время можетъ снова найти такое множество людей, въ которыхъ такъ бы былъ силенъ голосъ совѣсти? Отсюда видно, что для пониманія различія въ состояніи совѣсти нужно имѣть въ виду и то различіе духовныхъ силъ человѣка, которое условливается отношеніемъ человѣка къ Богу, къ таинству искупленія. Человѣкъ невѣрующій, неприемлющій таинства искупленія и не получающій питанія своихъ силъ отъ сокровищницы благодати Церкви Христовой, не можетъ имѣть въ себѣ и чистой совѣсти. Только одинъ христіанинъ, какъ членъ благодатнаго царства Христова, можетъ имѣть ясное вѣдѣніе. Только христіанинъ, какъ послушный сынъ Церкви, руководимый ею и укрѣпляемый ея таинствами, можетъ имѣть волю, стремящуюся къ святости. Итакъ вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльное лицо, или цѣлая общественная группа уклоняются отъ единства церковнаго въ ученіи вѣры

и общеніи таинствъ, они подвергаются опасности впасть въ заблужденіе совѣсти.

Исторія церкви Христовой показываетъ, какъ часты заблужденія совѣсти членовъ ея, уклоняющихся отъ духовнаго единенія съ нею, отъ ея ученія и преданій.

Такимъ путемъ подверглось искаженію великое ученіе христіанское объ оправданіи вѣрою и сдѣлалось усыпляющимъ папиткомъ для совѣсти. Этимъ же путемъ великіе папы среднихъ вѣковъ, Григорій VII, Иннокентій III, эти могущественные и достойные удивленія характеры, борясь за царство Божіе, измѣняли его въ царство человѣческое. Конечно, они дѣйствовали по совѣсти, но только по совѣсти заблуждающейся. Односторонне понятая христіанская любовь ко Христу, какъ основателю царства для облагороженія человѣка, съ устраненіемъ личныхъ отношеній къ Нему, единенія съ Нимъ, есть гуманизмъ или клерикализмъ. Любовь ко Христу, какъ Искупителю міра, безъ живого, дѣятельнаго участія въ таинствѣ искупленія, есть піэтизмъ. Многіе не понимаютъ той простой и ясной истины, что высшія требованія нравственности не отмѣняютъ низшихъ. Посему, по ученію нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ древнихъ и новыхъ, высшее правило безбрачія отмѣняетъ седьмую заповѣдь, какъ низшую, вслѣдствіе чего эти сектанты, отрицая бракъ, допускаютъ всѣ виды блуда. А нашъ расколъ съ своими сектами и равно и наши новѣйшія секты, возросшія на почвѣ раціонализма, развѣ не представляютъ типы людей, заблуждающихся въ своей совѣсти, благодаря отчужденію своему отъ единства Церкви?

VI.

Итакъ, если возможны различныя степени совершенства совѣсти, если возможны ошибки совѣсти, то неужели справедливо съ точки зрѣнія высшей истины оставлять человѣка заблуждаться въ своей совѣсти, во имя ложнопонятаго слова свобода совѣсти? Неужели человѣкъ, членъ царства Божія на землѣ, повинуваясь своей немощной совѣсти, долженъ идти вопреки высочайшимъ законамъ своей совѣсти? Словомъ, неужели желателенъ произволь совѣсти? Это было бы преступленіемъ противъ самой совѣсти. Во имя сво-

боды совѣсти, во имя высшаго блага чловѣка, необходимо нравственное воздѣйствіе на совѣсть. Мать любитъ свое дитя, но развѣ мыслима любящая мать, которая оставляла бы дитя свое на произволь его, никѣмъ неруководимыхъ склонностей? Развѣ она не руководитъ имъ, какъ умѣетъ, и жалѣя его, развѣ не направляетъ его на путь лучшій и совершеннѣйшій? Такъ и у всякаго чловѣка, какъ сына Царствія Божія, есть одна общая попечительная мать, совмѣщающая въ себѣ, и непреложный авторитетъ, и животворную силу любви и благодатныя средства обновленія—это святая Церковь Христова, которой самъ Онъ далъ власть учить всѣ народы. Итакъ, Церковь, имѣя преданный ей Богомъ залогъ истины, и есть тотъ авторитетъ, которому ввѣрено руководство совѣстью чловѣчества. Пока не пришла еще полнота время, пока не завершился еще историческій процессъ развитія чловѣка, не было и не будетъ такого чловѣка, который могъ бы по совѣсти считать совершенно ненужнымъ всякое посредство религіозныхъ учрежденій, связывающихъ его съ тѣмъ дѣйствіемъ Божиимъ, которое уже осуществлено въ исторіи.

Это то и есть тотъ принципъ, который мы желали установить, принципъ, изъ котораго необходимо исходить при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ о свободѣ совѣсти. Этимъ принципомъ нужно признать согласіе съ авторитетомъ Церкви въ дѣлахъ совѣсти. Этотъ авторитетъ, какъ воля Божія, святая и совершенная, выше личной индивидуальной свободы. Этотъ авторитетъ не столько требуетъ отъ насъ, сколько даетъ намъ. Онъ даетъ намъ истинное вѣдѣніе о Богѣ и о законѣ нашей дѣятельности. Самъ, основанный на высочайшемъ законѣ нравственной любви, онъ не только не подавляетъ нашей свободы, но развиваетъ ее. Связанный съ послушаніемъ, онъ, въ той же мѣрѣ, связанъ и съ сыновнею любовью, съ благоговѣніемъ и вѣрою. Общество, гдѣ не существуетъ религіи и Церкви, не имѣетъ авторитета, и все тамъ находится въ колебаніи. Если Христосъ имѣлъ право сказать: Я есть Путь и Истина и Жизнь (Іоан. 14, 6), то и апостолы имѣли также право говорить, что нѣтъ другого Имени подъ небомъ (,кромѣ Имени І. Христа), даннаго чловѣкамъ, Которымъ надлежало бы намъ спастись (Дѣян.

4 гл. 12 ст.). И если Церковь есть провозвѣстница истины о Иисусѣ Христѣ, то она должна говорить Его авторитетомъ.

Въ своихъ сужденіяхъ объ особенностяхъ совѣсти мы не дѣлали различія между проявленіями совѣсти въ сферѣ чисто нравственной и въ сферѣ религіозной. Совѣсть въ человѣкѣ есть едина, существо ея неизмѣнно и законы дѣятельности ея вѣчно тождественны. Она имѣетъ значеніе такое же и въ дѣлѣ религіи, какъ и въ вопросахъ чисто нравственныхъ. Правда, нравственность и религія ни одно и то же, но они неразрывно связаны между собою. Религія и нравственность, говоритъ одинъ изъ нашихъ просвѣщенныхъ богослововъ ¹⁾, имѣетъ общій корень—одно и то же чувство, которое поколику сознание подъ его вліяніемъ обращено на дѣянія человѣка, есть нравственное, а поколику обращено на первоисточникъ самаго этого чувства, есть религіозное. Вѣра есть не только убѣжденіе въ томъ, что есть Богъ (Евр. XI, 6), и не только надежда на благодать Божію, но она по существу своему есть самоподчиненіе человѣческой воли Божественной волѣ, и потому въ ней отношеніе зависимости къ Богу есть глубочайшее отношеніе къ области свободы и совѣсти. Посему вѣра безъ дѣла есть бесплодная вѣра, и религіозность, изъ которой исключень нравственный факторъ, есть пассивность. Въ религіи находятся послѣднее основаніе и глубочайшіе мотивы нравственности. Посему истинная нравственность возможна только въ христіанствѣ. Она стремится не къ своей праведности, а къ Божіей. Христіанинъ все дѣлаетъ во славу Божію. Христіанская нравственность, исходя отъ Бога, черезъ міръ приводитъ человѣка къ Богу. Посему имѣютъ глубокое значеніе слѣдующія слова Христіанскаго апологета: „въ истинѣ религіи, говоритъ Винет ²⁾, нельзя вѣрить иначе, какъ по непосредственному свидѣтельству совѣсти, и всякое другое вѣрованіе въ истины этого порядка будетъ вѣрованіемъ пустымъ, мертвымъ“. Знаніе, авторитетъ, логика въ такихъ пред-

¹⁾ Православно-Христіанское ученіе о нравственности, стр. 92. І. Л. Янышева. Москва 1887 г.

²⁾ Vinet—Essae sur la manifestation des convictionis, Veligieusis. Paris, 1842 г.-р. 52.

метахъ не могутъ замѣнить совѣсти.—Есть еще и иная сторона установленнаго нами принципа. Человѣкъ есть не только членъ царства Божія, но и гражданинъ царства человѣческаго. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ въ одиночку не можетъ достигнуть полноты возможныхъ совершенствъ; то отсюда возникаетъ необходимость для всякаго принимать дѣятельное участіе въ тѣхъ собирательныхъ организмахъ, чрезъ которые Провидѣніе охраняетъ человѣчество отъ матеріальнаго распаденія и дѣлаетъ возможнымъ его дѣйствительное совершенство. Потому, какъ въ сферѣ гражданскихъ и общественныхъ отношеній, такъ и въ высочайшихъ вопросахъ нравственности и религіи, и въ этихъ вопросахъ по преимуществу, ни чей произволъ не долженъ причинять ущерба интересамъ другихъ, ибо это вносило бы разстройства въ жизни общественнаго организма. Въ силу этого государство не только имѣетъ право, но и обязанность ограждать себя отъ такихъ проявленій совѣсти своихъ сочленовъ, которыя, какъ проявленіе совѣсти заблуждающейся, могутъ причинить явный ущербъ его высшимъ интересамъ.

Подчиняясь историческимъ условіямъ существованія, мы въ своемъ высшемъ сознаніи относимся къ этимъ условіямъ, только какъ къ орудіямъ высшаго добра, и чрезъ это не отказываемся отъ своего человѣческаго достоинства, а напротивъ, утверждаемъ его и осуществляемъ.

Если я, безъ всякаго умаленія своего достоинства, пользуюсь матеріальною силою своихъ рукъ, чтобы вытащить изъ воды утопающаго, или дать пищу голодному, то почему пользованія духовно-матеріальными силами государства, для блага человѣчности, есть умаленіе нравственнаго достоинства?

Итакъ, что же нужно понимать подъ именемъ свободы совѣсти? Совѣсть дѣйствуетъ свободно, когда во-первыхъ, рѣшенія ея вытекаютъ изъ яснаго и всесторонняго пониманія нравственнаго закона, будетъ ли то вопросъ чисто нравственный, или вопросъ религіозный, когда во-вторыхъ, воля послушна только чувству долга, и когда судъ совѣсти, карающей или хвалящей, не затемненъ примѣсю чувственности и эгоизма.

Но намъ скажутъ: такое состояніе есть идеаль, оно возмож-

но только для человѣка святого и совершеннаго, а не для насъ, слабыхъ и грѣшныхъ. Но что же изъ сего? Развѣ мы не можемъ, развѣ мы не должны стремиться къ совершенству? Мы слабы, но намъ дарована укрѣпляющая благодать. Мы грѣшны, но намъ даровано прощеніе грѣховъ въ таинствахъ Церкви. Мы способны заблуждаться, но намъ данъ авторитетъ, руководящій насъ въ путяхъ нашей жизни. И если человѣку нужно было изъ безформеннаго и разрозненнаго состоянія дойти до опредѣленной организаціи и единства, то ясно, что этотъ процессъ еще не кончился, и что, какъ историческое дѣланіе было необходимо вчера, такъ оно необходимо и сегодня и будетъ необходимо завтра, пока не создадутся всѣ условія для совершеннаго осуществленія царства Божія. При контрастѣ между идеаломъ и дѣйствительностью, продолжающемся чрезъ все настоящее время, христіанская свобода пребываетъ въ борьбѣ, въ надеждѣ на окончательное завершеніе царства Божія. Христіанская свобода коренится въ терпѣніи и добромъ смиреніи: *благодатию Божіею есмь еже есмь*. (I Кор. 15, 10).

Свящ. Д. Ѡворскій.

ФИЛОСОФІЯ МОНИЗМА.

(Критическій разборъ сочиненія Геккеля „Die Welträthsel. Bonn. 1899).

(Окончаніе *).

Третью главу „космологической части“ своей книги *Геккель* посвящаетъ изслѣдованію объ „единствѣ природы“. Общій характеръ изложенія, конечно, остается тотъ же: богохульству, кощунству и грубому выраженію непримиримой враждебности къ христіанству отводится и здѣсь видное мѣсто; при уясненіи вопроса объ *единствѣ природы* не забыто и папство! О воззрѣніяхъ, проводимыхъ въ этой главѣ, можно судить уже по эпиграфу, который взялъ *Геккелемъ* изъ его же сочиненія „Генеральная морфологія“ (1866) и который гласитъ слѣдующее: „Всѣ извѣстныя намъ тѣла природы, одушевленные и неодушевленные, согласны во всѣхъ существенныхъ основныхъ свойствахъ. Различія, существующія между этими двумя главными группами (органическими и неорганическими тѣлами) относительно ихъ формъ и функцій, суть только необходимое слѣдствіе ихъ *разнороднаго* химическаго состава. Собственно явленія движенія и формы органической жизни не суть истечение (Ausfluss) какой либо особенной „жизненной силы“, а только непосредственныя или посредственныя дѣйствія бѣлковъ (соединенія *плазмы* и другихъ сложныхъ соединений *углерода*“). Вотъ та основная мысль, которую *Геккель* раскрываетъ въ своемъ разсужденіи объ единствѣ природы. Прежде всего онъ утверждаетъ, что существуетъ безусловное

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 16.

единство силъ или, какъ говоритъ онъ, „*монизмъ энергій*“ въ неорганической природѣ, увѣряя, что механическая и химическая энергiя, звукъ и теплота, свѣтъ и электричество могутъ переходить другъ въ друга и оказываются только различными формами явленiя одной и той же первосилы *энергii*. Но, какъ и вездѣ, онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу этой гипотезы, считая достаточнымъ одного указа-нiя на то, что „во всѣй области физики и химii это основное положенiе, насколько оно касается *тольз* неорганической природы, принято всѣми“.

Гораздо больше вниманiя *Геккель* посвящаетъ вопросу объ единствѣ природы въ области органическаго мiра, хотя, по его убѣжденiю, и здѣсь *большая часть* жизненныхъ явленiй сводится непосредственно къ механической и химической энергiи. Споръ, по его словамъ, можетъ быть только о *душевной жизни* или даже объ одномъ лишь *сознанii*. Впрочемъ, благодаря *ученiю о развитii*, говоритъ Геккель, теперь „проложенъ мостъ и между этими двумя, повидимому, отдѣльными областями,—и мы теперь достигли до яснаго убѣжденiя, что и явленiя *органической* жизни столько же подчинены универсальному закону субстанцiи, какъ и *неорганическiе* феномены въ безконечномъ космосѣ“.

Мысль о „принципальномъ единствѣ органической и неорганической природы“ или о „монизмѣ космоса“ у Геккеля также—не нова; ее высказывали всѣ древнѣйшiе (до-христiанскiе) и новѣйшiе монисты,—всѣ мыслители пантеистическаго и материалистическаго направленiя. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о томъ, что нѣтъ существеннаго различiя между человѣкомъ и животнымъ, но о томъ, что такого различiя не существуетъ даже между человѣкомъ и простымъ чурбаномъ, между человѣкомъ и тѣмъ стуломъ, на которомъ онъ сидитъ. Это важное открытiе *Геккель*, разумѣется, приписываетъ себѣ. И дѣйствительно, уже 33 года тому назадъ въ своемъ сочиненiи „Генеральная морфологiя организмовъ“ (1866) онъ пытался провести мысль о „монизмѣ природы“, а затѣмъ еще разъ повторилъ эту попытку въ своей „Естественной исторiи творенiя“ (котораго онъ теперь однако же не признаетъ). Само собою понятно,

что всегда были и всегда будутъ самые серьезные и основательные противники этого крайняго и односторонняго воззрѣнія. Между прочимъ, даже въ прошломъ (1899) году извѣстный нѣмецкій ученный *Ф. Рейнке* издалъ въ Берлинѣ свой капитальный (въ 484 стр.) трудъ: „Die Welt als That. Umrisse einer Weltansicht auf naturwissenschaftlichen Grundlagen“,— въ которомъ съ полною основательностію и полнотою, руководствуясь выводами естествознанія, онъ опровергъ это одностороннее матеріалистическое ученіе, воскрешенное *Геккелемъ*. *Геккель* знаетъ и *Рейнке*, и его трудъ; онъ отзывается о послѣднемъ съ похвалою; онъ называетъ его яснымъ и послѣдовательнымъ (lobenswerthe Klarheit und Kosequenz—его достоинства по *Геккелю*); *Геккелю* извѣстны и всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаетъ *Рейнке* противъ „единства природы“ и всѣ тѣ основанія, которыя онъ указываетъ въ пользу „чистаго космологическаго дуализма“. Кажалось бы, что *Геккелю* слѣдовало прежде всего обратить серьезное вниманіе на этотъ трудъ и показать, что *Рейнке* не правъ, возставая противъ „монизма космоса“. Но *Геккель* вообще боится своихъ противниковъ и избѣгаетъ борьбы съ ними.

Свое ученіе объ единствѣ органической и неорганической природы *Геккель* хочетъ подкрѣплять своею пресловутою, всѣмъ уже надобѣвшею *углеродною теоріею* (Carbogen=Theorie). Физиологическая химія, по его словамъ, безчисленными анализами въ послѣдніе сорокъ лѣтъ установила слѣдующіе факты, интересные для его міровоззрѣнія: 1) въ органическихъ тѣлахъ нѣтъ другихъ элементовъ, чѣмъ въ неорганическихъ; 2) тѣ соединенія элементовъ, которыя свойственны организмамъ и которыя производятъ ихъ „жизненные явленія“, суть составныя тѣла плазмъ, изъ группы альбуминатовъ или бѣлковыхъ соединеній; 3) самая органическая жизнь есть химико-физическій процессъ, основывающійся на измѣненіи матеріи этихъ плазматическихъ альбуминатовъ; 4) тотъ элементъ, который одинъ только въ состояніи созидать эти составныя бѣлковыя тѣла въ связи съ другими элементами (кислородомъ, водородомъ, азотомъ, сѣрою), есть *углеродъ*; 5) эти плазматическія соединенія углерода отличаются отъ очень многихъ другихъ

химическихъ соединеній своею весьма сложною молекулярною конструкціею и своимъ влажнымъ агрегатнымъ состояніемъ. На основаніи этихъ указаній фізіологической химіи *Геккель* еще 33 года тому назадъ высказалъ положеніе, которое онъ называлъ *теоріею углерода*: „Только особенныя, химико-фізическія свойства углерода—и именно — твердо текучее агрегатное состояніе и легкая разложимость весьма сложныхъ бѣлко-видныхъ соединеній углерода—суть механическія причины тѣхъ особенныхъ явленій движенія, которыми различаются организмы отъ неорганическихъ тѣлъ и которыя называются жизнью въ тѣсномъ смыслѣ“. Эта „теорія углерода“ однако же только присваивается *Геккелемъ*, но она ему не принадлежитъ. Единство органической и неорганической природы утверждалъ уже извѣстный знатокъ и представитель органической химіи *Кекюле* и всѣ матеріалисты—*Молешотъ*, *Фогтъ*, *Бюхнеръ*, *Шиффъ*, *Шпнесъ* и др.). Въ своемъ учебникѣ по органической химіи или химіи углеродныхъ соединеній (*Erlangen* 1859, стр. 10). *Кекюле* говоритъ: „Мы пришли къ убѣжденію, что химическія соединенія растительнаго и животнаго царства, (т. е., мертвыхъ растительныхъ и животныхъ тѣлъ) содержатъ такіе же элементы, какъ и тѣла безжизненной природы; мы убѣждены, что въ нихъ элементы слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же законамъ, что, слѣдовательно, ни въ матеріи, ни въ силахъ, ни въ числѣ, ни въ формѣ группировки атомовъ нельзя отыскать различія между органическими и неорганическими соединеніями; мы видимъ длинный рядъ химическихъ соединеній, которыхъ отдѣльные члены (если сравнить только близъ лежащіе) представляютъ такое большое сходство, что, согласно съ законами природы, нельзя раздѣлять ихъ“. Многіе естествоиспытатели находятъ однакоже различіе между органическими и неорганическими тѣлами даже и по комбинаціи или составу основныхъ элементовъ. Такъ поступаютъ, напр., *Ренаульть-Штреккеръ*, *Грагамъ*, *Отто* и др. Но это различіе, конечно, должно быть названо не существеннымъ, а лишь относительнымъ. Существенное различіе между органическими и неорганическими тѣлами состоитъ въ томъ, что неорганическимъ тѣламъ, при одинаковости основныхъ элементовъ, не

свойственна та *жизненная* сила (*vis vitalis*), которая сообщаетъ организму *жизнь*. Однихъ основныхъ элементовъ въ механическомъ или химическомъ соединеніи недостаточно для того, чтобы тѣло стало живымъ организмомъ. По рецепту *Геккеля* каждому химику легко было бы создать живой организмъ чисто механическимъ способомъ. Многие ученые дѣйствительно провѣрили экспериментально положеніе *Геккеля* и, конечно, не достигли никакихъ результатовъ. Самъ *Геккель* отказался подтвердить свою теорію наглядными экспериментами. Послѣ этого у него явилось уже очень много противниковъ и—ни одного послѣдователя. Противъ отождествленія органическихъ тѣлъ съ неорганическими высказались: *Либихъ*, *Жераръ*, *Бишофъ*, *Кювье*, *Линкъ*, *Бурдахъ*, извѣстный матеріалистъ *Бурмейстеръ*, *Шлейденъ* и *Миллеръ*, (на авторитетъ которыхъ нерѣдко ссылается и самъ *Геккель*) *Рудольфъ Валнеръ*, *Флуранъ*, *Бартенъ*, *К. Бернаръ*, *Катрфажъ* и всѣ такъ называемые *виталисты*, признающіе въ организмахъ такъ называемую „жизненную силу“, которой нѣтъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Противники эти *Геккелю* извѣстны, но вступать съ ними въ споръ онъ, по своему обычаю, не рѣшился. Въ виду этого представляется только страннымъ, что за 33 года *Геккель* не забылъ о своемъ смѣшномъ „открытіи“, и теперь снова заговорилъ о „теоріи углерода“. Впрочемъ, по его собственнымъ словамъ, онъ останавливается на этой гипотезѣ только за неимѣніемъ ничего лучшаго. „Хотя эта „теорія углерода“, говоритъ онъ, подверглась жестокимъ нападкамъ со стороны *очень многихъ* біологовъ, однако-же до сихъ поръ никто не поставилъ на ея мѣсто какой либо лучшей монистической теоріи. Теперь, когда мы гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ 33 года тому назадъ, знаемъ фізіологическія условія жизни ячеекъ, химію и фізику живой плазмы, теорію углерода *можно* обосновать гораздо яснѣе и серьезнѣе, чѣмъ это было возможно тогда“. Однако-же въ дѣйствительности *Геккель* ни одного слова не сказалъ и теперь въ пользу своей теоріи ¹⁾).

1) Вопросъ о различіи между органическою и неорганическою природою на основаніи данныхъ естествознанія вполне удовлетворительно разрѣшается въ сочиненіяхъ переведенныхъ и на русскій языкъ: *Германъ Ульрихи* „Богъ и природа“

Такимъ же пустымъ и бездоказательнымъ оказывается и другое основаніе, на которое Геккель хочет опереться съ своимъ предположеніемъ о единствѣ органической и неорганической природы. Это такъ называемая теорія самозарожденія или архигоніи (*Generatio spontanea* или *aequivoca*). Старое понятіе о самозарожденіи, говоритъ Геккель, еще и теперь употребляется въ весьма различномъ смыслѣ; именно неясность относительно этого понятія и противорѣчивое примѣненіе его къ совершенно различнымъ, старымъ и новымъ гипотезамъ, виновны въ томъ, что эта важная проблема до сего дня принадлежитъ къ самымъ спорнымъ и запутаннымъ вопросамъ всего естествознанія. Понятіе самозарожденія—какъ архигоніи или абіогенезиса!—я органичиваю первымъ происхожденіемъ живой плазмы изъ неорганическихъ углеродныхъ соединеній и различаю въ этомъ „началь біогенезиса“ какъ два главныхъ періода: I. самозарожденіе (автогонія), происхожденіе простѣйшихъ плазматическихъ тѣлъ въ неорганической образовательной жидкости и II. Пласмагонія, индивидуализированіе примитивнѣйшихъ организмовъ изъ тѣхъ плазматическихъ соединеній, въ формѣ монеровъ“. Эту гипотезу о произвольномъ самозарожденіи организмовъ Геккель излагаетъ уже въ третій разъ на своемъ вѣку. Въ первый разъ она была предложена имъ въ его сочиненіи. „Естественная исторія творенія“¹⁾, второй разъ—въ „Генеральной морфологіи организмовъ и третій разъ въ разбираемой книгѣ.

Гипотеза самозарожденія или произвольнаго зарожденія организмовъ была извѣстна еще древнимъ до-христіанскимъ мыслителямъ матеріалистическаго направленія и имѣетъ своихъ защитниковъ еще и въ наше время. Кромѣ Геккеля ею пользуется для объясненія происхожденія органической жизни на землѣ также и Негели въ своей „Механически-фізіологической теоріи ученія о происхожденіи“ (1884 г.). Тѣмъ не менѣе ги-

да“, Казань, 1867, т. I, стр. 143—212 и Эбрарда Апологетика, Спб. 1877, т. I, стр. 113—121. Изъ самостоятельныхъ русскихъ авторовъ нельзя не указать на В. Д. Кудрявцева „Самостоятельность начала органической жизни“. Приб. къ Твор. Св. Отц. 1881, ч. XXVII и XXVIII; Сочиненія т. III, в. I, стр. 50—115

¹⁾ Сочиненіе это въ 1863 году было переведено Цальховскимъ и на русскій языкъ. Въ настоящее время этотъ переводъ библіографическая рѣдкость.

гипотеза произвольнаго самозарожденія не имѣть никакого научнаго значенія. Ее приводятъ лишь за неимѣніемъ ничего лучшаго и притомъ только для того, чтобы обмануть и себя и другихъ, предполагая, что ею совершенно устраняется признаніе творческаго акта для объясненія происхожденія на землѣ органической жизни. На нее указываютъ атеистическіе мыслители только изъ *чудобоязни*, и они говорятъ объ этомъ весьма откровенно. Такъ *Негели* прямо заявилъ: „Отрицать произвольное зарожденіе значитъ проповѣдывать *чудо*“. Ту же самую мысль высказывалъ извѣстный матеріалистъ *Бурмейстеръ* еще въ 1845 году въ своей „Исторіи творенія“ (*Geschichte der Schopfung*, стр. 331, 333). „Имѣть ли это мнѣніе (гипотеза произвольнаго зарожденія организмовъ) положительное основаніе, говоритъ онъ, въ настоящее время еще не рѣшено, но мы всетаки принимаемъ его, какъ потому, что на самомъ дѣлѣ противъ него не можетъ быть сдѣлано ни одного строго научнаго возраженія, такъ и потому, что безъ него происхожденіе организмовъ на земной поверхности мыслимо только чрезъ непосредственное *вмѣшательство высшей силы*, для чего изъ всего хода развитія земного шара не можетъ быть указано (?) никакого достаточнаго мотива... Если мы не желаемъ искать спасенія въ *чудесахъ и непостижимыхъ дѣйствіяхъ*, то должны дать мѣсто происхожденію первыхъ живыхъ твореній на землѣ чрезъ свободную производительную силу матеріи“.

Итакъ, ясно, что не научныя изслѣдованія, а метафизическая или религіозная тенденціозность руководитъ защитниками гипотезы произвольнаго самозарожденія организмовъ. Тѣмъ не менѣе ради ученаго приличія они стараются дать своей гипотезѣ нѣкоторую *научную* обстановку. Они увѣряютъ, что произвольное самозарожденіе организмовъ продолжается даже и въ настоящее время. Извѣстный матеріалистъ *Гибель* собралъ, кажется, все важнѣйшіе случаи, на которые обыкновенно ссылаются защитники гипотезы самозарожденія. Вотъ эти случаи ¹⁾, „Нѣкоторыя грибы появляются только подъ эпидермисомъ живыхъ или умершихъ растеній и именно извѣстные виды первыхъ

¹⁾ *Gibel*, Tagesfragen, стр. 191—202; у *Г. Ульрихи* „Богъ и Природа“ 1, стр. 285—288.

на извѣстныхъ родахъ послѣднихъ. Разные виды плесени образуются въ совершенно закрытыхъ оболочкахъ (скорлупахъ) плодовъ съ косточками, грецкихъ и мускатныхъ орѣховъ, виды *Protomyces* образуются подобно внутреннимъ растеніямъ, въ соку между клѣточныхъ проходовъ высшихъ растеній. *Мэрклинъ* находилъ весь бѣлокъ въ куриныхъ яйцахъ съ совершенно неповрежденною оболочкою превратившимся въ нити плѣсени. „*Solenopus cerebri* живущій въ мозгу овецъ, въ иные годы появляется въ извѣстной странѣ и при извѣстной погодѣ истребляетъ цѣлыя стада; точно также гніеніе печени, происходящее отъ печеночнаго клопа (*Distoma hepaticum*), появляется на болотистыхъ лугахъ, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же самыхъ странахъ раньше въ теченіи многихъ годовъ не было ни одной овцы больной головокруженіемъ или гніеніемъ печени. Въ глазу окуня разводится *Dipostoma*, въ глазу человѣка и лошади витчатые, въ человѣческомъ глазу—*Cysticercus cellulosaе*. *Патри* заставлялъ домашнюю курицу высидѣть яйца куропатки и нашелъ на молодыхъ цыплятахъ вши, которыхъ обыкновенно имѣютъ куропатки. При отвратительной вшивой болѣзни совершенно особенный видъ вшей, *Pediculus tabescentium* (не площадь, не платяная вошь) тысячами распространяется по всѣму тѣлу подъ чешуйками лупящейся кожи или выходитъ изъ гноя открытыхъ ранокъ и закрытыхъ опухолей, даже изъ ушей и задняго прохода. Гноящіеся соки непосредственно образуютъ вшей; противъ этой болѣзни часто не помогаютъ никакія наружныя средства, между тѣмъ какъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакой опасности заразиться ею. Извѣстны глисты въ тѣсномъ смыслѣ,—отъ ленточной глисты, водящейся въ человѣкѣ и высшихъ животныхъ до кровососокъ (*Trematoden*), которыя гнѣздятся въ тѣлѣ слизня. Далѣе защитники гипотезы самопроизвольнаго зарожденія организмовъ ссылаются на факты, когда изъ мертвой гніющей органической матеріи образуется новая органическая жизнь, какъ, напр., красивый грибокъ *Isaria sphingium* всегда является только на мертвыхъ гусеницахъ бабочекъ, осъ и кузнечиковъ, а *Onygena equina*—только на гніющихъ лошадиныхъ копытахъ. Были дѣлаемы опыты образованія инфузорій и другихъ орга-

низмовъ посредствомъ такъ называемаго настоя воды на мертвыхъ органическихъ веществахъ. Дождевая или рѣчная вода въ закупоренной бутылкѣ, въ которую положены стебельки растеній, какіе либо животныя остатки, чрезъ нѣкоторое время наполняется веществомъ красиваго зеленаго цвѣта. Въ микроскопъ можно видѣть въ этой матеріи растительную и животную жизнь, которой сначала не было въ водѣ. Наконецъ, защитники гипотезы произвольнаго самозарожденія организмовъ указываютъ и на то обстоятельство, что однѣ и тѣ же породы растеній и животныхъ находятся въ различныхъ странахъ и на отдаленныхъ островахъ, между которыми нельзя предполагать никакихъ сношеній въ отдаленную эпоху жизни человѣчества. Вотъ, собственно говоря, и всѣ тѣ факты, которые были указываемы матеріалистами, боявшимся допустить чудесный актъ творенія и замѣнявшими его своею гипотезою самозарожденія организмовъ.

Было время, когда эти факты могли производить сильное впечатлѣніе и на людей, вѣрующихъ въ ученіе Божественнаго Откровенія о сотвореніи міра. Было время, когда люди думали, что скорлупа яйца состоитъ изъ сплошной, непроницаемой массы, что тѣло человѣка не имѣетъ ни какихъ поръ, что вода, а тѣмъ болѣе кровь человѣка и животныхъ не способны быть средою для развитія органическихъ образованій и что животный міръ ограничивался только организмами доступными человѣческому зрѣнію. Но съ появленіемъ ученія объ инфузоріяхъ и микробахъ приведенные факты все больше и больше стали терять свое обаятельное вліяніе. Уже одно то обстоятельство, что появленіе извѣстныхъ органическихъ образованій соединялось только съ извѣстными животными и растеніями, что *Onygena equina*, напр., появлялась только на гніющихъ лошадиныхъ копытахъ, и нигдѣ больше, что *Solenicus celebralis* зараждался только въ мозгу овецъ и т. п., вселяло естественно недовѣріе къ гипотезѣ самозарожденія организмовъ и давало поводъ думать, что причину появленія органическихъ образованій нужно искать въ тѣлахъ тѣхъ животныхъ и растеній, съ которыми всегда соединялись эти появлявшіяся образованія. Произведенные опыты доказали всю основатель-

ность такого недовѣрія. Скоро замѣтили, что въ обыкновенной водѣ организмы появляются скорѣе, чѣмъ въ дистиллированной.

Но особенно были интересны опыты *Эренберга*. Онъ съ очевидностію доказалъ, что всѣ тѣ организмы, которые, повидимому, зарождались самопроизвольно, были недоступны обыкновенному зрѣнію и потому были относимы къ первичнымъ образованіямъ или плазмамъ,—на самомъ дѣлѣ оказывались настоящими и совершенными организмами, имѣвшими всѣ органы для жизненныхъ отправленій—желудокъ, кишечный каналъ, органы дыханія, яйца и яичники. Еще интереснѣе были опыты *Лейкарта* и *Гельмгольца*. Они доказали, что въ средѣ, предназначенной для экспериментовъ, никогда не появлялись инфузоріи, если въ ея воздухъ предварительно чрезъ сѣрную кислоту или раскаливаніе были уничтожаемы всѣ зародыши организмовъ и она была изолируема отъ возможности проникновенія въ нее новаго воздуха съ органическими зародышами. За то новыя зародыши организмовъ появлялись быстро, когда среда (напр. настои, мясо животныхъ и т. п.) была предоставляема свободному вліянію атмосфернаго воздуха. Выводъ изъ этихъ опытовъ былъ ясенъ и весьма невыгоденъ для матеріалистической гипотезы произвольнаго зарожденія организмовъ. Стало несомнѣннымъ, что новыя даже невидимыя организмы появлялись не произвольно или—вѣрнѣе—не вслѣдствіе воздѣйствія физико-неорганическихъ силъ, а какъ и всѣ вообще организмы *ab ovo*—изъ яицъ или зародышей, находившихся только въ неорганическихъ тѣлахъ—воздухъ, мясъ, настояхъ, лошадиныхъ копытахъ и т. п. Къ такимъ же результатамъ привели многочисленные опыты *Зибольда*, *Вернека*, *Кюхенмейстера* и др. Но особенно важное научное значеніе имѣютъ результаты, достигнутыя *Тиндалемъ*, *Бальбіани* и *Пастеромъ*. Найденныя ими крайне незначительныя по своей микроскопичности органическія существа, доступныя лишь сильно вооруженному глазу,—*бациллы* оказываются способными проникать чрезъ самыя, повидимому, плотныя, почти непроницаемыя сѣры (скорлупу яйца, пробку и т. п.) и свободно живутъ не только въ воздухѣ и водѣ, но и въ человѣческой крови при самой высокой температурѣ и другихъ почти

невозможныхъ для органической жизни условіяхъ. Вотъ почему „теперь,—скажемъ словами покойнаго профессора Рождественскаго ¹⁾, даже тѣ изъ (естество-испытателей), которые могли бы имѣть наибольшій интересъ защищать (гипотезу произвольнаго самозарожденія) для оправданія своихъ воззрѣній на происхожденіе органическаго царства, отказываются однако же брать ее подъ свою защиту, въ виду доказанной несостоятельности ея. Такъ, напримѣръ, *Дарвинъ* говоритъ по поводу ея слѣдующее: „что покажетъ будущее, еще неизвѣстно; на настоящей же своей точкѣ наука не благопріятствуетъ мнѣнію, что живыя существа въ настоящее время происходятъ самопроизвольно“ (spontanee). Это значитъ, что силы заключающіяся въ матеріи, недостаточны для того, чтобы произвести изъ нея живыя существа“. Замѣчательно, что даже такой крайній и убѣжденный матеріалистъ, какъ *Карлъ Фогтъ* также долженъ былъ отказаться отъ того, чтобы объяснять происхожденіе организмовъ при помощи гипотезы о произвольномъ самозарожденіи. И это онъ сдѣлалъ по поводу именно защищенія этой гипотезы *Геккелемъ*. Свое сочиненіе „Естественная исторія творенія“ *Геккель*, какъ извѣстно, издалъ первоначально въ Англіи, ради *Дарвина*, и издалъ его на англійскомъ языкѣ. *Фогтъ*, не зная автора (или, по крайней мѣрѣ, прикидываясь не знающимъ его) перевелъ его сочиненіе на нѣмецкій языкъ и къ стр. 136 и 137, гдѣ *Геккель* излагаетъ гипотезу произвольнаго самозарожденія, онъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ настойкахъ, которыя чрезъ кипяченіе освобождены отъ всѣхъ органическихъ зародышей, *никогда* не возникаютъ организмы, если только воздухъ, который туда доходитъ, очищенъ отъ всѣхъ органическихъ примѣсей. Этого достигаютъ, прогоняя его чрезъ сѣрныя кислоты, раскаленные трубки и другія среды, которыя оставляютъ неизмѣннымъ его химическій составъ. Что въ воздухѣ носятъ и посредствомъ вѣтра и проч. распространяются не только зародыши, но и большое число способныхъ къ оживленію органическихъ существъ, это несомнѣнно и вполне доказано анализомъ падающей вулканической золы и пр. Итакъ, инфузоріи, которыя, повидимому,

¹⁾ Апологетика, II, стр. 214.

возникають въ настойкахъ, только туда попали, потомъ развились тамъ и размножились посредствомъ распложенія или раздѣленія“.

Катрфажъ также въ своей статьѣ „Естественная исторія человѣка“ ¹⁾ доказываетъ, что, послѣ опытовъ *Пастера* и итальянскаго естествоиспытателя *Бальбиани*, гипотеза произвольнаго самозарожденія организмовъ совершенно потеряла научный интересъ.

Думаютъ, что и самъ *Геккель* въ дѣйствительности уже не приписываетъ серьезнаго значенія этой гипотезѣ; иначе чѣмъ объяснить, что онъ не указалъ ни одного факта, подтверждающаго ее, а самое изложеніе ея отличается у него крайнею сухостію и голословностію? Гипотеза эта для *Геккеля* интересна лишь тѣмъ, что она предполагаетъ отсутствіе существеннаго различія между органическою и неорганическою природою, а съ другой стороны силится разрѣшить вопросъ о происхожденіи даже организмовъ безъ участія Божества,—что, конечно, весьма желательно для каждаго мыслителя, атеистически настроеннаго и страдающаго *чудобоязнію*. Отсюда понятно, почему *Геккель*, непосредственно послѣ краткаго изложенія гипотезы произвольнаго самозарожденія и углеродной теоріи прямо переходитъ къ нападкамъ на ученіе философовъ и богослововъ о телеологическомъ устройствѣ міра. „Какъ гипотеза самозарожденія, такъ и находящаяся съ нею въ тѣсной связи углеродная теорія, говоритъ самъ *Геккель*, имѣютъ величайшее значеніе для рѣшенія старой борьбы между *телеологическимъ* (*дуалистическимъ*) и *механическимъ* (*монистическимъ*) сужденіемъ о явленіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ *Дарвинъ* сорокъ лѣтъ тому назадъ своею *теоріею селекціи* далъ намъ въ руки ключъ къ монистическому объясненію организаціи, мы находимся въ состояніи—свести къ естественнымъ механическимъ причинамъ все пестрое разнообразіе *цѣлесообразныхъ* устройствъ въ мірѣ живыхъ тѣлъ, какъ прежде это было возможно только въ неорганической природѣ. Однако-же *Дарвиномъ* *Геккель* не ограничивается. Онъ указываетъ прежде всего на *Канта*, который, по его словамъ, отвергалъ ученіе о телеоло-

¹⁾ Срн. *Revue des deux mondes*, 1861, январь.

гическомъ устройствѣ міра и признавалъ какъ устройство, такъ и происхожденіе міра только *механическимъ*. Затѣмъ онъ, по обычаю почти всѣхъ атеистическихъ мыслителей, приводитъ уже выше изложенный нами анекдотъ о *Лапласѣ*, который будто-бы назвалъ Наполеону Бога гипотезою. На основаніи этихъ двухъ примѣровъ Геккель прославляетъ атеизмъ, какъ воззрѣніе разумное. Какой смыслъ имѣетъ анекдотъ о *Лапласѣ*, мы видѣли. Но нельзя называть атеистомъ и *Канта*, который представилъ даже особое (моральное) доказательство бытія Божія и всегда говорилъ о Богѣ, какъ Существо, бытіе Котораго—внѣ сомнѣнія: онъ критиковалъ тогдашніе виды *доказательствъ* бытія Божія, но не само *бытіе* Божіе. Что же касается вопроса о цѣлесообразности устройства міра, то сужденія его объ этомъ двойственны и неопредѣленны: въ самой критикѣ телеологическаго доказательства бытія Божія онъ признаетъ несомнѣннымъ самый фактъ цѣлесообразнаго устройства міра, отвергая только правильность вывода, дѣлаемаго обыкновенно изъ этого факта; но въ своей критикѣ способности сужденія онъ отказываетъ намъ даже въ правѣ искать въ мірѣ дѣйствительную цѣлесообразность, объявляя телеологическое пониманіе природы—воззрѣніемъ *только* субъективнымъ, сложившимся лишь по аналогіи съ нашими собственными дѣйствіями, а потому и не имѣющимъ никакого объективнаго значенія.

Самъ *Геккель*, конечно, слишкомъ далекъ отъ того, чтобы признавать устройство міра разумнымъ и цѣлесообразнымъ; какъ ни восхваляетъ онъ свою универсальную субстанцію, которая раскрывается во всѣхъ явленіяхъ міровой жизни, но въ дѣйствительности она оказывается какимъ-то слѣпымъ, неразумнымъ и безтолковымъ началомъ, во всемъ подчиняющимся такому же слѣпому случаю и дѣйствующимъ, такъ сказать, *на-авось*. Если-бы человѣкъ никогда не руководствовался своимъ разумомъ, а предоставилъ себя одному пустому случаю, то жизнь его не только не была бы правильною, но и едва ли была бы возможною. Какимъ же образомъ жизнь вселенной, по отношенію къ которой, человѣкъ, какъ говоритъ *Геккель*, есть лишь „микроскопическая пылинка“, должно мы-

слить безцѣльною, безсмысленною, слѣпою и случайною? Между тѣмъ, если повѣрить *Геккелю*, то въ настоящее время наукою уничтожена и самая мысль о разумности и цѣлесообразности жизни вселенной. „Съ тѣхъ поръ какъ *Ньютонъ* (въ 1682 г.) установилъ законъ тяготѣнія, говоритъ *Геккель*, и съ тѣхъ поръ какъ *Кантъ* (въ 1755 году) указалъ на „устройство и механическое происхожденіе всей міровой системы по *ньютоновскимъ* основаніямъ“, съ тѣхъ поръ, наконецъ, какъ *Лапласъ* математически обосновалъ этотъ коренной законъ міроваго механизма,—всѣ неорганическія естественныя науки стали чисто механическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и чисто атеистическими. Съ тѣхъ поръ въ астрономіи и космогеніи, въ геологіи и метеорологіи, въ неорганической физикѣ и химіи безусловно установлено на математическихъ основаніяхъ господство механическихъ законовъ. Но съ тѣхъ поръ изъ всей этой великой области *исчезло* также и самое *понятіе о цѣли*. Теперь, въ концѣ нашего девятнадцатаго вѣка, когда это мистическое пониманіе послѣ жестокой борьбы приобрѣло всеобщее значеніе, ни одинъ естествоиспытатель уже болѣе не спрашиваетъ серьезно о цѣли какого либо явленія во всей этой неизмѣримой области. Или дѣйствительно и теперь какой либо астрономъ серьезно будетъ спрашивать о цѣли планетныхъ движеній, а минералогъ—о цѣли различныхъ формъ кристала? Или физикъ будетъ ломать голову надъ цѣлью электрическихъ силъ, а химикъ—надъ цѣлью вѣса атомовъ? Съ утѣшеніемъ мы должны отвѣтить: *нѣтъ!* Безъ сомнѣнія, не въ томъ смыслѣ, что „любящій Богъ“ или какая либо сила природы, стремящаяся къ цѣли, мгновенно создали „изъ ничего“ эти основные законы міроваго механизма для опредѣленной цѣли, и что Богъ повелѣлъ имъ изо дня въ день дѣйствовать по Его разумной волѣ. Это антропоморфическое представленіе о цѣлесообразно дѣйствующемъ Создателѣ и Владыкѣ міра теперь совершенно уничтожено; его мѣсто заступили „вѣчныя, неизмѣнныя, великія законы природы“.

Было бы весьма грустно за человечество, если бы было дѣйствительностію то, о чемъ говоритъ здѣсь *Геккель*. Но какъ всегда и вездѣ, и здѣсь *Геккель* спѣшитъ съ своими обобщен-

ніями и преувеличиваетъ истинное положеніе дѣла. Не споримъ,—и въ области естествознанія есть много людей, которые не въ силу требованій своей науки, а лишь, увлекшись необдуманно крайними матеріалистическими воззрѣніями въ родѣ *Геккелевскаго*, объявляютъ естествознаніе наукою *атеистическою* и ничего не хотятъ знать о разумности міровой жизни. Но, къ счастью, не всѣ естествоиспытатели—безбожники и невѣры. Даже *Бюхнеръ* изъ трехъ физиковъ объявилъ атеистами лишь двухъ: „tres physici—duo athei!“ Но этотъ выводъ не оправдывается дѣйствительностію. Особенно это нужно сказать о позднѣйшемъ времени, когда матеріалистическое міровоззрѣніе многими оцѣнено по справедливости и найдено неудовлетворительнымъ. Многие торжественно отреклись отъ него; съ ними, по словамъ *Геккеля*, произошла „психологическая метаморфоза“. Другіе смѣлѣе стали защищать свои теистическія убѣжденія. И это мы говоримъ именно объ естествоиспытателяхъ. Среди нихъ все больше и больше появляется лицъ глубоко вѣрующихъ въ бытіе Божіе и отказывающихся отъ механическаго объясненія явленій внѣшняго міра. Извѣстный ученый астрономъ, членъ парижской академіи наукъ, *Фэйе* увѣряетъ, что его наука, сама по себѣ, не способна быть враждебною живой вѣрѣ въ бытіе Божіе. Каковы бы ни были астрономическія гипотезы, „аргументъ въ доказательство существованія Божественнаго Промышленія остается“, говоритъ *Фэйе* во введеніи въ свою книгу „Происхожденіе міра“ (Спб. 1892.). „Онъ будетъ оставаться и существовать до тѣхъ поръ, пока останется человѣкъ, созерцающій небо и размышляющій о немъ. Мы просмотримъ съ вами всѣ системы происхожденія міра и вы увидите, что ни одна изъ нихъ не убавляетъ и не прибавляетъ ни іоты въ этомъ доказательствѣ. То, что поражаетъ насъ, когда мы поднимаемъ глаза къ небу, что отрываетъ насъ на мгновеніе отъ нашихъ матеріальныхъ заботъ, что возбуждаетъ въ насъ благоговѣйную мысль, это кроткое сіяніе дня, это—лучистое солнце, дающее намъ свое тепло и свѣтъ, одушевляющее всю природу, это—звѣзды, такъ изящно унизывающія своими огоньками небесный сводъ и вызывающія спо-

койствіе и кротость ночи, послѣ угасанія дня. Мы удивляемся правильнымъ движеніямъ свѣтилъ, ихъ возвращенію, которое никогда не обманываетъ; въ этомъ для насъ первое условіе существованія, такъ какъ наша матеріальная жизнь является намъ только нитью, конецъ которой тамъ вверху... Мы созерцаемъ, мы познаемъ, по крайней мѣрѣ, въ непосредственно уловимой формѣ, такой міръ, который самъ не знаетъ ничего. Стало быть, есть нѣчто другое, кромѣ земныхъ предметовъ, есть нѣчто другое, кромѣ нашего тѣла, нѣчто другое, кромѣ этихъ великолѣпныхъ звѣздъ: есть умъ и мысль. А такъ какъ нашъ умъ создалъ себя не самъ, то въ мірѣ долженъ существовать Верховный Умъ, отъ котораго происходитъ нашъ. Съ этихъ поръ, чѣмъ выше идея, которую люди составляютъ себѣ объ этомъ Верховномъ Умѣ, тѣмъ она ближе подходитъ къ истинѣ. Мы не рискуемъ ошибиться, когда считаемъ Его Творцомъ всѣхъ вещей, относя къ Нему это великолѣпіе небесъ, которыя будятъ нашу мысль, и мы подготовлены понять формулу вѣрующихъ: Богъ, Отецъ всемогущій, Создатель неба и земли. Что касается отрицанія, то это все равно, что съ этихъ высотъ допустить себя тяжело упасть на землю. Эти звѣзды, эти чудеса природы были бы дѣломъ случая! Нашъ умъ былъ бы матеріей, которая сама собою предалась мышленію! Человѣкъ снова обратился бы въ такое же животное, какъ другія; какъ они, онъ проводилъ бы эту жизнь спустя рукава, безъ цѣли, и кончалъ бы, какъ они, выполнивъ свои функціи питанія и воспроизведенія! Но *неправда, будто бы сама наука когда нибудь склонялась къ такому отрицанію...* Вотъ то, что я желалъ высказать о Богѣ, изучать творенія Котораго есть задача науки!

Такъ говоритъ ученый астрономъ, спеціальный представитель своей науки! Послѣ этого ясно, насколько не правъ *Геттель*, увѣряющій своихъ читателей въ томъ, что астрономія наука чисто механическая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *чисто атеистическая*. Онъ могъ сказать, что среди астрономовъ, среди физиковъ, среди минералоговъ есть атеисты, отвергающіе бытіе Божіе и цѣлесообразное устройство міра; но самую науку называть атеистическою онъ не имѣлъ никакого права, ибо

наука сама по себѣ не можетъ ни утверждать, ни отрицать того, что есть предметъ *вѣры*.

Если отъ астрономовъ мы обратимся къ представителямъ другихъ областей естествознанія, то мы опять увидимъ, какъ неправъ былъ *Геккель*, обозвавшій *атеистами* всѣхъ вообще естествоиспытателей. Самъ *Геккель* нѣсколько ниже (стр. 305) утверждаетъ, что онъ знаетъ многихъ „различныхъ знаменитыхъ біологовъ“, которые раздѣляютъ телеологическое воззрѣніе на вселенную. Между прочимъ, ему извѣстенъ Кильскій ботаникъ *I. Рейнке*, который въ своемъ сочиненіи „Die Welt als That“, изданномъ въ прошломъ (1899) году „защищаетъ вѣру въ чудо и теизмъ, повѣствованіе Моисея о сотвореніи міра и устойчивость видовъ“. *Геккель* не указалъ ни одной слабой стороны ни въ сочиненіяхъ „различныхъ знаменитыхъ біологовъ“, ни въ сочиненіи *Рейнке*. Онъ ограничилъ свой отзывъ объ этихъ сочиненіяхъ лишь слѣдующею пустою фразою: „Эти странныя телеологическія гипотезы теперь уже столь мало нуждаются въ научномъ опроверженіи, какъ и наивныя, болѣею частію находящіяся съ ними въ связѣ возраженія противъ дарвинизма“.

Еще грубѣе и неразумнѣе *Геккель* поступилъ съ ученымъ *Карломъ Эрнестомъ Бэрромъ*, котораго онъ самъ въ этой же самой, разбираемой нами книгѣ, нѣсколько разъ называетъ „знаменитымъ эмбриологомъ“. Въ 1876 году *Бэрр*, раздѣлявшій въ молодости воззрѣнія матеріалистическія, издалъ рядъ разсужденій подъ общимъ заглавіемъ. „Reden und Studien“, въ которыхъ онъ съ возможною ясностію и полною основательностію опровергаетъ воззрѣнія матеріалистическія вообще и дарвинистическія въ частности, торжественно заявляя, что смыслъ жизни можетъ быть понятенъ только для человѣка вѣрующаго въ Божественное Откровеніе и признающаго Бога, какъ всесовершеннѣйшее, премудрое и всемогущее Существо, Творцомъ цѣлесообразно устроеннаго міра. *Геккель* былъ безсиленъ опровергнуть доводы *Бэра* и ограничился замѣчаніемъ, что *Бэрр* написалъ свое сочиненіе уже въ старческомъ возрастѣ, т. е., выживъ изъ ума, что „устарѣлый *Бэрр* не могъ же понять воззрѣнія *Дарвина*“ и т. п. Но пріемъ этотъ у

Геккеля—не рѣдкость. Мы видѣли, что такъ же опровергаль *Геккель* и многихъ другихъ ученыхъ: *Вундта*, *Вирхова*, *Дю-буа-Реймона*.

Самъ *Геккель*, конечно, отвергаетъ цѣлесообразное устройство міра. Онъ даже задумалъ создать странную науку—*Дистелеологию* или *ученіе о нецѣлесообразности*. Но основанія, на которыя онъ думаетъ опереться съ этою „наукою“ слишкомъ шатки. Приводимъ въ точномъ переводѣ все его разсужданіе о *нецѣлесообразности*. „Подъ этимъ понятіемъ, говоритъ онъ, уже 33 года тому назадъ я составилъ науку (*ich habe die Wissenschaft zusammengestellt*) о тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и важныхъ біологическихъ фактахъ, которые нагляднымъ образомъ прямо опровергаютъ обычное телеологическое пониманіе „цѣлесообразнаго устройства живыхъ тѣлъ природы“. Эта „наука о рудиментарныхъ, недоношенныхъ, испорченныхъ, неудавшихся, чахоточныхъ или катапластическихъ индивидахъ“ опирается на неисчислимое множество достопримѣчательнѣйшихъ явленій, которыя хотя давнымъ давно были извѣстны зоологамъ и ботаникамъ, но только Дарвиномъ были объяснены досконально (*ursächlich*) и оцѣнены въ ихъ высокомъ философскомъ значеніи. Всѣ высшія животныя и растенія, вообще всѣ тѣ организмы, тѣло которыхъ устроено не совсѣмъ просто, но составлено изъ многихъ, *цѣлесообразно* (*zweckmässig*) дѣйствующихъ органовъ, при внимательномъ изслѣдованіи обнаруживаютъ множество бесполезныхъ и не дѣйствующихъ, отчасти даже опасныхъ и вредныхъ частей. Въ цвѣтахъ очень многихъ растеній, рядомъ съ дѣйствующими половыми листьями, которые посредствуютъ расцвѣтъ, находятся отдѣльные бесполезные органы листьевъ безъ значенія (испорченные или „неудавшіяся“ тычинки, плодовые листья, вѣнчиковые лепестки, чашечковые листы и т. д.). Въ обоихъ большихъ и богатыхъ формахъ классахъ летающихъ животныхъ, у птицъ и насекомыхъ, кромѣ обыкновенныхъ видовъ, ежедневно употребляющихъ свои крылья, есть множество формъ, крылья которыхъ попорчены, и которыя не могутъ летать. Почти во всѣхъ классахъ высшихъ животныхъ, употребляющихъ свои глаза для зрѣнія, существуютъ отдѣльные виды,

которые живутъ въ темнотѣ и не видятъ; не смотря на это они также большею частію имѣютъ глаза, только они испорчены, не годны болѣе для зрѣнія. Въ нашемъ собственномъ человѣческомъ тѣлѣ мы имѣемъ такіе бесполезные рудименты въ мускулахъ нашего уха, въ мускулахъ движущихъ кожу на лбу, въ грудныхъ соскахъ и молочныхъ желѣзахъ муцины и въ другихъ частяхъ тѣла; страшный червообразный отростокъ нашей слѣпой кишки не только бесполезенъ, но даже опасенъ, и множество людей ежегодно погибаетъ отъ его воспаленія. Объясненія этихъ и многихъ другихъ частей въ строеніи тѣла животныхъ и растений не можетъ дать ни старый *мистическій витализмъ*, ни *нерациональный неовитализмъ*; напротивъ мы находимъ его весьма простымъ благодаря *теоріи десценденціи*. Какъ на одно изъ сильнѣйшихъ возраженій противъ ученія о цѣлесообразномъ устройствѣ міра Геккель указываетъ (стр. 308) еще на *несовершенство природы*. „Какъ жизнь людей, говоритъ онъ, такъ также жизнь животныхъ и растений вездѣ и повсюду остается несовершенною. Этотъ фактъ вытекаетъ просто изъ познанія, что природа какъ органическая, такъ и неорганическая находится въ постоянномъ процессѣ *развитія*, измѣненія и преобразованія. Это развитіе во всемъ—насколько по крайней мѣрѣ мы можемъ знать исторію происхожденія органической природы на нашей планетѣ является намъ какъ постоянное преобразование, какъ историческій переходъ отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему, отъ несовершеннаго къ совершенному. Въ „Генеральной Морфологіи“ (1866) я уже привелъ доказательство того, что этотъ историческій *успѣхъ (Progressus)*—или постепенное *усовершенствованіе (Teleosis)*—есть *необходимое дѣйствіе селекціи*, но не слѣдствіе преднамѣренной цѣли. Это вытекаетъ также и изъ того, что ни одинъ организмъ не совершенъ вполне; даже еслибы въ данный моментъ онъ совершенно соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ, это состояніе продолжалось бы не долго; ибо условія существованія внѣшняго міра сами подчинены постоянному измѣненію и тѣмъ обуславливаютъ безпрерывное приспособленіе организмовъ“.

Вотъ все, что сказалъ Геккель въ своей *Дистеологіи* про-

тивъ ученія о цѣлесообразномъ и разумномъ устройствѣ міра! Отъ ожесточеннаго врага вѣры въ бытіе живого и личного Бога можно было бы ожидать болѣе серьезныхъ и энергичныхъ нападокъ на ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ міра, премудро и цѣлесообразно создавшемъ вселенную. Задача *Геккеля* была не трудна. Ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ міра—самое древнее. Уже *Анаксагоръ* вынужденъ былъ назвать *νοῦς* (умъ) виновникомъ міра по причинѣ цѣлесообразнаго устройства его. *Сократъ* указывалъ *Аристодему* на цѣлесообразное устройство человѣческаго организма. *Платона* поражало стройное теченіе небесныхъ свѣтилъ и т. д. Но съ тѣхъ поръ, какъ мыслители стали усвоить телеологическое воззрѣніе на міръ, начали появляться со стороны атеистовъ и возраженія противъ него. Стремленіе замѣнить цѣлесообразность въ мірѣ случаемъ хорошо было извѣстно уже *Цицерону* и другимъ классическимъ философамъ. Затѣмъ особенно много возраженій противъ ученія о цѣлесообразномъ устройствѣ міра было высказано англійскими деистами, французскими энциклопедистами, нѣмецкими рационалистами XVIII вѣка, пантеистами и материалистами нашего времени. *Геккелю* оставалось только воспользоваться этимъ уже совершенно готовымъ матеріаломъ... Но онъ и этого не сдѣлалъ. Онъ ограничился лишь общими фразами и общимъ указаніемъ на нѣкоторыя явленія, которыя, по его мнѣнію, говорятъ будто бы противъ ученія о цѣлесообразномъ устройствѣ міра.

Вопросъ о цѣлесообразности устройства міра есть одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ и всесторонне обсуждаемыхъ философствующими мыслителями. Интересъ его состоитъ не только въ томъ, что при разрѣшеніи его выясняются ближайшія или *дѣйствующія* причины извѣстныхъ явленій, но и причины *конечныя*, скрытыя для непосредственнаго наблюденія и опыта, но познаваемыя посредствомъ цѣлаго ряда умозаключеній на основаніи данныхъ опыта. Интересъ его усиливается еще тѣмъ, что такое или иное разрѣшеніе его полагаетъ основаніе даже для составленія цѣлаго философскаго міровоззрѣнія. Наконецъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ разрѣшенію этого вопроса и религіозное наше сознаніе,

которое должно находить въ немъ оправданіе для себя и своихъ религіознымъ вѣрованій.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ *здесь* со всею полнотою и обстоятельностью раскрыть ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ міра, такъ какъ задача наша состоитъ *только* въ разборѣ сочиненія *Геккеля* „*Welträthsel*“ и мы обязаны держаться въ его рамкахъ. Впрочемъ, желающіе всесторонне ознакомиться съ основаніями ученія о цѣлесообразности устройства органическаго и неорганическаго міра, равно какъ и *со всеми* возраженіями, направленными противъ него могутъ найти полное удовлетвореніе своего желанія въ трехъ разсужденіяхъ покойнаго профессора московской духовной академіи *В. Д. Кудрявцева*: 1) „Телеологическая идея и матеріализмъ“ ¹⁾. 2) „Телеологическое значеніе природы“ ²⁾ и 3) „Телеологическое доказательство бытія Божія“ ³⁾. Что же касается разсматриваемаго сочиненія *Геккеля*, то хотя въ немъ и есть нѣсколько параграфовъ, посвященныхъ вопросу о цѣлесообразности и нецѣлесообразности природы, но, какъ мы видѣли, въ немъ не указаны съ обстоятельностью ни тѣ основанія, на которыя опираются защитники цѣлесообразности, ни тѣ возраженія, которыя направляются ихъ противниками противъ защищаемаго ими ученія.

Изъ разсматриваемаго сочиненія *Геккеля* видно, что его авторъ не имѣетъ даже точнаго понятія о томъ, что такое цѣлесообразность и что вообще нужно называть цѣлесообразнымъ. По этой причинѣ, должно быть, въ его книгѣ и нѣтъ опредѣленія самаго понятія цѣлесообразности. Онъ указываетъ на *несовершенство* природы, какъ на возраженіе противъ ученія о ея цѣлесообразномъ устройствѣ. Ясно, что понятіе о цѣлесообразности онъ смѣшиваетъ съ понятіемъ совершенства; поэтому-то многое, что признаетъ онъ несовершеннымъ, онъ объявляетъ и нецѣлесообразнымъ. Но цѣлесообразность и совершенство—понятія различныя. Понятіе цѣлесообразности даже вовсе и не предполагаетъ абсолютнаго совершенства. Цѣ-

¹⁾ См. „Прав. Обозр.“ 1878 г.; сочиненія Кудрявцева т. III. вып. 1 стр. 1—97.

²⁾ См. „Прав. Обозр.“ 1878 г.; сочиненія Кудрявцева, т. III вып. 1. стр. 98—137.

³⁾ Соч. Кудрявцева т. II. вып. 3. стр. 239—272.

лесообразнымъ называется то, что выполняетъ свою цѣль или даже только обладаетъ вполне достаточными средствами для выполнения своего назначенія. Крестьянская телѣга можетъ быть слишкомъ далека отъ полнаго совершенства; но если она устроена такъ, что на ней можно возить дрова, ѣздить и т. п., если она вообще удовлетворяетъ своему назначенію, каждый назоветъ ее устроенною цѣлесообразно. Поэтому профессоръ *В. Д. Гудрявцевъ* справедливо утверждаетъ (соч. т. III; вып. 3. стр. 55), что „еслибы эти понятія: идеальнаго совершенства и дѣйствительной цѣлесообразности всегда были точно различаемы, то многія возраженія противъ послѣдней сами собою уничтожились бы“.

Всѣ возраженія, направляемыя противъ ученія о цѣлесообразномъ устройствѣ міра, по признанію самыхъ виновниковъ своихъ, какъ мы видѣли, вытекаютъ, собственно говоря, изъ „чудобоязни“ и потому направляются одновременно и противъ ученія Божественнаго Откровенія. И дѣйствительно, Божественное откровеніе учитъ, что міръ созданъ и устроенъ премудрымъ и всемогущимъ Творцомъ цѣлесообразно; но оно далеко отъ того, чтобы приписывать ему совершенство. Къ сожалѣнію, Геккель не единственный мыслитель, смѣшивающій цѣлесообразность съ совершенствомъ; а между тѣмъ большинство возраженій противъ цѣлесообразности вытекаетъ именно изъ такого смѣшенія различныхъ понятій. Такъ, напр., *Геккель* указываетъ на индивидуумы искривленныхъ, недоношенныхъ, чахоточныхъ, искалѣченныхъ и т. п. Ясно, что онъ предполагаетъ въ природѣ какое-то *всемогущество*, чтобы она могла дѣйствовать цѣлесообразно; онъ хочетъ, чтобы она была *совершенною* во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Правда, природа борется со всѣми препятствіями, которыя она встрѣчаетъ на своемъ пути. Незлокачественныя раны и порѣзы часто излѣчиваются одною цѣлительною силою организма или, какъ говоритъ иногда, „излѣчиваются сами собою“; нѣкоторые яды вызываютъ рвоту, которою природа стремится парализовать ихъ разрушительное дѣйствіе. Но при всемъ томъ природа не всемогуща и никогда таковою не можетъ быть; вслѣдствіе этого ей часто могутъ встрѣчаться препятствія *непреодолимая*,

которыя и производятъ дѣйствія, повидимому, не цѣлесообразныя въ общепринятомъ смыслѣ. Сильный ушибъ можетъ быть причиною преждевременныхъ родовъ или выкидыша, на который *Геккель* указываетъ какъ на явленіе не цѣлесообразное; но если бы этого ушиба не случилось, выкидыша, конечно, не было бы. То же самое нужно сказать объ индивидуумахъ чакоточныхъ, искалѣченныхъ, изуродованныхъ; причина такихъ явленій также находится не въ самой природѣ, а внѣ ея.

Отожествляя цѣлесообразность съ совершенствомъ, *Геккель* отнесъ къ нецѣлесообразнымъ явленіямъ и все то, что причиняетъ зло человѣку. Но этихъ понятій также нельзя смѣшивать. Цѣлесообразность природы свидѣтельствуетъ о премудрости Творца; явленія добрыя—о благодати Его. Какъ явилось въ мірѣ зло,—это—вопросъ иной; но и злыя явленія могутъ быть цѣлесообразными въ томъ смыслѣ, что и они вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Ружье, которымъ причиняютъ смерть или калѣчатъ человѣка, можетъ быть устроено вполнѣ цѣлесообразно; ядъ причиняетъ то именно дѣйствіе, которое *по своему назначенію* онъ и долженъ причинять.

Геккель называетъ нецѣлесообразными всѣ такъ называемыя рудиментарныя или только „зачаточныя“ явленія. 33 года тому назадъ въ своей „Генеральной морфологіи организмовъ“ онъ съ большею энергіею, чѣмъ здѣсь, напалъ на ученіе о цѣлесообразности природы и гораздо больше указывалъ возраженій противъ него. Тогдашняя критика отмѣтила всѣ его недостатки и увлеченія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Геккелевскихъ нападокъ на ученіе о цѣлесообразности устройства организмовъ *Г. Г. А. Эбрардъ* писалъ тогда свое сочиненіе „Апологетика. Научное оправданіе христіанства“. Вотъ почему въ этомъ сочиненіи мы находимъ довольно полный, основательный, хотя иногда и раздражительный, разборъ дистелеологіи *Геккеля*. Приводимъ нѣкоторыя изъ его замѣчаній. „Телеологическій характеръ организаціи растительнаго и животнаго царства, говоритъ *Эбрардъ*, такъ очевиденъ, что только идиотизмъ можетъ не видѣть его. И однако жъ извѣстная школа съ демонскою раздражительностію настаиваетъ на упорномъ отрицаніи телеологіи въ природѣ. Важнѣйшее въ этомъ отно-

шеніи высказалъ *Геккель*. Геккель указываетъ у различныхъ животныхъ на нѣкоторые, большею частію только „зачаточные“ (*rudimentäre*), органы, которые будто бы „не имѣютъ никакой цѣли“, напр., грудные сосцы у мужчины, неразвитые признаки голенныхъ костей у змѣй. Заключенія, которыя онъ выводитъ изъ этихъ такъ называемыхъ „зачаточныхъ“ органовъ для теоріи „перерожденія видовъ“ еще нисколько не относятся сюда; здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ вопросомъ о телеологіи, а въ отношеніи къ ней онъ выводитъ великолѣпное заключеніе, что такъ какъ въ отдѣльныхъ организмахъ встрѣчаются нѣкоторые органы, никакой практической цѣли которыхъ указать нельзя, то значить вовсе нѣтъ цѣлесообразности въ природѣ. Кто видитъ лежащую на столѣ переплетенную книгу, у того, можетъ быть, явится неразумная мысль, что эта книга составлена, напечатана и переплетена для какой нибудь цѣли. Совсѣмъ нѣтъ. Пусть онъ только внимательно разсмотритъ книгу, тогда онъ найдетъ, что на корешкѣ ея, подъ золотымъ титуломъ, есть еще маленькая золотая черточка или другая какая нибудь фигурка. Титуль на корешкѣ имѣетъ практическую цѣль (именно ту, чтобы въ библіотекѣ можно было точно видѣть, какая это книга, не вынимая и не разгибая ея); напротивъ того, безтолковое украшеніе не имѣетъ никакой практической цѣли: его могло бы вовсе и не быть, безъ всякаго вреда для книги. Слѣдовательно, вся книга не имѣетъ никакой цѣли. Вотъ логика *Геккеля*! Чтобы узнать телеологична ли, т. е., цѣлесообразна ли какая либо вещь, организмъ, совокупность вещей или царство организмовъ, необходимо, во-первыхъ, логическимъ образомъ спросить: служитъ ли она въ своемъ цѣломъ составѣ *цѣли* и *какой* именно,—а затѣмъ, во-вторыхъ, существуютъ-ли въ ней надлежащія *средства* для достиженія этой цѣли? Если существуютъ всѣ необходимыя средства, то, значить, предметъ созданъ *цѣлесообразно* или *соответственно цѣли*. Рядомъ съ этими средствами всегда могутъ еще существовать такія составныя части предмета, которыя не служатъ средствами для этой цѣли, не непосредственно практичны, но только принадлежатъ къ существу вещи (имѣютъ только причины, а не цѣли), или

такія, которыя служатъ только украшеніемъ и убранствомъ (служать эстетическимъ цѣлямъ). Напротивъ того, *Геккель* прежде всего спрашиваетъ о средствахъ, вмѣсто того, чтобы сначала какъ нибудъ узнать *цѣль цѣлаго*. Онъ вовсе не вышаается до мысли о единой (общей всему организму) цѣли, при каждой отдѣльной части спрашиваетъ: „есть ли она средство для какой *нибудъ* частной цѣли“, „къ чему это пригодно?“ Совершенно такъ, какъ ничего не понимающій мальчикъ, входя въ мастерскую токаря и поднимая упавшій отрубокъ рога, спрашиваетъ: „къ чему это, для чего это нужно?“ Изъ того, что нельзя указать практической цѣли какой нибудъ отдѣльной части нельзя еще заключать о нецѣлесообразности цѣлаго. Это тѣмъ болѣе странно, что *самъ же Геккель* видитъ себя вынужденнымъ сознаться, что въ органической природѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣйствительно господствуетъ цѣлесообразность, для чего онъ даже самъ случайно приводитъ (s 209 и д.) въ примѣръ оплодотвореніе нѣкоторыхъ цвѣтовъ при содѣйствіи насѣкомыхъ, въ которомъ одномъ заключаются, можно сказать, два примѣра“.

Въ частности *Геккель*, какъ мы видѣли, указываетъ на нѣкоторыхъ животныхъ, которыя живутъ въ темнотѣ и не могутъ видѣть, потому что глаза ихъ попорчены. Это такъ называемыя anophthalma „безглазныя. Имѣя въ виду настоящее возраженіе *Геккеля*, *Эбрардъ* совершенно справедливо говоритъ, что существованіе глазъ здѣсь не нецѣлесообразно само по себѣ, но только *сдѣлалось* нецѣлесообразнымъ вслѣдствіе избраннаго этими животными образа жизни. Тоже самое нужно, конечно, сказать и о птицахъ имѣющихъ крылья, но не летающихъ. И здѣсь за „дистеологию“ винить нужно не природу, а птицъ, остановившихся на такомъ образѣ жизни, который не требуетъ летанія ихъ.

Геккель называетъ нецѣлесообразными грудныя желѣзы и сосцы у мушинъ. Въ оправданіе этого возраженія *Эбрардъ* замѣчаетъ, что хотя кормленіе грудью обыкновенно принадлежитъ женскому полу, однакожъ, какъ признаетъ и самъ *Дарвинъ*, извѣстны случаи, когда и въ мужскихъ грудныхъ желѣзахъ отдѣлялось молоко. По этому поводу онъ рассказываетъ

(стр. 348), между прочимъ, слѣдующее. Во время гоненій гугенотовъ въ 16-мъ столѣтїи одинъ мужчина, котораго жена была убита, убѣжалъ съ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ на дикую гору и желая сохранить жизнь младенца, и дѣйствительно развилъ у себя молоко и могъ питать его грудью, такъ что здѣсь остающаяся обыкновенно неразвитою въ усыпленїи способность оказалась не нецѣлесообразною. Случай этотъ весьма характеристиченъ, но онъ настолько необычайный, что всю отвѣтственность за него мы оставляемъ за Эбрардомъ.

Геккель поступаетъ ненаучно и въ томъ отношенїи, что онъ судить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности частей организма только въ виду потребностей *настоящаго* момента. Такъ какъ онъ приписываетъ безусловно истинное значеніе теорїи эволюціонизма, то каждое явленіе природы для него должно быть мыслимо только въ его *развитїи*, измѣненїи. Съ этой точки зрѣнїя слѣдуетъ судить и о цѣлесообразности или нецѣлесообразности частей организма. Въ *утробной* жизни глаза ребенка не соотвѣтствуютъ никакой практической цѣли, т. е., нецѣлесообразны, но онѣ предназначены для послѣдующей жизни; и потому должны быть признаны *цѣлесообразными* для будущаго; съ другой стороны пуповина, напр., имѣла весьма важное значеніе для *утробной* жизни дитяти; у чело-вѣка же взрослога она можетъ быть признана не нужною.

Впрочемъ, нужно вообще сказать, что если *Геккель*—дарвинистъ, то для него, какъ и для самаго *Дарвина*, отрицаніе цѣлесообразности въ природѣ есть какое-то непонятное самоприворѣчіе. По возрѣнїю дарвинистовъ, міръ и въ частности организмы должны быть признаны устроенными цѣлесообразно. Различіе между мыслителями, вѣрующими въ бытіе личнаго живого Бога, какъ Творца міра, и дарвинистами должно бы быть не въ ученїи о *фактѣ* цѣлесообразности, а въ указанїи лишь на то, какъ и чѣмъ объяснить существующую цѣлесообразность или „*приспособленность организмовъ*„ (по выраженїю *Дарвина*). Дарвинисты не хотятъ признать лишь разумнаго участїя Творца въ цѣлесообразномъ устроенїи природы и стараются замѣнить Его принципомъ случайности, слѣпо, но *удачно* (т. е. цѣлесообразно) дѣйствующимъ подбо-

ромъ. „Естественный подборъ, говоритъ *Дарвинъ*, никогда не производитъ въ существѣ чего либо его самаго вреднаго, потому что естественный подборъ дѣйствуетъ единственно для блага каждаго изъ нихъ“¹⁾. И *Дарвинъ* болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, уясняетъ намъ значеніе (цѣль) каждой части организма и каждаго явленія, и, быть можетъ, самъ не желая того, показываетъ *разумность* міровой жизни. Поэтому извѣстный фізіологъ *Келликеръ* былъ правъ, говоря: касательно *основныхъ убѣжденій* Дарвина должно сказать, что онъ *телеологъ* въ полномъ смыслѣ этого слова; онъ говоритъ совершенно рѣшительно, что всѣ мелочи въ организмѣ животнаго сотворены для его пользы; все животное царство онъ подводитъ подъ этотъ взглядъ“. *В. Д. Кудрявцевъ* въ своемъ разсужденіи „Телеологическая идея и матеріализмъ“ приводитъ изъ сочиненій *Дарвина* нѣсколько весьма характеристическихъ мѣстъ, ясно доказывающихъ, что только по одному недоразумѣнію ученіе *Дарвина* можно считать враждебнымъ телеологическому воззрѣнію на природу. Но еще больше фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, приведено въ сочиненіе *Данилевскаго* „Дарвинизмъ“ (срв. напр. стр. 216. и слѣд.). Въ „заключеніи“ же нашъ ученый противникъ *Дарвина* прекрасно разъясняетъ ту мысль, что дарвинизмъ не отрицаетъ телеологию, а лишь проповѣдуетъ псевдотелеологию.

Наконецъ, *Геттель* вовсе не достигаетъ той цѣли, къ которой онъ стремится. Допустимъ даже, что указанная имъ явленія нецѣлесообразны. Что же изъ этого слѣдуетъ? Какой выводъ можно сдѣлать изъ его посылокъ? Тотъ, что среди безчисленнаго количества организмовъ цѣлесообразно устроенныхъ есть нѣкоторые нецѣлесообразные, какъ исключенія изъ этого правила. Но отсюда, очевидно, еще слишкомъ далеко до того, чтобы отрицать цѣлесообразность въ природѣ вообще.

Признать цѣлесообразность *въ устройствѣ природы* атеистическіе мыслители не могутъ единственно потому, что тогда они должны были бы признать и бытіе Бога, какъ *Творца міра*, „все премудростію сотворившаго“. По этой же причинѣ они стараются отвергать цѣлесообразность *и въ жизни* природы,

¹⁾ Происхожденіе видовъ, II, стр. 179.

особенно же въ жизни людей, въ исторіи, иначе имъ пришлось бы признать дѣйствіе *Божественнаго промысленія* о мірѣ и человѣкѣ. По этой проторенной дорогѣ идетъ, конечно, и *Геккель*—отъ отрицанія цѣлесообразности въ природѣ онъ переходитъ къ отрицанію „нравственнаго міропорядка“ и Божественнаго Промысла.

„Въ философіи исторіи, въ общихъ воззрѣніяхъ, устанавливаемыхъ историками на судьбы народовъ и на исчезнувшій ходъ государственнаго развитія, говоритъ *Геккель*, еще и теперь господствуетъ признаніе „нравственнаго міропорядка“. Въ пестрой смѣнѣ народныхъ судебъ историки ищутъ руководящую цѣль, идеальное намѣреніе, которое избрало ту или другую рассу, то или другое государство для особеннаго преуспѣянія и предназначило къ господству надъ другими. Это телеологическое пониманіе исторіи снова вступило въ принципиальное противорѣчіе съ нашимъ монистическимъ міровоззрѣніемъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ несомнѣннѣе это послѣднее доказало свои права во всей области неорганической природы. Въ астрономіи и геологіи, въ обширной области физики и химіи нынѣ уже никто болѣе не говоритъ ни о нравственномъ міропорядкѣ, ни о личномъ Богѣ, „рука Котораго премудростію и разумомъ устроила всѣ вещи“. Но то же самое нужно сказать и о всей области біологіи, и всемъ строѣ и исторіи органической природы. *Дарвинъ* въ своей теоріи селекціи не только показалъ намъ, какъ механически, безъ преднамѣренной цѣли, произошли всѣ *цѣлесообразныя* устройства въ жизни и въ тѣлесномъ строеніи животныхъ и растеній, но въ своей „борьбѣ за существованіе“ онъ далъ намъ возможность познать ту великую силу природы, которая непрерывно господствуетъ и управляетъ всѣмъ ходомъ развитія органическаго міра въ теченіи многихъ милліоновъ лѣтъ“. Противъ ученія о Божественномъ Промысленіи, по мнѣнію *Геккеля*, особенно ясно говорятъ будтобы науки—геологія и исторія. Результатъ первой науки таковъ: „Тысячи хорошихъ, прелестныхъ, достойныхъ удивленія видовъ животнаго и растительнаго царства въ теченіи 48 милліоновъ лѣтъ (какая точность!) погибли, потому что они должны были уступить свое мѣсто другимъ,

болѣе сильнымъ; но эти побѣдители въ борьбѣ за существованіе не всегда были болѣе благородными и болѣе совершенными въ моральномъ смыслѣ формами“. „То же, говоритъ Геккель, нужно сказать и объ *исторіи народовъ*. Достоянная удивленія культура классической древности погибла, потому что разрушительному духу людей христіанство внушило тогда новый сильный порывъ чрезъ вѣру въ любящаго Бога и чрезъ надежду на лучшую загробную жизнь. Хотя панство скоро превратилось въ нозорную каррикатуру чистаго христіанства и безпощадно попрадо тѣ сокровища познанія, которыя приобрѣла уже эллинская философія; но оно достигло мірового господства чрезъ невѣжество слѣпо-вѣрующихъ *массъ*. Только реформація разорвала цѣпи этого духовнаго рабства и снова возвратила претензіямъ разума его права. Но въ этомъ новомъ, какъ и въ томъ прежнемъ періодахъ культурной исторіи, великая борьба за существованіе колеблется туда и сюда, безъ всякаго моральнаго порядка“. Это обстоятельство приводитъ Геккеля къ заключенію, что при безпристрастномъ и критическомъ поведеніи, нельзя доказать „моральнаго міропорядка“ въ ходѣ исторіи народовъ, точно такъ же, какъ нельзя признать „мудраго промышленія“ и въ судьбѣхъ отдѣльныхъ людей. Какъ судьба отдѣльныхъ людей, такъ и исторія народовъ опредѣляются, по словамъ Геккеля, съ необходимостію механическою причинностію, которая производитъ каждое явленіе изъ одной или многихъ предшествующихъ причинъ. „Уже древніе эллины, говоритъ Геккель, высшимъ міровымъ принципомъ признавали *Апанке*, слѣпую судьбу, *фатумъ*, которая „господствуетъ надъ богами и людьми“. Въ христіанствѣ ея мѣсто заступило сознательное провидѣніе, которое является уже не слѣпымъ, но видящимъ, и которое управляетъ міромъ какъ патріархальный повелитель“. Геккель становится, конечно, на сторону языческихъ эллиновъ, объявляя, что міръ управляется не Провидѣніемъ съ его цѣлями и намѣреніями, а *закономъ причинности* въ связи съ *закономъ субстанціи*. Признать Божественное Промышленіе Геккелю не дозволяетъ будто бы существующее въ мірѣ зло и тѣ скорби и бѣдствія, которыя испытываетъ человѣчество,—тысячи человѣческихъ жертвъ отъ по-

стоянныхъ кораблекрушеній, желѣзнодорожныхъ несчастій, фабричныхъ катастрофъ, ежегодныхъ войнъ, разбоевъ и т. п.

Можетъ ли существующее въ мірѣ зло служить препятствіемъ къ вѣрѣ въ Божественное Промышленіе о мірѣ и человѣкѣ, объ этомъ мы изложили подробно и ученіе Божественнаго Откровенія, и ученіе святоотеческое и свое собственное мнѣніе въ особомъ сочиненіи—„Зло, его сущность и происхожденіе“; а потому считаемъ излишнимъ здѣсь снова предлагать разрѣшеніе этого вопроса. Кромѣ того желающіе могутъ найти для себя полное удовлетвореніе въ серьезномъ трудѣ *В. А. Никольскаго*—„Вѣра въ Промыслъ Божій и ея основанія. Казань 1896“,—гдѣ, рядомъ съ изложеніемъ Богооткровеннаго ученія о Промыслѣ и основаній вѣры въ него—философскихъ, религіозныхъ и психологическихъ, предложены ясныя доказательства проявленія Божественнаго Промышленія въ природѣ, исторіи и жизни отдѣльныхъ личностей.

Мы не можемъ не коснуться здѣсь только одного вопроса: справедливо ли думать, что жизнь міра и человѣка управляется не Промысломъ Божиимъ, а неизмѣнными законами природы? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, намъ необходимо сначала уяснить себѣ,—что вообще слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *законовъ природы*? *Геккель* очень часто употребляетъ это слово въ своей книгѣ, но нигдѣ не указываетъ намъ на то, что онъ подъ нимъ разумѣетъ и что вообще нужно разумѣть подъ нимъ. Въ сочиненіяхъ другихъ естествоиспытателей какъ дарвинистовъ, такъ и не-дарвинистовъ, мы также не встрѣчаемъ вполне согласнаго отвѣта на вопросъ: что такое *законъ природы*? Одни отождествляютъ законъ природы съ опредѣленнымъ, постояннымъ, неизмѣннымъ образомъ или способомъ дѣйствія той или другой силы природы; другіе смотрятъ на него какъ на опредѣленную *причину* извѣстныхъ дѣйствій; третьи смѣшиваютъ его просто съ общимъ *свойствомъ* физическихъ силъ; четвертые (не различаютъ закона природы отъ того, что называется *нормою* или *правиломъ*, какъ совершаются извѣстныя явленія, напр., теченіе планетъ и направленіе вѣтровъ). Чѣмъ объяснить это отсутствіе у материалистическихъ мыслителей даже точнаго опредѣленія *законовъ при-*

роды?—Единственно тѣмъ, что это терминъ *метафорическій*, въ основаніи котораго лежитъ *аналогія*. Отъ обязательности поступковъ людей мы заключаемъ къ обязательности и явленій природы.

Законъ, данный людямъ отънѣ, какъ заповѣдь или требованіе, повелѣваетъ людямъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ *одинаковымъ образомъ*; поэтому, когда мы видимъ рядъ дѣйствій и внѣ насъ, во внѣшней природѣ, происходящихъ *одинаковымъ образомъ*, то по аналогіи съ нашими дѣйствіями мы заключаемъ и объ нихъ, что они подлежатъ какому то одному закону и называемъ его тѣмъ словомъ, какое намъ пришло на умъ. Мы увидѣли напр., что извѣстное число предметовъ, брошенныхъ вверхъ, упало на землю; объяснить этого явленія мы иначе не можемъ, какъ *по аналогіи* съ нашими собственными дѣйствіями, и потому говоримъ: „брошенные предметы упали на землю, *повинуясь* или *подчиняясь* закону тяготѣнія“. Такимъ образомъ, словомъ „законъ“ мы называемъ лишь общность явленій извѣстнаго порядка, т. е., законъ природы есть только абстракція, отвлеченіе съ мистическимъ непонятнымъ смысломъ. Все, что по нашему мнѣнію, служитъ послѣднимъ основаніемъ явленій и чего мы объяснить не можемъ, мы обыкновенно называемъ „закономъ“, для того чтобы, такъ сказать, только отвязаться отъ дальнѣйшихъ навязчивыхъ вопросовъ. „Слово *законъ природы*, такъ же какъ и слово *развитіе*, говоритъ *Данилевскій* ¹⁾, многихъ вводитъ въ большія заблужденія. Точно такъ, какъ, подведя явленіе подъ *развитіе*, думаютъ, что получили его объясненіе, точно также думаютъ, что сдѣлали это, когда говорятъ, что подвели его подъ законъ“. Законы природы суть не что иное, какъ факты или явленія различной степени общности; но именно это то общее въ нихъ и требуетъ объясненія, и, конечно, само себя объяснить не можетъ. То именно, что факты не остаются въ своей единичности, въ своей отдѣльности, а сводятся во все болѣе и болѣе общія категоріи фактовъ и явленій, это, и только это, собственно и требуетъ себѣ объясненія“ ²⁾. *Геккель* отвергъ

¹⁾ Дарвинизмъ, т. I ч. II Слб. 1885. Стр. 516.

²⁾ Тамъ-же стр. 519.—520.

бытіе Божіе; не могъ онъ поэтому не отвергнуть и Божественнаго Промышленія о мірѣ. Чѣмъ же послѣ этого можно объяснить себѣ тотъ стройный порядокъ, въ которомъ происходятъ міровыя явленія? Отъ кого или отъ чего онъ зависитъ? Кто установилъ это однообразіе явленій или такъ называемые „законы природы“? Кто держитъ ихъ въ одной общей системѣ и т. п.? *Геккель* въ отвѣтъ на это указываетъ на свою „универсальную субстанцію“. Но что это за субстанція, которая должна замѣнить собою живого, премудраго и всемогущаго Бога? На этотъ вопросъ *Геккель* отказывается отвѣчать, потому что „универсальная субстанція, по его словамъ ¹⁾, есть единственная неразрѣшимая „міровая загадка“. Но разумно ли отвергать бытіе Бога для того, чтобы въ замѣнъ его предложить нѣчто такое, что самъ *Геккель* считаетъ „неразрѣшимой загадкой“ и реальность бытія котораго доказать нельзя?—Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *Геккель* и тотъ, кому угодно будетъ, по какимъ либо стороннимъ побужденіямъ, идти по его стопамъ.

Разборъ книги *Геккеля* „Die Welträthsel“ мы окончили. Остается подвести итогъ. Такой итогъ оказывается необходимымъ уже потому, что, помимо нашего жалаанія, разборъ нашъ значительно затянулся. Мы шли за *Геккелемъ* шагъ за шагомъ, и охотно пріймемъ упрекъ за то, что многимъ положеніямъ *Геккеля* удѣляли вниманія, быть можетъ, болѣе, чѣмъ сколько они заслуживали; но упрекнуть насъ за неполноту или неточность изложенія геккелевскаго міровоззрѣнія никто не въ правѣ. Теперь мы сдѣлаемъ еще лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Свое міровоззрѣніе *Геккель* называлъ монизмомъ ²⁾. Название это, на ряду съ *геккелизмомъ*, оставлено за нимъ почти всѣми западно-европейскими писателями. Но есть ли для этого какое либо разумное и достаточное основаніе? *Монизмомъ* (отъ $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ = одинъ) можетъ быть называемо всякое философское міровоззрѣніе, стремящееся объяснить всѣ многообразныя явленія міровой жизни изъ одного общаго универсальнаго начала. Въ

¹⁾ Стр. 18.

²⁾ Стр. 18.

этомъ смыслѣ монизмомъ можно называть философскія міровоззрѣнія древнихъ элеатовъ, буддистовъ, Гоббеса, Джордано Бруно, Спинозы, Фихте Старшаго, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и матеріалистовъ—Фогта, Бюхнера и Молешотта, ибо какъ у пантеистовъ, такъ и у матеріалистовъ міръ представляется раскрытіемъ единого универсальнаго начала. Міровоззрѣніе *Геккеля*, какъ мы видѣли, по своему общему характеру, ничѣмъ въ сущности не отличается отъ новѣйшаго германскаго матеріализма. Правда, у матеріалистовъ абсолютнымъ началомъ признается только матерія, а у *Геккеля* матерія есть лишь атрибутъ абсолютнаго начала или универсальной субстанции. Но если принять во вниманіе, что *Геккель* отождествляетъ психическія явленія съ матеріальными, то ясно, что универсальнымъ началомъ онъ признаетъ лишь матерію, а субстанція остается у него пустымъ словомъ, безъ смысла, безъ соотвѣтствующаго ему реальнаго объекта. Самъ *Геккель* хотѣлъ бы поставить себя подъ покровительство *Спинозы*, отождествляя съ его ученіемъ свое міровоззрѣніе. Но, какъ мы видѣли, онъ не имѣетъ на это никакого права уже потому, что психическимъ явленіямъ онъ отказалъ въ самостоятельномъ значеніи. Какъ бы то ни было, но *Геккель* не имѣлъ никакого права *только свое міровоззрѣніе* называть *монизмомъ*. Монистическимъ оно можетъ быть признаваемо лишь въ общемъ смыслѣ, какъ и всякое другое—пантеистическое или матеріалистическое міровоззрѣніе. Больше основаній могъ имѣть *Геккель* назвать свое ученіе *гиллозоизмомъ*, т. е., міровоззрѣніемъ, обоготворяющимъ вещество или, по крайней мѣрѣ, поставляющимъ матерію на мѣсто Бога и приписывающимъ ей божескія свойства.

Сущность міровоззрѣнія *Геккеля* состоитъ въ слѣдующемъ: имъ отрицается бытіе Божіе и Промыслъ, весь духовный міръ, бытіе души, какъ особаго нематеріальнаго существа, самостоятельность психическихъ явленій, личное безсмертіе человѣка, свобода воли, различіе между добромъ и зломъ, отвѣтственность за грѣхъ и вообще за поведеніе человѣка; въ основаніи всей міровой жизни, по ученію *Геккеля*, лежитъ какая то универсальная субстанція съ ея вѣчными атрибутами—матеріей

и энергією; міръ существуетъ отъ вѣчности; организмы произошли изъ неорганической природы посредствомъ произвольнаго самозарожденія, вслѣдствіе чего не признается существеннаго различія между неорганическою природою и организмами; болѣе сложные организмы произошли будто бы изъ низшихъ и простыхъ по рецепту *Дарвина*; человѣкъ произошелъ отъ обезьяны и ничѣмъ—ни мышленіемъ, ни даромъ слова отъ нея не отличается; его религія есть дѣло намѣреннаго или ненамѣреннаго обмана, а худшая и для человѣчества вреднѣйшая изъ всѣхъ религій—христіанство; міръ существуетъ и будетъ существовать вѣчно, но самъ *Геккель* не знаетъ,—за чѣмъ и для кого; онъ есть слѣпое, безотчетное, безпричинное и безцѣльное (нецѣлесообразное) дѣло слѣпой и неразумной субстанціи, а его жизнь, поистинѣ, какая-то „пустая и глупая шутка“.

Какъ мы сказали въ свое время, все вообще міровоззрѣніе *Геккеля*, по содержанію своему, не представляетъ ничего новаго и ничего оригинальнаго; *Геккелю* принадлежитъ только изложеніе чужихъ мыслей и чужихъ выводовъ: слово *субстанція* имъ взято для чего-то у Спинозы, а въ остальномъ его ученіе представляетъ пеструю смѣсь грубаго матеріализма, дарвинизма и эволюціонизма; факты и выводы естествознанія, которыми *Геккель* хотѣлъ бы подкрѣпить матеріалистическія и дарвинистическія положенія, также заимствованы имъ у различныхъ ученыхъ.

Характеристическими особенностями, принадлежащими собственно *Геккелю*, нужно признать: эксцентричность, неспособность къ строго логическому и послѣдовательному мышленію, невѣжество относительно многихъ областей знанія, которыя онъ однако же подвергаетъ своему сужденію, легкомысліе и упорство въ защищеніи явно несостоятельныхъ теорій.

Простое предположеніе, высказанное случайно тѣмъ или другимъ ученымъ, *Геккель* сразу объявляетъ за непреложную истину, или „законъ“, если только оно хотя повидимому давало какую либо опору его атеистическому настроенію, а онъ съ непонятнымъ упорствомъ всегда отстаивалъ его несмотря на всѣ возраженія и даже на явную его нелѣпость. Если же

такой истины онъ не могъ позаимствовать у другихъ, онъ обыкновенно восполняетъ ее своими собственными *открытіями*. И трудно перечислить всѣ тѣ *открытія*, которыя удалось совершить Геккелю. Жаль только, что всѣ они оказались пустыми вымыслами его праздной и эксцентричной фантазіи! Такъ, напр., онъ *открылъ*, *Bathybius Haeckelii*, простѣйшее самозародившееся органическое существо (глубокоживку) и далъ ему свое имя; а *Кляусъ*, *Земперъ* и другіе представители научной зоологіи доказали ему, что эта „глубокоживка“ даже и не органическое существо, а только химическій осадокъ, произведенный въ морской водѣ дѣйствіемъ алкоголя! Геккель *открылъ* амфиокса (*Amphioxus*), червяка, и доказывалъ, что этотъ червякъ именно есть родоначальникъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ; а лейпцигскій ученый *Гисъ*, *Земперъ* и др. разъяснили ему, что безпозвоночнаго животного нельзя называть родоначальникомъ животныхъ позвоночныхъ. Чтобы дать научную постановку гипотезѣ произвольнаго самозарожденія организмовъ, *Геккель изобрѣлъ* углеродную теорію (*Kohlenstofftheorie*),—а ея безсодержательность и фантастичность стали обнаруживать сами же дарвинисты во главѣ съ іенскимъ ученымъ *Прейеромъ*! Онъ на научныхъ началахъ разработалъ „естественную исторію творенія“; а „престарѣлый“, „выжившій изъ ума“ „знаменитый ученый“ *Дю-буа-Реймонъ* обозвалъ его трудъ „пустымъ и фантастическимъ романомъ“! *Геккель* нашель, что въ одномъ гранѣ головного мозга помѣщается 205,542 слѣда памяти или впечатлѣній; онъ указалъ въ томъ же мозгу 1.200,000,000 гангліозныхъ ячеекъ, въ которыхъ можетъ ризвиваться 50—200,000 представленій,—а надъ этими *открытіями* его стали смѣяться даже фізіологи—дарвинисты! Ясно, что въ области научныхъ открытій *Геккелю* положительно не везло. Мало того нужно прибавить еще, что эти именно *открытія* Геккеля и поспѣшныя его обобщенія простыхъ предположеній въ непреложные законы (какъ, напр., „великій законъ Гексли“ относительно антропоидныхъ обезьянъ и ихъ различія отъ низшихъ животныхъ—ихъ предковъ) создали ему многихъ враговъ даже среди дарвинистовъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ скорѣе поддержки, чѣмъ возраженій. Такими врагами его, вышедшими

изъ школы *Дарвина* и до сихъ поръ остающимися въ числѣ умѣренныхъ дарвинистовъ, между прочими, оказались: зоологи—*Рютимейеръ*, *Дорнъ* и *Гётте*, физиологи—*Кельликеръ* и *В. Генке*, ботаники—*Аскенази* и *Браунъ*,—далѣе зоологи и анатомы, рѣшительно высказавшіеся противъ ученія *Геккеля*,—*Шаафгаузенъ*, *Алѣкс. Папенстехеръ*, *Авг. Вейсманъ*, *Пауль Крамеръ* и др. Да что много говорить? Даже самъ *Карлъ Фогтъ* возсталъ противъ *Геккеля* (въ 1875 году) и смѣялся надъ его родословною животныхъ, находя ее столь же вѣроятною, какъ родословныя средневѣковыхъ рыцарей, производившихъ свой родъ отъ Троянскихъ героев. Бывали даже и такіе случаи, когда на *Геккеля* нападали тѣ ученые, на которыхъ онъ опирался въ своихъ метафизическихъ выводахъ. Такъ, напр., на него былъ крайне недоволенъ *Робертъ Майеръ* за то, что изъ его открытія закона о сохраненіи силы онъ сдѣлалъ такія метафизическія заключенія, для которыхъ открытіе *Майера* не представляло никакихъ основаній и противъ которыхъ *Майеръ* вынужденъ былъ энергически протестовать въ печати.

Послѣ сказаннаго ясно, отчего міровоззрѣніе *Геккеля*, какъ философская система, не пользуется никакимъ уваженіемъ среди западно-европейскихъ *серьезныхъ* мыслителей. Какъ мы видѣли, самъ *Геккель* неоднократно жалуется на невниманіе къ нему и его трудамъ со стороны *серьезныхъ* ученыхъ. По его словамъ, его книги расходились только при условіи простаго популярнаго изложенія и притомъ—лишь среди диллетантовъ и обыкновенной „читающей публики“. Среди этой публики *Геккель*, дѣйствительно, чрезвычайно популяренъ; его сочиненія, часто трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ, здѣсь расходятся быстро, во множествѣ экземпляровъ, и выдерживаютъ нѣсколько изданій въ одинъ годъ. Чѣмъ же объяснить эту популярность *Геккеля* среди простыхъ читателей, необладающихъ серьезною ученостію и даже не любящихъ ее? Это обстоятельство объясняется легко: 1) *Геккель* пишетъ свои сочиненія языкомъ простымъ, яснымъ, почти разговорнымъ,—и потому его изложеніе всегда является общедоступнымъ и популярнымъ; а 2)—это главное: всѣ его сочиненія отличаются крайне атеистическимъ направленіемъ, непримиримою враждеб-

ностію къ христіанству и явными симпатіями къ соціалистическимъ и даже анархическимъ ученіямъ нашего времени. Вполнѣ согласно съ нами объясняетъ и *Цеклеръ* ¹⁾ тѣ причины, которыми возбуждается интересъ толпы къ ученію *Геккеля*. „Понятіе и имя Творца, говоритъ онъ, должны совершенно исчезнуть! Настоящій триумфъ этой новѣйшей мудрости, то, что главнымъ образомъ сообщаетъ ей ея прелесть въ глазахъ толпы, что было причиною ея быстрого распространенія особенно во всѣхъ политически-радикальныхъ и враждебныхъ религіи кружкахъ, у либераловъ, прогрессистовъ, какъ и соціалистовъ и что все еще и теперь содѣйствуетъ ея популярности, есть великое искусство устраненія Творца и теологіи... Массамъ она нравится только потому, что научаетъ „покончить съ загадкою органической жизни безъ участія личнаго Творца“. Такъ же объясняютъ успѣхъ дарвинизма и геккелизма и многіе другіе нѣмецкіе ученые, напр., *Фр. Михелсъ*, *Шмидтъ*, *Бэръ* и *Робертъ Майеръ*, который, между прочимъ, выразился такъ: „это ученіе имѣетъ въ Германіи такъ много приверженцевъ, безъ сомнѣнія, только потому, что изъ него можно пріобрѣсти цѣлый капиталъ для атеизма“ ²⁾. Между тѣмъ нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ много въ наше время людей невѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, атеистически настроенныхъ. Ихъ совѣсть смущена; религіозныя вѣрованія распатаны и поколеблены. И они ищутъ оправданія своей мятущейся совѣсти въ каждой книжонкѣ, которая обѣщаетъ и безбожнику уяснить смыслъ жизни и которая предлагаетъ ему хотя *нѣчто* взамѣнъ утраченной вѣры въ бытіе личнаго, живаго Бога. За такую-то книжку легкомысленная и поправшая христіанскую религію толпа хватается, какъ утопающій за соломинку. *Геккель* знаетъ эту потребность толпы и идетъ къ ней на встрѣчу со своею атеистическою философіею, предлагая ей вмѣсто хлѣба—камень, вмѣсто рыбы—змѣю...

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Протъ Т. Буткевичъ*.

¹⁾ Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft. 2-te Abth. 1879. Сmp. 66 8.

²⁾ Ibid. Стр. 814. Примѣч.

Истинная наука и ложныя притязанія современной учености.

I.

Одною изъ отличительныхъ особенностей нашего просвѣщеннаго вѣка нельзя не признать все больше, сильнѣе и рѣзче проявляющееся стремленіе все подчинить верховенству науки, авторитетъ ея поставить выше всякихъ другихъ авторитетовъ, какіе когда либо признавались. Для многихъ людей современнаго образованнаго общества наука стала кумиромъ; предъ нимъ преклоняются, и въ жертву ему нерѣдко приносится все. Все теперь подводится подъ мѣрку науки, все разсматривается съ ея точки зрѣнія, и все, что не подходитъ подъ эту мѣрку, все, что не оправдывается съ научной точки зрѣнія, фанатическими жрецами этого кумира или безпощадно отвергается и попирается, или перестраивается совсѣмъ по своему, по новому, согласно, будтобы, съ болѣе вѣрными началами науки и требованіями научнаго метода. И вотъ намъ приходится быть свидѣтелями очень поразительныхъ явленій,—приходится все чаще встрѣчать, какъ разными представителями науки самыя исконныя и основныя человѣческія убѣжденія и понятія не только расшатываются, но ставятся совсѣмъ вверхъ дномъ. Укажемъ нѣкоторые примѣры.

Искони по общему убѣжденію непосредственнаго человѣческаго сознанія самымъ важнѣйшимъ достояніемъ человѣческой жизни почитались религіозныя вѣрованія человѣка. Представляя собою самый всеобщій фактъ человѣческой исторіи, неиз-

мѣнно сопровождавшій каждый народъ въ отдѣльности и все человечество въ совокупности на всѣхъ ступеняхъ его исторической жизни, религіозныя вѣрованія всегда были самой главной силой, направлявшей и опредѣлявшей человеческую жизнь и сообщавшей ей высшее достоинство. Съ упадкомъ религіозныхъ вѣрованій, какъ показываетъ исторія, всегда неизбѣжно слѣдовалъ упадокъ народной жизни. Во всѣ времена въ религіозной вѣрѣ челоуѣкъ находилъ и наиболѣе глубокой, и наиболѣе животворный источникъ удовлетворенія потребностей своей духовной природы, и потому общій смыслъ человеческій всегда признавалъ за религіозной вѣрой первенствующее значеніе въ человеческой жизни. И наука въ лицѣ истинныхъ своихъ представителей долгое время признавала первенство передъ собой авторитета религіозной вѣры, хорошо сознавая ограниченность той области, которая подлежитъ ея собственной компетенціи. Но съ нѣкоторыхъ поръ наука, горделивая своими успѣхами, тѣми великими приобрѣтеніями въ области знанія, какими ей удавалось все больше и больше обогащаться, въ лицѣ разныхъ своихъ представителей стала все съ большимъ и большимъ недоуѣріемъ относиться къ авторитету религіозной вѣры, все больше и больше унижать его достоинство и значеніе въ человеческой жизни, и не только отвергла его первенство передъ собою, но не нашла возможнымъ признать даже и равноправность. Съ возникновеніемъ такъ называемаго позитивизма, основаннаго Конттомъ, всякія религіозныя возрѣнія прямо объявлены лишь самой низшей формой человеческого разумѣнія, свойственной только низшему состоянію человеческого ума; высшимъ разумѣніемъ признано единственно то, къ которому ведутъ исключительно одни данныя положительныхъ наукъ. Съ этихъ поръ все съ большей и большей рѣшительностью стали утверждать, что такъ какъ образованное человечество уже дошло до этой высшей формы разумѣнія, то, слѣдовательно, религіозная вѣра должна быть признана отжившей свой вѣкъ и осуждена исчезнуть; теперь она можетъ служить только препятствіемъ человеческому прогрессу и поэтому „чѣмъ болѣе народы будутъ удаляться отъ ре-

лигіи, тѣмъ болѣе они будутъ прогрессировать". Такъ именно не очень давно вразумлялъ человѣческій міръ одинъ изъ вождей современнаго просвѣщенія, извѣстный французскій ученый, Поль Беръ (бывшій одно время министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи). Однако, не смотря на всю высоту современнаго состоянія научнаго просвѣщенія, эти надежды на исчезновеніе въ человѣчествѣ религіозной вѣры остаются, безспорно, пустою мечтой. Несмотря на то, что религіозная вѣра отрицается и отвергается, она продолжаетъ существовать, и, говоря вообще, незамѣтно даже и какого либо ослабленія ея; храмы не остаются въ забвеніи и запущеніи, но по прежнему бываютъ наполнены вѣрующими, читателями религіи являются и теперь не одни необразованные классы, простые невѣжды, но и люди, стоящіе на высотѣ современнаго просвѣщенія. Значить, религіозная вѣра есть нѣчто такое, отъ чего и при всей высотѣ научнаго просвѣщенія человѣчество *не можетъ* освободиться и отрѣшиться. Что же она такое? И вотъ, разрѣшая эту загадку и, конечно, не иначе, какъ съ высшей—научной точки зрѣнія, приходятъ теперь, наконецъ, къ тому, что, объявляя религіозныя вѣрованія вообще мистицизмомъ, этотъ мистицизмъ признаютъ чѣмъ-то въ родѣ заразной болѣзни, патологическимъ состояніемъ человѣческаго духа, которое, какъ и всякая болѣзнь, развиваясь и усиливаясь, неминуемо должна вести человѣка къ гибели. Въ такомъ именно смыслѣ очень недавно (въ 1895 г.) высказывался одинъ изъ видныхъ представителей современнаго научнаго знанія, знаменитый французскій химикъ Бертело. Самымъ серьезнымъ образомъ онъ заявлялъ, между прочимъ, что народы и отдѣльные люди, принявшіе тайны и божественное внушеніе за главныхъ руководителей жизни, быстро впадаютъ въ непоправимое разстройство—нравственное, умственное и матеріальное,—объ этомъ, будто бы, свидѣлствуютъ и всеобщая исторія, и патологія духа. И это заявленіе было принято съ полнымъ сочувствіемъ не только на Западѣ, но и у насъ, и притомъ видными представителями научной мысли ¹⁾.

¹⁾ См., напр. „Публичныя рѣчи“ проф. Тимирязева, 1895, XV.

Такимъ образомъ послѣднее, самое новѣйшее слово, высказанное во имя науки относительно религіозной вѣры, есть то, что она должна быть отвесена къ *патологii* человѣческаго духа.

Однако, да не подумаетъ кто либо, чтобы теперь во имя современнаго просвѣщенія отвергалась или признавалась чѣмъ-то ненормальнымъ вообще *всякая* религія. Нѣтъ, отрицается или признается чѣмъ-то ненормальнымъ только религія, допускающая сверхъестественное, религія—какъ вѣра въ сверхчувственный міръ, какъ поклоненіе превышемірному Богу. Но обойтись совсѣмъ безъ религіи человѣкъ не можетъ. И тѣ, которые во имя современнаго просвѣщенія, хотѣли бы исторгнуть изъ человѣческой души всякую мысль о сверхъестественномъ, всякую вѣру въ превышемірнаго Бога, все таки не могутъ и не хотятъ остаться безъ религіи; только они хотятъ водворить на землѣ свою, совсѣмъ новую религію, не допускающую никакихъ тайнъ и ничего сверхъестественнаго. Эта новая религія пока еще не получила вполнѣ опредѣленной формы, и ученіе о ней большею частью сводится къ одной фразеологii, но въ общихъ чертахъ она уже достаточно выяснилась. Не такъ давно (въ 1881 г.) одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ вождей во Франціи, Гамбетта, предъ лицомъ цѣлаго собранія народныхъ представителей этой страны торжественно заявилъ, что „единственной религіей, которая можетъ существовать въ наше время, должна быть *религія интеллектуальной культуры*“,—дѣломъ этой религіи должно быть „развитіе того основнаго капитала, который дала намъ природа и который называется разумомъ“. Разумъ провозглашается теперь исключительнымъ руководителемъ во всѣхъ сторонахъ человѣческой жинзи, потому что, кромѣ него, человѣку и не откуда и не зачѣмъ желать другой помощи. Но религія не можетъ быть безъ Бога. Каковъ же богъ этой новой-интеллектуальной религіи? А богъ ея и есть самое человѣческое существо, обладающее разумомъ, т. е., этотъ богъ есть богъ—человѣчество. Такимъ образомъ новая религія есть „вѣра въ человѣчество“, или обожествленіе человѣчества“. Дѣло пока еще не дошло до того, чтобы этому новому

богу, богу-человѣчеству, воздвигались алтари, но это время—повидимому—не далеко. Гордость человѣческая не можетъ не находить себѣ въ этой религіи самое полное удовлетвореніе, потому что всякій человѣкъ чувствуетъ себя частію человѣчества, а стало быть всякій можетъ чувствовать, что и онъ „немножко богъ“... Не значить ли это, что искушеніе діавола, имѣвшее мѣсто въ исторіи первозданныхъ людей: *и будете яко бози*, и теперь доводитъ разумъ человѣческой до помраченія!

Сведеніе религіозной вѣры къ обожествленію человѣчества—ученіе не новое. Еще Фейербахъ училъ, что въ понятіи Божества человѣкъ соединяетъ не что иное, какъ именно свойства собственнаго своего существа. Но по возрѣнію этого философа, въ это понятіе человѣкъ необходимо вноситъ элементъ идеальности: въ немъ человѣкъ соединяетъ только лучшія свойства своего существа, и притомъ увеличивая ихъ до безконечности. Такъ образ., по возрѣнію Фейербаха, человѣкъ обожествляетъ собственно только идеальное совершеннаго существа и тѣмъ самымъ доставляетъ себѣ то удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, котораго не даетъ ему дѣйствительность. Теперь же обожествляется само реальное человѣчество, то самое, каково оно есть въ дѣйствительности. Естественно спросить: можетъ быть, наука теперь выработала какое нибудь новое понятіе о человѣкѣ, и именно такое, которое возвышало бы человѣка настолько, что онъ, такъ сказать, заслуживалъ бы обожествленія? Можетъ быть, наука теперь открыла такое достоинство, такое величіе въ природѣ человѣка, какихъ человѣкъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ въ себѣ? Оказывается, совсѣмъ напротивъ. Наука, правда, приходитъ теперь къ совсѣмъ новому понятію о человѣкѣ, но такому, которое совсѣмъ невыгодно и нелестно говорить о человѣкѣ и угрожаетъ снять его даже съ того скромнаго пьедестала, на которомъ онъ въ своемъ собственномъ сознаніи стоялъ до сихъ поръ.

Искони и до послѣдняго времени общій смыслъ человѣческой считалъ признакомъ болѣе истинной и болѣе нормальной человѣчности большую и высшую одаренность. Люди талантливые, надѣленные особенными дарами ума, энергіи и духовна-

го творчества, всегда почитались наиболѣе полнымъ и наиболѣе достойнымъ выраженіемъ истинной человѣчности. Таланты всегда высоко цѣнились, предъ геніями благоговѣли, и въ нихъ видѣли высшую норму возможнаго для человѣка того или другого совершенства. Такъ ли смотрять на это теперь съ точки зрѣнія современной науки? Оказывается, что то, что искони почиталось высшимъ и достойнѣйшимъ выраженіемъ истинной человѣчности и лучшей славой человѣчества, съ строгой точки зрѣнія современной науки признается теперь не болѣе, какъ уродствомъ, аномаліей, относится къ патологіи человѣческаго духа и къ явленіямъ человѣческаго вырожденія. Починъ въ опытахъ такого превращенія сдѣлалъ знаменитый туринскій ученый Ломброзо; онъ первый, на основаніи будто бы строгихъ научныхъ изслѣдованій, объявилъ, что всѣ признанные геніи человѣчества представляютъ собою такія же ненормальныя явленія, какъ помѣшанные и преступники. Теорія Ломброзо не осталась безъ послѣдователей и съ замѣчательною прямолинейностію стала примѣняться теперь къ оцѣнкѣ всякихъ выдающихся дѣятелей на тѣхъ или другихъ поприщахъ человѣческой жизни. И вотъ мы видимъ теперь, съ какою поразительною легкостью все, что до сихъ поръ почиталось высокимъ и великимъ, унижается до неузнаваемости, все свѣтлое и чистое очерняется и загрязняется. Первые примѣры такихъ превращеній далъ намъ самъ Ломброзо на оцѣнкѣ нѣкоторыхъ выдающихся историческихъ лицъ, какъ Леонарди, Тассо, Байрона. Напр., что касается послѣдняго, то этотъ, безспорно, величайшій поэтъ нашего столѣтія, который, по отзывамъ хорошо знавшихъ его и вполне достовѣрныхъ современниковъ, „физически сіялъ божественной красотой и силой, и по духовнымъ свойствамъ „представлялъ высшій идеалъ человѣка и писателя“,—въ сердцѣ котораго любовь была неизсякаемымъ ключемъ,—который свою любовь къ человѣчеству доказалъ своею геройскою смертію, принесъ себя въ жертву освобожденія чуждаго ему народа отъ рабскаго ига,—этотъ, по признанію всѣхъ, „первоклассный геній“ подъ психіатрическимъ діагнозомъ Ломброзо оказывается про-

сто сумасшедшимъ, который еще съ дѣтства представлялъ симптомы вырожденія и обнаруживалъ это во всей своей жизни, дошедши въ концѣ всего до послѣдней степени распушенности. Наиболѣе прямолинейнымъ послѣдователемъ Ломброзо является Максъ Нордау, вся книга котораго „Вырожденіе“ представляетъ собою не что иное, какъ сплошной скорбный листъ, перечисляющій разныхъ выдающихся талантливыхъ людей послѣдняго времени и всѣхъ ихъ безъ исключенія помѣщающій въ число сумасшедшихъ и вырождающихся; въ книгѣ на всѣхъ страницахъ ея такъ и пестрятъ эпитеты: тотъ вырождающійся, тотъ маттоидъ, тотъ графоманъ, тотъ эготистъ, тотъ мистикъ. Словомъ, по разсматриваемой теоріи, кто отличается сколько нибудь талантливостью, оригинальностію ума, силой творчества, кто вообще не безцвѣтенъ и обнаруживаетъ какіе либо признаки высшей одаренности, безпрекословно долженъ считаться ненормальнымъ. Для торжества бездарности и сѣрой будничной посредственности едва ли возможно придумать что нибудь лучше этой „научной“ теоріи.

Мы привели лишь немногіе примѣры того, что теперь проповѣдуется во имя науки и современнаго состоянія научнаго просвѣщенія. Не показываютъ ли они, какъ теперь самыя исконныя убѣжденія и самыя основныя понятія общечеловѣческаго смысла ставятся совсѣмъ вверхъ дномъ! Въ виду этихъ примѣровъ нисколько не можетъ показаться удивительнымъ, если завтра появится такая „научная“ теорія, которая станетъ утверждать, что человѣкъ, который носитъ одежду, ненормальный человѣкъ, а нормальнымъ долженъ считаться тотъ, который сталъ бы совсѣмъ обходиться безъ одежды, или—что человѣкъ, который ходитъ на двухъ ногахъ, ненормальный человѣкъ, а нормальнымъ долженъ быть признанъ тотъ, который сталъ бы ходить на четверенькахъ.

Мы привыкли относиться къ наукѣ даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ и во всякомъ случаѣ съ великимъ уваженіемъ, и не безъ основанія. Для человѣческой жизни наука сдѣлала, несомнѣнно, очень многое, и нельзя отрицать силы науки, могущества знанія. Безспорно, что, какъ замѣтилъ еще Бэконъ,

человѣкъ настолько *можетъ*, насколько онъ *знаетъ*; наука все больше и больше ведетъ къ расширенію и увеличенію могущества человѣка надъ природой, чрезъ познаніе законовъ ея давая человѣку возможность все больше и больше овладѣвать ея силами. Словомъ, науку нельзя не отнести къ истиннымъ и цѣннымъ благамъ человѣческой жизни. Но потому-то,—въ силу именно самаго уваженія къ наукѣ,—естественно усумниться, чтобы наука, наука подлинная, настоящая,—могла уполномочивать говорить все то, что теперь проповѣдуется во имя ея? Можетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, истинная наука стать въ такой антагонизмъ съ самыми основными понятіями простаго общечеловѣческаго смысла? Имѣетъ-ли она для этого какія либо неоспоримо принадлежащія ей права?

II.

Хотя на науку очень часто ссылаются, хотя имя науки постоянно употребляется, но нельзя сказать, чтобы это имя было изъ числа такихъ, съ которыми сразу соединялся бы вполне опредѣленный, твердо установившійся смыслъ. Напротивъ, слово наука изъ числа такихъ словъ, смыслъ которыхъ не легко объяснить, хотя онъ всѣмъ кажется понятнымъ. Такъ всегда бываетъ съ подобными словами; значеніе ихъ тѣмъ болѣе затемняется, чѣмъ больше они употребляются, потому что при частомъ употребленіи неизбѣжны бываютъ и всякія злоупотребленія. Поэтому, чтобы справедливо отнестись ко всѣмъ тѣмъ притязаніямъ, какія заявляются во имя науки, будетъ совсѣмъ неизлишнимъ остановиться на уясненіи, что такое наука вообще по самому существу своему? Изъ разъясненія этого вопроса само собою опредѣлится, какія дѣйствительныя права и полномочія можно признать за наукой.

Всякій, конечно, скажетъ, что наука представляетъ собою нѣкоторый родъ знанія. Но не всякое, разумѣется, знаніе можетъ быть названо научнымъ; какой же именно родъ знанія составляетъ науку?

Кромѣ и прежде научнаго знанія существуетъ знаніе обыденное,—это то знаніе, которое необходимо человѣку для его повседневнаго обихода и которое потому присуще бываетъ вся-

кому человѣку, на какой бы ступени развитія онъ ни находился. Это знаніе вырастаетъ на почвѣ простаго здраваго человѣческаго смысла,—того смысла, который, напр., заставляетъ всякаго человѣка признавать, кромѣ собственнаго бытія, бытіе другихъ подобныхъ же существъ, также бытіе внѣшнихъ предметовъ съ ихъ разнообразными свойствами и извѣстнымъ назначеніемъ, различать соотношеніе вещей и тотъ или другой порядокъ ихъ существованія и т. д. Очень распространеннымъ является то мнѣніе, что научное знаніе по самому существу своему отлично отъ знанія обыденнаго, представляетъ собою по сравненію съ послѣднимъ не только высшій, но совсѣмъ иной, совсѣмъ особый родъ знанія. Изъ этого мнѣнія и проистекаетъ такъ часто выражаемое представителями научнаго знанія пренебреженіе къ знанію обыденному, или естественному міровоззрѣнію простаго здраваго смысла. Часто даже самая степень научности тѣхъ или другихъ взглядовъ измѣряется прямо тою степенью, въ какой эти взгляды расходятся съ представленіями, свойственными обыденному знанію: какой нибудь взглядъ, конечно—подкрѣпляемый какими нибудь основаніями, считается тѣмъ болѣе научнымъ, чѣмъ болѣе онъ расходится съ воззрѣніемъ простаго человѣческаго смысла. Но хотя указанное мнѣніе о наукѣ, повидимому, и подтверждается тѣмъ несходствомъ, какое дѣйствительно существуетъ, съ одной стороны, между конечными выводами науки и съ другой—между тѣми результатами, къ которымъ приходитъ обыкновенное познаніе и обыденное мышленіе, тѣмъ не менѣе это мнѣніе нужно признать совсѣмъ ошибочнымъ, и, притомъ, нужно замѣтить, что оно представляетъ собою не просто только одну изъ самыхъ обыкновенныхъ и потому неважныхъ погрѣшностей, но является, можно сказать, тѣмъ кореннымъ заблужденіемъ (πρότον ψεδῶς), изъ котораго, какъ увидимъ послѣ, проистекаютъ разные другіе неправильные взгляды на науку и неправильное отношеніе къ ней. Что на самомъ дѣлѣ науку нельзя считать такимъ знаніемъ, которое по самому существу своему было бы отлично отъ знанія обыденнаго, это видно уже изъ того, что въ созданіи науки проявляются не особыя какія либо способности че-

ловѣческаго духа, а участвуютъ тѣ же способности, какія проявляются и въ обыденномъ знаніи, и въ обоихъ случаяхъ однѣ и тѣ же способности въ сущности дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ. Всѣ различія, какія можно указать между наукой и обыденнымъ знаніемъ, сводятся лишь къ тому, что въ наукѣ только въ большемъ или болѣе совершенномъ видѣ представляется то же самое, что въ меньшемъ или менѣе совершенномъ видѣ мы можемъ найти и въ обыденномъ знаніи. Пояснимъ это подробнѣе.

Какъ на первую и наиболѣе общую отличительную черту науки указываютъ на то, что она есть такое знаніе, которое является плодомъ преднамѣренной умственной работы. Эта преднамѣренность проявляется въ наукѣ въ двоякомъ отношеніи: и въ отношеніи къ предметамъ знанія, и въ отношеніи къ самымъ способамъ пріобрѣтенія его; наука преднамѣренно ставитъ для себя извѣстные опредѣленные предметы, къ возможно всестороннему изслѣдованію которыхъ она и направляется, и въ этомъ изслѣдованіи наука держится какого нибудь опредѣленнаго напередъ намѣченнаго метода. При этомъ движущею пружиной въ наукѣ является любознательность, и наука потому есть знаніе ради самаго знанія. Между тѣмъ обыденное знаніе отличается случайнымъ характеромъ,—и въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, на которые оно простирается, и въ отношеніи къ способамъ пріобрѣтенія его; это знаніе возникаетъ главнымъ образомъ изъ практическихъ, житейскихъ нуждъ и потребностей, довольствуется тѣмъ, что является болѣе примѣнимымъ въ жизни и ограничивается тѣмъ, *что и какъ* при данныхъ условіяхъ человѣку придется познать. Такого различія между наукой и обыденнымъ знаніемъ въ общемъ мы не можемъ не признать; однако же строго провести это различіе нельзя. Съ одной стороны, и въ наукѣ мы можемъ найти много случайнаго; научныя открытія далеко не всегда были плодомъ преднамѣренныхъ изысканій, а очень нерѣдко до нихъ доходили совсѣмъ случайно (укажемъ хоть на открытіе Ньютономъ закона тяготѣнія); даже въ тѣхъ случаяхъ, когда научныя изслѣдованія идутъ по извѣстному направленію, слѣдуя извѣстному методу, имъ не чужда бываетъ

нѣкоторая безотчетность и именно въ выборѣ самаго метода,— большею частью въ области спеціальныхъ наукъ вопросъ о методѣ разрѣшается только на основаніи научной традиціи, безъ предварительнаго надлежащаго изслѣдованія этого вопроса. Съ другой стороны, и въ обыденномъ знаніи не все является дѣломъ одной случайности. Самые основные методическіе приемы наблюденія и изслѣдованія свойственны и самому простому человѣческому смыслу и потому не чужды и всякому обыденному знанію: успѣхъ въ какихъ нибудь преднамѣренныхъ дѣйствіяхъ, котораго можетъ достигать человѣкъ, руководясь простымъ обыденнымъ знаніемъ, доказываетъ, что эти дѣйствія основаны на такихъ данныхъ, которыя были правильно выбраны, правильно связаны между собою и изъ которыхъ правильно были сдѣланы выводы; притомъ, обыденное знаніе вызывается не исключительно только потребностями практической жизни, а служитъ и къ удовлетворенію человѣческой любознательности самой по себѣ,—такъ оно возвышается и до такого или иного цѣльнаго міровозрѣнія, не имѣющаго ничего общаго съ житейскими нуждами: представленіе о мірѣ, какъ космосѣ, возникло первоначально не на почвѣ науки, а образуется на почвѣ простого смысла. Такимъ образомъ то, что мы назвали преднамѣренностію въ познаніи, не составляетъ рѣзко отличительной особенности науки, а принадлежитъ наукѣ только въ большой степени, чѣмъ обыденному знанію; въ этомъ отношеніи вся разница, значитъ, только въ степени.

Съ указанной особенностію науки связываются и другія особенности ея. Такъ наука, какъ знаніе ради самаго знанія, удовлетворяется только такими взглядами, истинность которыхъ бываетъ доказана и провѣрена, и потому вообще съ именемъ науки соединяется представленіе о знаніи достовѣрномъ. Признаніе какой нибудь истины за научную для нашего пониманія равносильно признанію ея за достовѣрную истину. И такъ какъ подъ достовѣрностію знанія обыкновенно понимается соотвѣтствіе его съ дѣйствительнымъ состояніемъ познаваемыхъ вещей, а это еще называется объективностію зна-

нію, то подъ наукой разумѣется знаніе, обладающее свойствомъ объективности. Совсѣмъ инымъ свойствомъ, какъ это представляется съ перваго взгляда, отличается знаніе обыденное. Это такое знаніе, которое основывается на непосредственной наглядности, выходитъ изъ простаго довѣрія къ даннымъ внѣшняго наблюденія,—принимаетъ эти данныя непосредственно за самую реальную дѣйствительность и за неоспоримо истинныя. И такъ какъ наблюденіе слагается изъ субъективныхъ ощущеній, то обыденное знаніе, вообще говоря, отличается субъективностію и не имѣетъ объективной достовѣрности. Поэтому истинное для обыденнаго знанія не то же, что является истиннымъ для науки. Для перваго, напр., истинно, что солнце ежедневно восходитъ и заходитъ, для науки же истинно, что не солнце движется, а земля совершаетъ свое движеніе вокругъ солнца; для обыденнаго знанія истинно, что предметы и существа издають звуки, вещи имѣють цвѣтность,—для науки же истинно, что во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ звуковъ и цвѣтовъ, а есть только колебанія воздуха и дрожаніе эира, и т. д. Однако же нетрудно убѣдиться, что различіе между наукой и обыденнымъ знаніемъ въ разсматриваемомъ отношеніи заключается только въ степени, т. е., что касается объективной достовѣрности, то нужно признать, что это свойство не составляетъ рѣзко отличительной особенности науки, оно принадлежитъ ей только въ большой степени, и нельзя сказать, чтобы его совсѣмъ было лишено знаніе обыденное. Хотя наука и стремится достигнуть наивысшей степени объективной достовѣрности познанія, но она не можетъ совсѣмъ отрѣшиться отъ того, что входитъ въ естественное міровоззрѣніе простаго смысла, потому что въ основныхъ началахъ этого міровоззрѣнія обнаруживается общечеловѣческая организація ума, которая, служа основаніемъ для всякаго обыденнаго знанія, должна составлять необходимое основаніе и для знанія научнаго; не имѣя возможности отрѣшиться совсѣмъ отъ данныхъ простаго естественнаго міровоззрѣнія, наука можетъ только истолковывать, объяснять, пополнять и исправлять эти данныя и

такимъ образомъ и доходить до умственнаго воспроизведенія познаваемыхъ предметовъ болѣе вѣрнаго, т. е. болѣе согласнаго съ ихъ объективною реальностью. Но хотя бы наука въ своихъ взглядахъ достигла и самаго наибольшаго согласія съ этою дѣйствительностію, все же совсѣмъ выдти изъ субъективныхъ условій познанія она не можетъ. Такимъ образомъ за научнымъ знаніемъ можно признать объективность только въ относительномъ смыслѣ. Съ другой стороны, и обыденному знанію мы не можемъ приписать только лишь субъективный характеръ,—и оно, несомнѣнно, въ извѣстной степени возвышается до познанія объективной дѣйствительности и слѣд. не лишено объективной достовѣрности; что это такъ, видно вообще изъ того, что, руководясь однимъ только обыденнымъ знаніемъ, даже въ самомъ несовершенномъ его видѣ, человекъ можетъ ставить себя въ правильныя отношенія къ внѣшней дѣйствительности.

Какъ на отличительную черту науки, по сравненію съ знаніемъ обыденнымъ, указывается еще на точность ея. Точность въ наукѣ достигается тѣмъ, что она является познаніемъ не однихъ только частныхъ явленій, по уразумѣніемъ, главнымъ образомъ, общихъ началъ частныхъ явленій, ихъ *законовъ*. Въ силу уразумѣнія самыхъ *законовъ* явленій наука не только можетъ точно объяснить какія нибудь наличныя, уже возникшія явленія, но способна *предусматривать* то, что еще должно совершиться, и притомъ, она можетъ предвидѣть не только то, какое опредѣленное явленіе при извѣстныхъ условіяхъ должно наступить, но точно опредѣлить имѣющее наступить явленіе и въ количественномъ отношеніи, опредѣлить точно время наступленія его, размѣръ его и т. п. Точность, безспорно, нужно признать однимъ изъ свойствъ науки, однако же и это свойство нельзя признать такимъ, которое бы рѣзко отличало науку отъ обыденнаго знанія. Во первыхъ, и самая высшая точность, какой достигаютъ въ своихъ количественныхъ предвидѣніяхъ нѣкоторыя науки, которыя основываются на строгихъ вычисленіяхъ и измѣреніяхъ, есть точность только въ относитель-

номъ и условномъ смыслѣ (какъ это надѣемся показать впоследствии); а очень многія науки, какъ—біологическія, гуманитарныя, по самому свойству того, что изучается этими науками, никогда не могутъ и рассчитывать на такую точность, чтобы они способны были къ непогрѣшимымъ количественнымъ предвидѣніямъ. Съ другой стороны, и самому простому обыденному знанію не чужды многія и точныя предвидѣнія; что зажженная свѣча, погруженная въ воду, потухнетъ,—что ледъ, брошенный въ огонь, растаетъ,—что поставленная на огонь вода закипитъ, и т. п., все это вполне точныя предвидѣнія, которыя свойственны самому простому человѣку. Въ отношеніи способности къ предвидѣніямъ вся разница между научнымъ знаніемъ и обыденнымъ заключается только въ томъ, что первое проявляетъ эту способность въ большей мѣрѣ и степени, а второе—въ меньшей мѣрѣ. Предвидѣнія, свойственныя обыденному знанію, обнимаютъ только явленія простѣйшія, непосредственно дѣйствующія на наши чувства,—такія явленія, которыя находятся между собою въ отношеніи постоянномъ и непосредственномъ, такъ что здѣсь послѣдующее тотчасъ-же слѣдуетъ за предъидущимъ, и потому причинъ этихъ явленій нѣтъ надобности искать гдѣнибудь далеко; что же касается предвидѣній, основанныхъ на наукѣ, то они обнимаютъ и такія явленія, причины которыхъ бываютъ непосредственно не доступны, часто бываютъ очень затемнены и отдалены и потому могутъ быть обнаружены только послѣ ряда послѣдовательныхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ мы должны признать, что и въ отношеніи точности, которая проявляется главнымъ образомъ въ способности къ предвидѣніямъ, наука не есть что либо по существу отличное отъ обыденнаго знанія, разница между нею и этимъ послѣднимъ заключается только въ степени, только въ томъ, что наука является лишь болѣе развитымъ, болѣе изощреннымъ знаніемъ,—эта разница подобна той, какая есть между невооруженнымъ зрѣніемъ и вооруженнымъ.

Наконецъ, есть и еще одно отличіе науки отъ обыденнаго знанія и притомъ такое, которое и съ перваго взгляда пред-

ставляется наиболее замѣтнымъ,—это то, что область обнимаемаго и содержимаго наукой неизмѣримо шире, чѣмъ та область, которая составляетъ достояніе обыденнаго знанія, свойственнаго какому бы то ни было отдѣльному человѣку. Область всего изслѣдованнаго и познаннаго, все то, что составляетъ содержаніе множества существующихъ разнообразныхъ наукъ, такая широкая область, что ни одинъ человѣческій умъ не можетъ объять ея,—и притомъ, область науки непрерывно все больше и больше расширяется открытіями новыхъ фактовъ, появленіемъ новыхъ опытовъ изъясненія тѣхъ или другихъ законовъ природы; между тѣмъ кругозоръ обыденнаго знанія всегда бываетъ узокъ и ограниченъ. Но очевидно, въ этомъ намъ представляется отличіе науки отъ обыденнаго знанія чисто количественное и оно меньше всего можетъ указывать на то, чтобы наука по самому существу была отлична отъ знанія обыденнаго.

Итакъ проведенное нами сравненіе научнаго знанія съ знаніемъ обыденнымъ, съ тѣмъ, что можно назвать естественнымъ міровоззрѣніемъ простаго здраваго смысла, вполне подтверждаетъ то, что высказано было нами выше,—что наука представляетъ въ себѣ только въ большемъ или болѣе совершенномъ видѣ то же самое, что свойственно и обыденному знанію. Первая отличается отъ послѣдняго не по существу, а по степени развитія, роста,—первая представляетъ только болѣе расширенное, болѣе разросшееся, болѣе развитое обыденное знаніе; знаніе обыденное вполне удобно можно сравнить съ первымъ побѣгомъ, который вырастаетъ изъ древеснаго сѣмени, а науку—съ тѣмъ высокимъ и вѣтвистымъ деревомъ, въ которое впоследствии превращается этотъ побѣгъ. Почва у нихъ одна, это человѣческій смыслъ; но въ обыденномъ знаніи проявляется простой непосредственный смыслъ, а въ наукѣ проявляется смыслъ изощренный разными методическими приѣмами мышленія и вспомоществуемый разнообразными искусственными пособіями наблюденія и изслѣдованія.

Но если такъ, если и наука и обыденное знаніе суть порожденія одного и того же человѣческаго смысла, если въ

томъ и другомъ участвуютъ однѣ и тѣ же человѣческія способности и въ томъ и другомъ эти способности въ сущности дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ, то, очевидно, совсѣмъ нельзя допустить, чтобы наука, въ истинномъ ея проявленіи, могла вступить въ рѣшительный антагонизмъ съ какими нибудь основными понятіями, свойственными естественному міровоззрѣнію простого смысла. Безспорно, въ это міровоззрѣніе могутъ входить и многіе ошибочныя взгляды, которыхъ наука принять не можетъ; оно можетъ заключать въ себѣ много субъективнаго, случайнаго, проистекающаго изъ простаго довѣрія къ свидѣтельству непосредственнаго чувственнаго воспріятія,—можетъ заключать много произвольнаго, являющаго произвольными вымыслами отдѣльныхъ личностей, принимаемыми безъ всякой критической провѣрки. Но это можно сказать относительно содержанія разныхъ *частныхъ* понятій, сужденій и выводовъ, свойственныхъ обыденному міровоззрѣнію. По отношенію къ нимъ вполне естественно, если наука, основываясь на болѣе строгомъ и точномъ изслѣдованіи, часто совсѣмъ видозмѣняетъ ихъ, вноситъ въ нихъ иногда даже совсѣмъ новое содержаніе. Но совсѣмъ неестественно, еслибы наука, сама выросшая на почвѣ общечеловѣческаго смысла, расходилась съ какими нибудь основными и всеобщими понятіями и убѣжденіями, свойственными естественному міровоззрѣнію простого смысла, каковыми являются, напр., убѣжденія: что за видимостью явленій лежитъ нѣчто, что составляетъ ихъ основу,—что, кромѣ матеріи, существуетъ міръ духовныхъ явленій,—что въ области духа существуетъ свобода,—что въ мірѣ существуетъ цѣлесообразность и т. д. и т. д. Всякой попыткѣ, направленной къ разрушенію какимъ либо изъ этихъ убѣжденій, общій здравый смыслъ человѣческій всегда будетъ противиться.

Однако наука все же представляетъ въ себѣ неоспоримыя преимущества предъ обыденнымъ міровоззрѣніемъ простого смысла, и естественно спросить: самыя эти преимущества науки не сообщаютъ ли ей такія полномочія, такую силу и мощь, что необходимо заставляютъ преклоняться предъ всѣми выво-

дами науки, какъ бы они ни расходились съ убѣжденіями простого смысла и какъ бы этотъ послѣдній ни противился этимъ выводамъ.

Для разясненія этого вопроса необходимо обратиться къ болѣе подробному разсмотрѣнію тѣхъ преимуществъ, какія представляетъ въ себѣ научное знаніе и каковыми мы должны были признать: его наибольшую объективную достовѣрность, его наибольшую точность и его наибольшую полноту и широту.

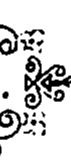
Н. Н. Страховъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Сентября № 17. 1900 года.

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа и. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе).—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Министръ Финансовъ, отношеніемъ отъ 5-го февраля сего года за № 76, сообщилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее:

Высочайше утвержденнымъ, 25 января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 рублевыхъ билетовъ, образца 1866 г., до 1 января 1902 года.

Озабочиваясь, въ интересахъ населенія Имперіи, повсемѣстнымъ и наиболѣе широкимъ оглашеніемъ сего Высочайшаго повелѣнія, Статсъ-Секретарь Витте проситъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе о вышеуказанной льготѣ было печатаемо ежемѣсячно, впредь до истеченія срока, какъ въ Церковныхъ, такъ и въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и чтобы приходскимъ священникамъ, въ особенности же сельскимъ, было поручено разъяснять прихожанамъ настоящее оповѣщеніе Министра Финансовъ:

При означенномъ отношеніи Министра Финансовъ препровождено, для ежемѣсячнаго печатанія въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нижеслѣдующее объявленіе:

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что:

I. Высочайше утвержденнымъ, въ 25 день января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: продлить обмѣнъ кре-

дитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужнаго) образца 1866 года

до 1 января 1902 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1901 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1901 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлокориичевому фону.

Года выпуска обозначены ввизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил. синею краскою. 10 руб. бил. красною краскою. 25 руб. бил. лиловою краскою.

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 7 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго. 100 руб. бил. Цвѣтъ песочный, правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II. 25 руб. бил. Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ. Слева женская фигура (Россія) со щитомъ. 10 руб. бил. Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 5 руб. бил. Цвѣтъ синій. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 3 руб. бил. Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двуглавый орелъ посрединѣ. Цифра 3 слѣва. 1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двуглавый орелъ посрединѣ. Цифра 1 слѣва.

Кромѣ того въ текущемъ году будетъ выпущенъ 50—рублевый билетъ. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899. Портретъ Императора Николая I.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управ-

леніе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшимъ Синодѣ.

На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 7—29 ноября 1884 года за № 2435, и согласно представленіямъ епархіальныхъ преосвященныхъ и епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ журнальнымъ опредѣленіемъ, отъ 23 мая 1900 года за № 419, постановилъ: удостоить награжденія кннгою „БИБЛІЯ“, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемою, за особые труды, усердіе и ревность по благоустройству мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ, слѣдующихъ лицъ по Харьковской епархіи: членовъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта—Лебединскаго—коллежскаго секретаря Николая *Шекина-Кротова* и Старобѣльскаго—директора Старобѣльскаго гимназіи, статскаго совѣтника Николая *Вѣляева*; завѣдывающихъ и законоучителей церковно-приходскихъ школъ: Ахтырскаго уѣзда, Жигайловской—священника Григорія *Шебатинскаго*, Бакировской—священника Василя *Сушкова*, Богодуховскаго уѣзда, соборной г. Богодухова и Залужанской, соборнаго прихода, священника Дмитрія *Владыкова*, Троицкой г. Богодухова—священника Евгенія *Пономарева*; Зміевскаго уѣзда—Осиновской, протоіерея Іоанна *Жада-новскаго*, Волохо-Ярскаго—протоіерея Іоанна *Чудновскаго*, Бригадировской—священника Василя *Збукирева*; Изюмскаго уѣзда, Райской—священника Михайла *Пономарева* и Купянскаго уѣзда—Ново-Николаевской, священника Георгія *Торанскаго*; учителей церковно-приходскихъ школъ: Скрипаевской, Зміевскаго уѣзда, діакона Виталія *Руднева* и Кременской, Купянскаго уѣзда, бывшаго учителя священника Андрея *Панкратьева*; попечителей и попечительницъ церковно-приходскихъ школъ: Ясеновской, Ахтырскаго уѣзда, вдову инженеръ-механика Юлію *Вейссе*, Бакировской, того же уѣзда, губернскаго секретаря Михайла *Криницкаго*; Константиновской, Богодуховскаго уѣзда, дворянина Василя *Берга*; Мурафской, того же уѣзда, Николаевскаго прихода, дворянина Николая *Григорьева*; Поповской и Дробышевской, Изюмскаго уѣзда, временнаго купца Семена *Яковлева*; Борвенковской, Успенскаго прихода, того же уѣзда, крестьянина Захарія *Ищенко* и благоотво-

рителя Лебединской Покровской церковно-приходской школы, мѣстнаго церковнаго старосту мѣщанина Алексѣя *Николаева*.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

V.

Едва ли можно указать общественнаго дѣятеля или скромнаго пахаря, славнаго поэта или выдающагося ученаго, добраго гражданина или явнаго социалиста, который бы имѣлъ въ истекающемъ столѣтіи такое выдающееся и широкое вліяніе на разнообразныя массы общества, какое имѣлъ за послѣднее время графъ Л. Толстой. Объединяя въ себѣ въ разные періоды своей жизни рѣзкія черты ученаго и поэта, графа и крестьянина, социалиста и анархиста, графъ Толстой всегда стремился и всегда былъ учителемъ народа, проводя въ жизнь народную свои идеи не только путемъ литературы, но и самую свою жизнь. Учительство—его отличительная черта, его постоянная страсть. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ мы видимъ его одновременно съ барономъ Корфомъ въ числѣ школьныхъ педагоговъ, распространяющихъ по школамъ учебники и книги для чтенія народа. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени онъ продолжаетъ быть учителемъ народа, измѣняя лишь средства и способы своего учительства, расширяя поприще свое и въ концѣ концовъ выдавая себя за апостола новой вѣры и новыхъ ученій.

Извѣдавъ всѣ средства распространенія и утвержденія среди народа своихъ идей, въ формѣ произведеній поэтическихъ, научно-богословскихъ и философскихъ, въ видѣ несмѣтнаго числа книжекъ для народнаго чтенія, графъ Л. Толстой и единомышленники рѣшились формулировать всѣ свои мысли въ формѣ народнаго катихизиса, въ которомъ бы въ краткой и отчетливой формѣ всякій его послѣдователь могъ найти все для него нужное. Болѣе лучшаго способа для распространенія среди простаго народа своихъ идей едва ли можно было придумать. Нашъ народъ при своей умственной неразвѣтости не въ состояніи дѣлать обобщеній, выводовъ и заключеній при чтеніи самыхъ простыхъ по содержа-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1900 г. № 16.

нію книгъ; вслѣдствіе этого при отсутствіи катихизиса трудно и даже невозможно было бы водворить единство взглядовъ и вѣрованій и навсегда оставалась бы возможность для безконечныхъ разногласій и умствованій среди послѣдователей Толстого. Кромѣ того догматическая вопросо-отвѣтная форма изложенія, при ясности поставленныхъ вопросовъ и краткости и вразумительности отвѣтовъ дѣлаетъ доступными и удобопріемлемыми самыя разнообразныя мысли и понятія.

Неудивительно, что въ самомъ непродолжительномъ времени появилось нѣсколько различныхъ редакцій народнаго катихизиса, распространившихся подпольнымъ образомъ среди народа въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Профессоръ Богословія при Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ Т. И. Буткевичъ заявлялъ Миссіонерскому Съѣзду духовенства, что ему извѣстны 3 редакціи толстовскаго народнаго катихизиса. Въ первой своей редакціи толстовскій катихизисъ появился въ 1882 году въ рукописномъ и литографированномъ изданіи. По внѣшней своей формѣ онъ представляетъ копію Православнаго христіанскаго катихизиса митрополита Филарета и даже написанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ. Желая сдѣлать его болѣе доступнымъ для народа, графъ Толстой замаскировываетъ его содержаніе привычною для народа внѣшнею формою. Какъ и катихизисъ м. Филарета, онъ раздѣленъ также на 3 части: ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Та же формулировка вопросовъ, та же послѣдовательность мыслей и тотъ же первый вопросъ: что есть христіанскій катихизисъ. Но принявъ внѣшній видъ христіанскаго катихизиса, графъ Толстой вложилъ въ его содержаніе все свое вѣро и нраво-ученіе отъ начала до конца—его катихизисъ своего рода резюме или конспектъ всѣхъ основныхъ пунктовъ толстовской вѣры.

Что дѣйствительно авторомъ катихизиса былъ самъ графъ, на это указываетъ самый стиль и манера писателя, подлинныя выраженія его опубликованныхъ произведеній и духъ самой мысли. Если же Толстой скрылъ свое имя, назвавъ его „катихизисомъ братства по Евангелію (штунды“), то это сдѣлано съ явною цѣлію, чтобы онъ былъ созданіемъ не лица, а всей общины, всѣхъ послѣдователей его ученія. Къ счастью, не смотря на всѣ употребляемыя хитрости, недостойныя серьезнаго произведенія, катихизисъ не получилъ широкаго распространенія; самая поддѣлка и фальшь оттолкнули нашъ прямодушный народъ, всегда привыкшій отли-

чать религію отъ подлога, тѣмъ болѣе, что понятій о Богѣ и религіи вообще онъ въ немъ не нашель никакихъ.

Совершенно въ другомъ духѣ написанъ катихизисъ 2-й редакціи, появившійся въ 1897 г. Поставивъ себѣ цѣлю объясненіе всѣхъ лжеученій, существующихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ (хлыстовства, молоканства, духоборчества, штундизма и др.) авторъ катихизиса, дабы придать ему болѣе широкое распространеніе въ народѣ, избѣжалъ въ этой редакціи всѣхъ недостатковъ перваго изданія, препятствовавшихъ этому распространенію. Языкъ катихизиса легкій, простой, характерный, по мѣстамъ фигуральный и чисто народный, напоминающій намъ образный языкъ нашихъ народныхъ писателей Кольцова и Нивятина. Вопросы поставлены до того ясно и доступно народному пониманію, а отвѣты такъ хитроумно приспособлены къ христіанскому катихизису, съ сохраненіемъ всѣхъ христіанскихъ именъ съ своеобразными ихъ аллегорическими понятіями, что катихизисъ невольно останавливаетъ вниманіе и производитъ плѣняющее впечатлѣніе. Понятно, почему катихизисъ въ этой редакціи имѣлъ и имѣеть широкое распространеніе среди послѣдователей всѣхъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ.

Наконецъ въ январѣ прошлаго года появилась 3 редакція толстовскаго катихизиса въ стихотворной формѣ. Кто былъ авторомъ этого катихизиса, Хилковъ ли, Чертковъ или самъ Толстой, остается неизвѣстнымъ, хотя духъ ученія, какъ и въ первыхъ двухъ редакціяхъ, такъ же чисто толстовскій. Стиль катихизиса правильный, чисто литературный и даже изящный; несомнѣнно, что редакція этого катихизиса рассчитывала на интеллигентныхъ сектантовъ, почему вполне понятно, что онъ, не получивъ распространенія въ простомъ народѣ, проникъ въ дома интеллигентныхъ толстовцевъ и штундистовъ.

Такъ какъ означенные катихизисы со стороны своего содержанія представляли собою весьма характерный сводъ ученія Толстого и всевозможныхъ отѣнковъ разнообразныхъ сектъ, а съ другой стороны, въ виду ихъ повсемѣстнаго распространенія въ народѣ, то о. Буткевичъ и ознакомилъ собраніе духовенства Харьковской епархіи съ этими катихизисами, экземпляры которыхъ, захваченные у хлыстовъ, штундистовъ и толстовцевъ, были доставлены ему.

Опытъ народныхъ толстовскихъ катихизисовъ, получившихъ, въ самое короткое время весьма широкое и повсемѣстное распространеніе, показываетъ, что подобный способъ распространенія идей

среди народа, народу весьма доступенъ и наиболѣе привлекателенъ. Поэтому, какъ средство противодѣйствія и отраженія козней супостатовъ церкви, какъ орудіе миссіи слѣдовало бы избрать ту же форму народнаго катихизиса, въ которомъ бы, въ соотвѣтствіи пунктамъ толстовскаго катихизиса, излагались бы не только вопросы религіознаго характера, но вопросы о русской народности, отечествѣ и самодержавномъ царѣ, о православной вѣрѣ и отличіи ея отъ другихъ вѣроисповѣданій и разнаго рода сектъ, о распространеніи и утвержденіи на Руси православной христіанской вѣры, объ исторіи того или другого края нашего обширнаго отечества и т. п. Первымъ и единственнымъ образцомъ этого народнаго катихизиса является Подольскій народный катихизисъ, изданный въ 1898 году съ благословенія преосвящ. Ириней Архипастыря Подольской епархіи. Желательно, чтобы добрый починъ Подольской епархіи нашелъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

VI.

Руководящія указанія по вопросу о сектѣ хлыстовъ были предложены свящ. Л. И. Твердохлѣбовымъ, причемъ совмѣстно съ прот. Т. И. Буткевичемъ, епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ и членами Собранія было обстоятельно выяснено не только прошлое секты и ея настоящее развитіе въ Харьковской епархіи, но и вѣроученіе этой тайной секты.

Хлыстовство принадлежитъ къ числу сектъ мистическихъ. Много въ немъ и страннаго и загадочнаго. Нигдѣ святошество не соединяется столь близко съ явленіями нравственнаго безобразія, нигдѣ столь не опошляваются священныя имена, нигдѣ не унижается столько нравственность и нигдѣ нѣтъ такой скрытности и лицемѣрія, какъ въ хлыстовствѣ. Если легко съ перваго взгляда узнать раскольника или штурдиста, то настолько же трудно распознать хлыста и отличить его отъ православнаго. Хлыстъ, повидимому, человекъ набожный, воздержный въ жизни, благотворитель на церковныя нужды и во многихъ случаяхъ лучшій прихожанинъ, избѣгающій всего зазорнаго. Но въ то же время о хлыстѣ идетъ среди православныхъ дурная молва: хлыстъ хулилъ церковь, ея таинства и обрядовъ, дурной семьянинъ и плохой и даже позорный членъ общества, растлѣвающій нравы молодежи.

Въ то время, когда Москва была занята вопросомъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, въ предѣлахъ Владимірской и Костромской губерній, 250 лѣтъ тому назадъ, появилось среди про-

того народа релігіозное движеніе, выразившееся въ формѣ хлыстовщины. Люди Божіи, возмущавшіеся упадкомъ нравственности современнаго народа, почувствовали, пророческое призваніе и стали просить у Господа откровенія для исправленія народныхъ нравовъ. И вотъ Господь Саваоѣ сошелъ съ неба и воплотился въ лицѣ Данилы Филипповича, бродяги—крестьянина Владимірской губерніи. Данило Филипповичъ, ставши живымъ богомъ, рѣшилъ, что всѣ книги ко спасенію не нужны, бросилъ ихъ въ Волгу и издалъ 12 своихъ заповѣдей, въ которыхъ себя провозгласилъ богомъ предсказаннымъ пророками и пришедшимъ на землю вторично для спасенія людей. Въ этихъ же заповѣдяхъ послѣдователямъ секты говорилось: Святому духу вѣрьте, хмѣльнаго не пейте, неженатые не женитесь, а женатые разженитесь и храните тайну людей Божіихъ, т. е. секты.

Теорія о воплощеніи божества въ человѣкѣ нашла у хлыстовъ широкое примѣненіе. Скоро у Данилы Филипповича явился «сынъ Божій»—крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ изъ Мурома, а затѣмъ явилась и избранная „богородица“ крестьянка Нижегородской губерніи. Сусловъ избралъ себѣ 12 апостоловъ для распространенія секты, а по смерти Суслова и Данилы воплощенія божества вновь появились среди хлыстовъ, которые проникли въ Московскіе монастыри и нашли среди монахинь Ивановскаго монастыря новую „богородицу“. Одновременно съ этимъ у хлыстовъ являются свои пророки, пророчицы, кормщики—корабельщики и корабельщицы. Между прочимъ Тамбовскій „христосъ“, крестьянинъ Аввакумъ Копыловъ, жившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія досталъ изъ Волги брошенныя туда Данилою Филипповичемъ книги и сталъ учиться и проповѣдывать по Писанію. Съ этого времени у хлыстовъ появляются сектантскія бредни съ стремленіемъ обосновать ихъ на священныхъ именахъ и событіяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ на богослужебныхъ книгахъ Православной Церкви. Такъ напримѣръ, обосновывая свою теорію о перевоплощеніяхъ Господа, хлысты говорятъ: волхвы спрашивали—не гдѣ Христосъ родился, а гдѣ рождается; и въ Церкви поютъ: не Христосъ родился, а Христосъ рождается.

Хлыстовскіе христы, по ученію хлыстовъ, получаютъ, при воплощеніи въ нихъ божества, Св. Духа и потому умираютъ для грѣха и творятъ только одну волю этого духа—живутъ по сектантски и другіхъ склоняютъ къ тому же. Эти живые самозванные „боги“ окружены таинственными видѣніями, и жизнь ихъ полна чудесъ.

Основатель секты Данило Филипповичъ не умеръ, а съ плотію вознесся на небо. Сусловъ два раза были распять на кремлевской стѣнѣ и два раза воскресъ. Аввакумъ Копыловъ послѣ сорокадневнаго поста былъ взятъ двумя ангелами на седьмое небо, гдѣ и получилъ повелѣніе доходить по кнвгамъ о томъ, какъ душу спасти.

Трудно сказать, когда пменно и какимъ путемъ занесена была хлыстовщина въ Харьковскую епархію. Въ настоящее время секта хлыстовщины распространена въ слѣдующихъ пунктахъ Харьковской епархіи.

Въ 2 ахтырскомъ обругѣ хлыстовство было насаждено въ 1880 г. Василиемъ Подгорнымъ. Послѣдователи Подгорнаго, не смотря на заключеніе его въ Суздальскомъ монастырѣ, не перевелись еще до настоящаго времени въ с.с. *Тростяницъ* и *Каменкѣ*. Въ Тростяницѣ ихъ насчитывается до 20 ч. Изъ нихъ большинство—дѣвицы средняго возраста, какъ Пелагія, старшая дочь Подгорнаго, живущая при братѣ Фвлипѣ. Они твердо надѣются, что Подгорный скоро возвратится изъ ссылки и устроитъ для нихъ обитель, въ чемъ убѣждаетъ ихъ самъ Василій Карповичъ своими посланіями, пересылаемыми черезъ жену и дочерей, которыхъ содержатъ въ Суздаль многочисленные почитатели Подгорнаго. Занимаются подгоровцы въ Тростяницѣ—мужчины работой на кирпичномъ заводѣ, а дѣвицы швтьемъ платьевъ и обдѣлкой вконъ, какъ въ Борисовской Тухвинской женской обители, Курской губерніи. До сихъ поръ тростянецкіе подгоровцы не прекращаютъ въ личныхъ сношеній съ своимъ учителемъ, для чего они постоянно путешествуютъ въ г. Суздаль. Ночныхъ собраній у нихъ не бываетъ вслѣдствіе бдительнаго надзора за ними со стороны мѣстнаго о. благочиннаго и полиціи.

Въ с. Каменкѣ послѣдователи Подгорнаго группируются около мѣстнаго крестьянина Евграфа Ѳедченка. Именно, у него въ домѣ живутъ 8 дѣвицъ, которыя занимаются рукодѣльемъ. На вопросъ священника: почему они избрали для своихъ работъ домъ Ѳедченка? названныя дѣвицы отвѣтили, что онѣ на „досвѣткѣ“ ходить не желаютъ—тамъ гадко, водку пьютъ, поютъ непристойныя пѣсни. Другіе домохозяева ихъ не пускаютъ на квартиру, потѣсняють помѣщенія, а у Ѳедченка хата просторная и семья малая. Самъ Ѳедченко вмѣстѣ съ квартирантками читаетъ божественныя книги, поетъ церковныя пѣснопѣнія—и вчѣмъ не тяготится...

Касательно распространенія Ѳедченкомъ какихъ либо противу-

церковныхъ ученій мѣстному священнику ничего достовѣрнаго не извѣстно. Никакихъ собраний въ домѣ Федченка не бываетъ; но священники 2-го благоч. округа справедливо смотрять съ подозрѣніемъ на этого по наружности пабожнаго человѣка, какимъ былъ „вѣдь“ в Подгорный, какими являютъ себя „міру“ и всѣ хлысты...

Въ 3-мъ благоч. округѣ Ахтырскаго уѣзда прихожане всѣ православные, но среди нихъ есть также люди, находящіеся подъ обаяніемъ личности Подгорнаго. Такихъ почитателей Подгорнаго больше всего въ с. *Славгородкѣ*—до 50 человѣкъ. Есть они въ Угроѣдахъ, Рясномъ, Жягайловкѣ, Покровскомъ, Пушкарномъ и Краснопольѣ.

Въ с. Славгородкѣ, какъ видно изъ заявленія мѣстнаго свящ. о. Арсенія Любарскаго, особый религіозный кружокъ образовался при содѣйствіи нѣкоего Швидича, сподвижника Подгорнаго, уроженца с. Ямнаго, Богодуховскаго у. Швидичъ по ремеслу кузнецъ. Путешествуя въ концѣ 80-хъ годовъ на богомолье въ г. Кіевъ, онъ, какъ человѣкъ хорошо грамотный, начитанный и разсудительный, сразу же повліялъ на своихъ спутниковъ—нѣкоторыхъ крестьянъ г. Славгородка, и составилъ изъ нихъ тѣсный кружокъ. Члены этого кружка ничѣмъ по жизни не отличались отъ лучшихъ и благочестивыхъ прихожанъ. Ихъ особенность состоитъ лишь въ томъ, что въ воскресные и праздничные дни, по преимуществу вечеромъ, они собираются въ домъ одного изъ членовъ кружка, гдѣ читаютъ Евангеліе, посланія апостольскія, поученія православныхъ священниковъ, троицкіе листки, псалтирь и проч. Чтенія же они разнообразятъ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ. За православіе названные члены кружка стоятъ твердо. Былъ такой случай: въ 1897 г. въ Славгородкѣ забрелъ нищій штундистъ, слѣпецъ Калининъ, крестьянинъ Енисейской губ., Ачинскаго уѣзда, дер. Сосновой. Этотъ слѣпецъ, ходя по селу, занялся пропагандой штунды. Онъ научалъ крестьянъ не креститься, не почитать святыхъ иконъ и святыхъ. Первыми обратили вниманіе на пропаганду слѣпца упомянутые члены кружка; они донесли объ этомъ священнику. Пропаганда была прекращена и слѣпецъ, при содѣйствіи тѣхъ же членовъ кружка, обратился въ православіе. Изъ этого, по заключенію о. Любарскаго, слѣдуетъ, что пока его прихожане всѣ православные, хотя нѣкоторые изъ нихъ и поддерживаютъ письменныя сношенія со Швидичемъ, поселившимся въ Суздалѣ, вблизи Подгорнаго.

Въ Богодуховскомъ уѣздѣ хлыстовщиной заражены: *х. Заброды*, *сл. Стнное*, *х. Подбирокъ*, *с. Лозовой* и села: *Ямное* и *Вольное*.

Въ хуторахъ Заброды и Подбирокъ сектантство появилось въ 1896 году. Нынѣ въ первомъ хуторѣ насчитывается 8 сектантовъ, а во второмъ 25.

Въ селахъ Ямномъ и Вольномъ сектантство (хлыстовство) появилось въ концѣ 80-хъ годовъ. Распространяли его крестьянинъ Филиппъ Швидичъ съ женою Маріей. Свое лжеученіе они вынесли изъ сл. Тростянца и изъ Богодуховской женской обители, основанной Подгорнымъ. На простой народъ особенно дѣйствовали тѣ легенды, которыя рассказывались про святость и чудотворную силу „батюшки“ Подгорнаго. Въ настоящее время, за выѣздомъ Швидича въ Суздаля, хлыстовство въ Ямномъ (20 ч.) и Вольномъ ослабѣваетъ. Съ прискорбіемъ нужно отмѣтить, что въ с. Ямномъ хлысты занимаютъ общественныя должности и сверхъ того выдѣляются среди односельчанъ богатствомъ и нежелательною для церкви вліятельностью. Такъ въ 1898 году староста Никита Доценко и писарь Гавріилъ Кондратенко—сектанты—успѣли склонить цѣлое общество къ составленію приговоровъ, коими постановлено: 1) пріостановить постройку церковно-приходской школы, 2) церковно-строительный комитетъ, подчиненный Епархіальной власти, замѣнить своимъ, который не вѣдался бы начальствомъ, 3) средства, ассигнованныя обществомъ на постройку церкви, отобрать для мірскихъ надобностей, 4) духовенству за требоисправленіе не платить, 5) церковный хоръ упразднить, и 6) церковныя суммы отдать въ распоряженіе общества.

При такихъ обстоятельствахъ священнику единоличными силами весьма трудно бороться съ вліятельными сектантами—хлыстами.

Въ Валковскомъ уѣздѣ хлысты или, по мѣстному названію, шалапуты существуютъ въ *Успенскомъ приходѣ г. Валокъ* и въ сл. *Ковегахъ*, сл. *Снѣжковомъ Кутѣ*, *Колениковомъ* и селахъ—*Одринкѣ* и *Огульцахъ*.

Всѣхъ шалапутовъ въ означенныхъ пунктахъ насчитывается 31 ч.—15 м. и 16 ж.

Въ Валковскомъ Успенскомъ приходѣ шалапутство ведетъ свое начало съ 70-хъ годовъ отъ капитана Сухотина; осталось въ приходѣ 10 человѣкъ. Секта эта здѣсь вымираетъ.

Нѣкогда очень сильное хлыстовство въ Ковеговскомъ приходѣ едва оставило слѣды среди крестьянъ. Хлыстовство здѣсь переродилось въ штунду подъ вліяніемъ пропаганды Василя Николаева Иванова, мѣщанина Херсонской губ. Ананьевского у.

Въ Колениковскомъ приходѣ насчитывается 21 шалапутъ. Жи-

вуть они замкнута, вліянія на православныхъ не имѣютъ; руководителя у нихъ нѣтъ. То же слѣдуетъ сказать и о шалапутяхъ Спѣжкова Кута.

Въ селахъ Одринкѣ и Огульцахъ народная молва, всегда почти правдоподобная, указываетъ на нѣкоторыхъ односельчанъ, какъ придерживающихся хлыстовства. Въ с. Одринкѣ приходскій священникъ еще въ прошломъ году насчитывалъ 7 хлыстовъ, изъ которыхъ нѣкто Темченко, ярый хлыстъ, за открытую пропаганду хлыстовщины былъ преданъ суду.

Въ Купнянскомъ уѣздѣ шалапуты находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) *въ Ново-Георгіевскомъ* приходѣ м. п. 36 и ж. 27; 2) *въ Топольскомъ* приходѣ 50 человекъ м. и ж. п.; 3) *въ хуторъ Ивановъ* 7 ч. обоего пола—3 м. и 4 ж.; 4) *въ хуторъ Балаговкѣ Отрадненскаго* прихода 5 м. и 5 ж.

Въ Ново-Георгіевскомъ приходѣ шалапуты появились издавна, лѣтъ 50 назадъ. Не переводятся они тамъ и до сего времени, находясь подъ руководствомъ Аѳанасія Тинькова, въ домѣ котораго чаще всего бывають ихъ радѣнія.

Въ Топольскомъ приходѣ шалапуты существуютъ съ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Первоначально они завелись въ х. Пескахъ и именовались „молоканами“. Лишь въ 1864 г. свѣщ. Александръ Анисимовъ нашель, что Топольскіе сектанты не имѣютъ ничего общаго съ молоканами. Дальнѣйшее разслѣдованіе этой секты показало, что послѣдователи ея—настоящіе скопцы.

Сектанты—хлысты есть, наконецъ, и въ с. Островерховкѣ Харьковскаго уѣзда. Они появились здѣсь въ 60-хъ годахъ. Въ настоящее время одни изъ нихъ отпали отъ заблужденія, другіе, хотя и пребываютъ въ хлыстовщинѣ, но вліянія на православныхъ не имѣютъ.

Вообще говоря, хлыстовство въ Харьковской епархіи не развивается, а падаетъ, частію подъ вліяніемъ миссіонерской борьбы мѣстныхъ священниковъ, частію само собою, какъ секта въ высшей степени безнравственная и изувѣрная.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г.

Текущимъ лѣтомъ курсы вступили въ четвертый годъ своего существованія. Пятая смѣна учителей въ количествѣ свыше 80

чел. въ теченіе пятинедѣльнаго срока усердно потрудились надъ обновленіемъ и восполненіемъ своихъ педагогическихъ знаній.

По распоряженію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта для слушанія педагогическихъ курсовъ было вызвано на средства казны 80 учителей изъ всѣхъ 11 уѣздовъ Харьковской епархіи. Сверхъ того 1 дѣвица была принята по собственному желанію и на ея личныя средства. Расчисленіе курсистовъ по уѣздамъ было сдѣлано пропорціонально количеству школъ и учащихъ въ нихъ лицъ. Согласно „Правиламъ“ на курсы были вызваны лица, заявившія себя на мѣстахъ своей службы усердіемъ и любовью къ дѣлу, но недостаточно знакомые съ приемами и способами обученія грамотѣ и другимъ предметамъ школьнаго курса, или тѣ изъ учителей, которые, будучи опытными въ дѣлѣ преподаванія учебныхъ предметовъ, недостаточно знакомы съ церковнымъ пѣніемъ и неспособны преподавать его въ школѣ.

По уѣздамъ слушатели и слушательницы курсовъ распределяются слѣдующимъ образомъ: *Ахтырскаго уѣзда*: Ковалевскій Василій діаконовъ, Протопоповъ Леонтій уч., Бойко Екатерина уч—ца, Цупруновъ Александръ уч., Гурѣева Анна уч—ца, Камышанова Любовь уч—ца, Крамаренкова Екатерина уч-ца, Цебенко Александра. *Богодуховскаго уѣзда*: Будянскій Ѳедоръ пс., Каравановъ Павелъ пс., Козловскій Антоній діак., Новомірскій Иванъ пс., Рубинскій Михайлъ пс., Семанковъ Иванъ пс., Фальченко Михайлъ діак., Пономаренко Ольга уч-ца. *Валковскаго уѣзда*: Торанскій Григорій пс., Любочинскій Алексѣй діак., Яковлевъ Александръ пс., Андреенковъ Яковъ уч., Бѣляева Варвара уч-ца, Ольховская Марія уч-ца. *Волчанскаго уѣзда*: Кошлаковъ Иванъ пс., Мигулинъ Иванъ I пс., Огивскій Димитрій пс., Склабнискій Василій пс., Ковалева Ольга уч-ца, Никитина Елена уч-ца, Ломаковская Александра уч-ца, Орленкова Зиновія уч-ца, Полуехтова Зинаида уч-ца. *Зміевскаго уѣзда*: Козачекъ Николай уч., Мамай Антоній и. д. уч., Рудневъ Кирилль пс., Сосунъ Ѳедоръ пс., Шепелевскій Іуліанъ уч., Криштопенко Марѳа уч-ца, Чумакова Анна уч-ца. *Изюмскаго уѣзда*: Бѣляевъ Макарій діак., Кривицкій Александръ уч., Мелиховъ Семень уч., Новгородскій Ѳедоръ уч. Поповъ

Иванъ діаконъ, Трущенко Ипполитъ учитель. *Купянскаго уѣзда*: Власовскій Петръ діаконъ, Звѣревъ Захарій діаконъ, Колотовскій Иванъ учитель, Стеллецкій Иванъ псаломщикъ, Новомірскій Елисей діак., Новомірская Елисавета уч-ца, Пилецкая Марія уч-ца. *Лебединскаго уѣзда*: Брайловскій Ѳедоръ діак., Петинъ Константинъ діак., Проскурниковъ Андрей діак. Столяревскій Георгій пс., Бѣлопольская Марія уч-ца, Гильченко Зинаида уч-ца, Юрковская Марія уч-ца. *Старобѣльскаго уѣзда*: Бухаринъ Михаилъ и д. уч., Ковалевскій Африканъ уч., Мухивъ Николай уч., Насѣдкинъ Григорій пс., Рубинскій Павелъ пс., Самойловъ Андрей уч., Титовъ Иванъ пс., Улановъ Іустинъ и. д. псал., Фіалковскій Михаилъ и. д. уч., Царевскій Василій уч., *Сумскаго уѣзда*: Стефановскій Василій уч., Бѣляева Викторія уч-ца, Дорошенко Апполинарія уч-ца. *Харьковскаго уѣзда*: Бондаренко Тимоѳей и д. уч., Иваницкій, Константинъ уч., Иванченко Михаилъ и. д. уч., Масловъ, Иванъ уч., Момоть Григорій уч., Любичъ Косьма и. д. уч., Протопоповъ, Павелъ уч., Рубинскій Евграфъ уч., Черенковъ Семенъ уч., Краснокутская Параскева уч-ца.

Учительскіе курсы съ ихъ общежитіемъ имѣли помѣщеніе въ здавіи женскаго Епархіальнаго училища. Благодаря участливому отношенію начальствующихъ лицъ, Предсѣдателя Совѣта Училища Профессора о. Т. И. Буткевича и Начальницы Е. Н. Гейцыгъ курсисты были окружены всѣми возможными удобствами. Самое положеніе училища въ возвышенной части города, окруженной садами и незаселенными окрестностями, давая возможность пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулками, въ значительной степени облегчало ихъ трудовую жизнь среди постоянныхъ занятій въ знойные дни іюля. Въ распоряженіе учителей и учительницъ были отведены свѣтлыя и просторныя помѣщенія училища, предварительно отремонтированныя, двѣ обширныя залы для учебныхъ занятій, спальни для учительницъ, зданіе больницы для учителей, столовая, комната для мастерской, сборная комната для курсистовъ, сборное помѣщеніе для учениковъ образцовой школы и квартиры администраціи курсовъ. Въ пользованіе курсистовъ были предоставлены также прачешная и баня, ежедневно открытая для

холодныхъ ваннъ и неоднократно нагрѣваемая для мытья горячею водою. Все это въ общемъ при близкомъ сочувствіи начальствующихъ лицъ создавало благопріятныя внѣшнія условія, при которыхъ можно было трудиться съ большимъ успѣхомъ и удобствами.

Завѣдываніе курсами было ввѣрено, согласно § 4 „Правиль о вр. пед. курсахъ“ Инспектору курсовъ и его помощнику. Инспекторъ курсовъ, Епархіальный Наблюдатель церковныхъ школъ В. Ѳ. Давыденко, имѣлъ общее попеченіе о курсахъ, надзоръ за правильнымъ теченіемъ ихъ въ учебно-воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, составлялъ по соглашенію съ преподавателями росписаніе занятій, руководилъ сими занятіями и завѣдывалъ перепискою и сношеніями по дѣламъ курсовъ съ разными лицами и учрежденіями. Смотритель курсовъ, Уѣздный Наблюдатель И. А. Рудневъ, состоя сотрудиномъ Инспектора по всѣмъ дѣламъ курсовъ, имѣлъ надзоръ за исполненіемъ установленнаго на курсахъ порядка и велъ письменную часть, внимательно входя во всѣ стороны курсовой жизни. Для ближайшаго веденія хозяйственной части былъ приглашенъ въ качествѣ эконома курсовъ, экономъ Епархіальнаго Женскаго Училища А. Ѳ. Васильевъ, завѣдывавшій столомъ, прислугою, содержаніемъ дома и проч. Кромѣ того, согласно „Правиламъ“, для попеченія объ учительницахъ приглашена особая надзирательница Т. П. Краснокутская.

14 іюня состоялось торжественное открытіе педагогическихъ курсовъ. Въ означенный день къ 12 ч. изъ Куряжскаго Монастыря прибылъ Преосвященный Иннокентій для совершенія молебнаго пѣнія предъ началомъ занятій. Въ храмѣ училища Владыка былъ встрѣченъ духовенствомъ, администраціей курсовъ и курсистами въ полномъ ихъ составѣ.

Въ сослужевіи Владыкѣ приняли участіе: Ректоръ Семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій, протоіерей Іоаннъ Чижевскій, протоіерей Александръ Ѳедоровскій, священникъ Петръ Ѳомиинъ и священникъ Петръ Тимоѳеевъ. Во время молебна пѣлъ хоръ курсистовъ подъ управленіемъ священника Іоанна Петровскаго.

Въ концѣ молебствія предъ началомъ многолѣтія Преосвященный Иннокентій обратился къ предстоящимъ учителямъ и учительницамъ съ словомъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

Возлюбленные! Призванный сюда благословить начало труда вашего, я почитаю долгомъ выразить, что церковно-приходская школа, представителями которой вы являетесь, имѣеть особое значеніе въ ряду всѣхъ другихъ школъ и что учитель ея занимаетъ исключительное положеніе по своему назначенію. Это и понятно. По самому своему наименованію церковная школа указываетъ на то, что она находится подъ крыломъ церкви, живетъ и развивается въ союзѣ съ нею, какъ ея младшая сестра. Вслѣдствіе этого она не есть школа сухого и мертвого обученія, она школа въ полномъ смыслѣ воспитательная, школа, ученіемъ воспитывающая. Основная цѣль церковно-приходской школы—религіозно-нравственное воспитаніе. Соответственно этому и самый характеръ школьнаго обученія отличается церковнымъ характеромъ. Законъ Божій въ церковной школѣ является основнымъ центральнымъ предметомъ преподаванія, здѣсь научаютъ церковно-славянской грамотѣ, какъ языку нашей церкви и богослуженій, пѣнію обучаютъ здѣсь также церковному, церковная школа болѣе, чѣмъ всякая другая приучаетъ къ дѣятельному участию въ жизни Церкви Православной. Не здѣсь-ли, не въ этомъ ли религіозномъ направленіи дорогой намъ школы лежитъ поводъ къ постояннымъ нападкамъ. Съ перваго дня существованія возрожденной церковно-приходской школы мы пастыри и вы купно съ нами подвергались и до нынѣ подвергаемся этимъ нападкамъ, нерѣдко выходящимъ изъ самаго грязнаго источника.

При такомъ направленіи церковно-приходской школы и положеніе учителя особое. Учитель церковно-приходской школы не чиновенъ, нѣтъ для него внѣшнихъ знаковъ отличія, не свойственны ему и титулы. Учитель церковной школы бѣденъ, скудно его содержаніе, не богаты и средства самыхъ школъ. Но за то онъ близокъ къ церкви: онъ членъ причта или же сотрудникъ его, близокъ онъ также и къ народу, и народъ любитъ его какъ своего руководителя, дорожить имъ.

Бросимъ взглядъ на прошлое и мы видимъ то же. Со дней Св. Владиміра и до нашего времени церковно-приходская школа всегда была любимымъ дѣтищемъ православнаго русскаго

народа. Нерѣдко угнетаемая, нравственно не поддерживаемая, скудная средствами, она то упала, то возвышалась, достигая подчасъ самаго блестящаго своего развитія. О чемъ говорить это, какъ не о томъ, что церковная школа—въ духѣ народа, любезна его сердцу, что она поистинѣ національная, русская школа, возросшая отъ корня народной жизни. А что растетъ отъ корня, то всегда бываетъ прочно: ни сильныя порывы вѣтровъ, ни самыя бури не могутъ исторгнуть дерева, пустившаго свой ростокъ отъ глубокаго корня.

Вамъ же, дорогіе труженики, мое слово въ утѣшеніе: не унывайте въ трудахъ, бодрствуйте въ нападкахъ, черпайте силы и бодрость изъ Евангелія: „егда поносятъ и издедутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще Мене ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“. А вамъ, руководители и наставники курсовъ, выражаю свое желаніе, чтобы высказанныя мною вкратцѣ общія начала въ руководство учителей были выяснены имъ подробнѣе и чтобы педагогическія и методическія наставленія, какія будутъ имъ преподаны, клонились къ выясненію идей воспитанія.

Да будетъ же благословенно начало вашихъ занятій! Такими словами Преосвященный Владыка закончилъ свое задушевное и полное глубокихъ идей слово, одушевивъ учителей и учительницъ на предстоящій тяжелый трудъ. Вслѣдъ затѣмъ руководителямъ курсовъ, учителямъ, учительницамъ и ученикамъ образцовой школы было преподано архипастырское благословеніе.

По оковчаніи молебствія Владыка, а съ нимъ и слушатели курсовъ, послѣдовали въ актовъ залъ. Владыка былъ встрѣченъ пѣніемъ „Царю Небесный“. Всѣ приготовились къ слушанію наставленія дѣтямъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго „о кроткомъ и жалосливомъ обращеніи съ животными“. Профессоръ Университета прот. Т. И. Буткевичъ, коему поручено было чтеніе рѣчи, обратился къ слушателямъ приблизительно съ слѣдующимъ предварительнымъ словомъ.

Ваше Преосвященство, досточтимые отцы и слушатели! Мы только что слушали рѣчь Преосвященнаго Иннокентія. Глубокія мысли, выраженные имъ о воспитательномъ значеніи цер-

ковной пиколы, заключаютъ въ себѣ истину, съ которой согласны всѣ лучшіе русскіе люди, преданные Церкви Православной. Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, въ полномъ согласіи съ этими мыслями, первый въ ряду нашихъ церковныхъ ораторовъ широко развилъ и глубоко уяснилъ одинъ изъ характернѣйшихъ моментовъ воспитанія, что добрыя чувства нашей души слѣдуетъ воспитывать не только въ отношеніи къ себѣ, но и въ отношеніи къ окружающей природѣ, и въ частности къ животнымъ. Въ жизни и литературѣ господствуютъ совершенно противоположныя взгляды на животное. И первый взглядъ, принадлежащій западно-европейскимъ народамъ тотъ, что животное есть живая машина, предназначенная для беспощаднаго физическаго труда. Другой взглядъ, противоположный первому, принадлежитъ древнимъ народамъ, каковы персы, египтяне, и современнымъ дарвинистамъ. По ихъ мнѣнію животное не что иное, какъ братъ человѣка, и даже по существу отъ него ничѣмъ не отличается. Примиреніе сихъ противоположныхъ взглядовъ мы находимъ въ христіанскомъ ученіи—здѣсь золотая середина. Животное, не будучи мертвою машиною и братомъ человѣка, по христіанскому ученію, является его помощникомъ, сотрудникомъ и другомъ. Высокопреосвященнѣйшій нашъ Архипастырь и поручилъ мнѣ прочитать вамъ въ руководственное наставленіе по сему предмету рѣчь свою, каковую и предлагаю вашему вниманію.

Вслѣдъ за симъ было прочитано Архипастырское наставленіе ¹⁾.

Такъ совершилось открытіе курсовъ, напутствуемое благословеніемъ двухъ Архипастырей.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церквей: Благовѣщенской, сл. Зориковки, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Левандовскій* и Христорождественской, сл. Липецъ, Харь-

¹⁾ Наставленіе дѣтямъ напечатано въ ж. „Вѣра и Разумъ“, 1900 г., іюнь, кн. 2.

ковскаго уѣзда, Теодоръ *Ветуховъ*, согласно прошенію ихъ, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Священники церквей: Тихоновской, сл. Гапусовки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Мухинъ* и Николаевской, сл. Боровской, того же уѣзда, Филиппъ *Пестряковъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Священники: сл. Боровой, Купянскаго уѣзда, Платонъ *Стаховскій* и сл. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Веселовскій*, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Бородаевъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Петропавловской церкви м. Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Іоанно-Воинской церкви села Толстаго, Лебединскаго уѣзда, Николай *Рубинскій*, волею Божіею, умеръ 7 августа н. г.

— Діаконъ сл. Будилки, Лебединскаго уѣзда, Константинъ *Ковалевскій* опредѣленъ на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, сл. Велюкой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда, Симеонъ *Полтавцевъ* перемѣненъ, согласно прошенію, на ту же должность къ Архангело-Михайловской церкви с. Кургана.

— Безмѣстный псаломщикъ—діаконъ Василій *Бьялевъ* опредѣленъ псаломщикомъ Троицкой церкви с. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Григорій *Климентовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви села Просянаго, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви с. Кургана, Лебединскаго уѣзда, Стефанъ *Касьяновъ* уволенъ за штатъ, согласно прошенію.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Покровской церкви заштатнаго города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Константинъ *Хмеленко*; Пророко-Ильинской церкви гор. Суммъ купецъ Григорій *Кулишовъ*; Николаевской церкви сл. Буймера, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Пльа *Пономаренко*; Терновской Николаевской церкви мѣщанинъ Андрей *Конonenko*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пребываніе въ Харьковѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.—Дѣятельность Каменецкаго православнаго братства.—Къ вопросу объ иконописаніи.—Церковно-приходская школа въ Аничковомъ Дворцѣ.—Освященіе училища глухо-вѣмыхъ въ Харьковѣ.—Отрадные примѣры изъ жизни крестьянъ.—Заботы объ обезпеченіи матеріальнаго положенія духовенства.—Похоронныя кассы для духовенства.—Епархіальныя типографіи.—Преподаваніе гигиены и медицины въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Къ вопросу объ устройствѣ уволенныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній.

7-го сентября, въ 3 ч. 17 м. дня, прибылъ въ Харьковъ изъ Крыма Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. За нѣсколько минутъ до прихода поѣзда во всѣхъ городскихъ церквахъ начался колокольный звонъ. По остановкѣ поѣзда на станціи, Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ прибывшими на вокзалъ: Преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ, командиромъ 10-го армейскаго корпуса ген. отъ кав. В. Ф. Винбергомъ, г. начальникомъ губерніи гофмейстеромъ Г. А. Тобизенъ и депутаціей отъ города, въ составѣ и. д. городского головы, члена управы И. А. Коваленко и гласнаго думы К. П. Уткина, и другими лицами. Городская депутація поднесла Митрополиту хлѣбъ-соль на серебрянномъ, вызолоченномъ блюдѣ. Съ вокзала Высокопреосвященный Антоній при колокольномъ звонѣ прослѣдовалъ въ кафедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ. Въ соборѣ было совершено краткое молебствіе, послѣ чего Митрополитъ благословилъ народъ и отправился къ Высокопреосвященному Амвросію, Архіепискому Харьковскому и Ахтырскому, на обѣдъ. На обѣдѣ присутствовали: Преосвященный Иннокентій, командиръ 10-го армейскаго корпуса ген. отъ-кав. В. Ф. Винбергъ, начальникъ губерніи гофмейстеръ Г. А. Тобизенъ, предсѣдатель харьковской судебной палаты А. А. Чернявскій, прокуроръ ея В. В. Давыдовъ, управляющій государственными имуществами Харьковской и Полтавской губ. В. М. Козловъ, попечитель учебнаго округа В. К. Анрепъ, ректоръ университета Г. И. Лагермаркъ, предсѣдатель окружнаго суда В. В. Ненарочкинъ, соборный староста К. П. Уткинъ, городское духовенство и много другихъ лицъ. За обѣдомъ Высокопреосвященный Амвросій обратился къ Высокопреосвященному Митрополиту Антонію съ привѣтственной рѣчью, закончивъ эту рѣчь добрыми пожеланіями Митрополиту Антонію и провозглашеніемъ многихъ лѣтъ ему. Отвѣчая на эту рѣчь, Высокопреосвященный Митрополитъ, съ

своей стороны, пожелалъ Высокопреосвященному Амвросію многихъ лѣтъ, здоровья и полезной дѣятельности на пользу святой церкви. Вечеромъ Митрополитъ Антоній присутствовалъ на все-нощной въ церкви Озерянской иконы Божіей Матери. Все-нощную совершалъ Преосвященный Иннокентій. На богослуженіи присутствовало масса народу. За симъ Владыка—Митрополитъ возвратился въ покои Высокопреосвященнаго Амвроссія, гдѣ и оставался до 10 часовъ вечера. Въ 11-му часу вечера Высокопреосвященный Антоній отбылъ при колокольномъ звонѣ на вокзалъ. Здѣсь его провожали Преосвященный Иннокентій, сопровождавшій за тѣмъ Высокопреосвященнаго Митрополита до ст. Рыжовъ, г. начальникъ губерніи, начальникъ Х.-Н. ж. д. Ф. И. Шмидтъ и городское духовенство съ благочиннымъ о. Петромъ Полтавцевымъ во главѣ. «Хар. Губ. Вѣд.»

— Каменецкое православное св. Іоанно-Предтеченское братство въ отчетномъ году продолжало свою христіанскую благотворительную и просвѣтительную дѣятельность содержаніемъ пріюта для сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей. На свои средства братство содержало церковно-приходскую школу съ ремесленными при ней классами для обученіе дѣтей столярному, иконостасному и позолотному мастерствамъ. Ученики школы занимались кромѣ того садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Въ отчетномъ году въ школѣ братства состояло 40 учениковъ, изъ которыхъ въ концѣ учебнаго года 35 обучались общеобразовательнымъ предметамъ, а 5 иконостасному мастерству. Средства братства состояли изъ запаснаго капитала, 28.000 рублей, и расходныхъ суммъ, получаемыхъ отъ текущихъ пожертвованій, которыя, съ остаточными суммами отъ предыдущаго года, дали 7.405 руб. 40 коп. Чтобы обезпечить себѣ болѣе постоянный доходъ, необходимый для поддержанія и улучшенія школьнаго дѣла, братство открыло въ гор. Каменецъ-Подольскѣ лавку церковныхъ вещей. «Прав. Вѣст.»

— Отъ времени до времени то въ одной, то въ другой епархіи дѣлаются указанія на необходимость—вѣрнѣе обезпечить распространеніе въ населеніи правильно написанныхъ иконъ. Въ текущемъ августѣ такое указаніе сдѣлано въ «Подол. Епар. Вѣд.» по поводу описываемаго здѣсь „отпуста“ въ м. Жванцѣ, каменецкаго уѣзда. Упомянувъ, что въ отпустовой день, съ окончаніемъ церковнаго торжества, весь народъ отправился на базарную площадь мѣстечка, гдѣ наѣхавшіе изъ Хотина старообрядцы торговали

иконами, крестиками и проч., названный журналъ говорить за тѣмъ, что эта торговля предметами религіознаго почитанія не можетъ не обратить вниманія всякаго благочестиво-настроеннаго православнаго христіанина. Продаются на базарѣ иконы всякихъ видовъ; но общее между ними то, что всѣ изображенія святыхъ далеки отъ образцовъ, по которымъ они должны писаться. Невольно вспоминается распоряженіе объ упорядоченіи торговли предметами религіознаго почитанія чрезъ сосредоточеніе ея при церквахъ и свѣчныхъ лавкахъ, подъ наблюденіемъ духовенства. Но такое благое дѣло не можетъ быть осуществлено вполнѣ до тѣхъ поръ, пока положительнымъ закономъ не будетъ воспрещено вольное производство иконъ и свободная торговля ими. Нужно полагать, что духовенство найдетъ нужнымъ высказаться по поводу этого предложенія, принявъ въ соображеніе статью 95 т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест. изд. 1890 г., на которую сдѣлана ссылка въ недавнемъ циркулярномъ указѣ Св. Синода объ иконахъ, неправильно написанныхъ, и въ силу которой «ни въ церквахъ, ни въ продажѣ и нигдѣ» не должно быть «иконъ, неискусно писанныхъ, и тѣмъ болѣе писанныхъ въ странномъ и соблазнительномъ видѣ», а «гдѣ таковыя усмотрѣны будутъ, духовныя лица, при содѣйствіи полиціи, немедленно оныя отбирають». «Цер. Вѣст.».

— Церковно-приходская школа, преслѣдующая высую цѣль—просвѣщеніе народа въ духѣ православной церкви приобрѣтаетъ все большія и большія симпатіи среди нашего свѣтскаго общества. Постоянно приходится слышать объ учрежденіи новыхъ церковно-приходскихъ школъ, попечителями которыхъ становятся лица высокопоставленныя. Въ недавнее время церковно-приходская школа удостоилась Высочайшаго вниманія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. По Высочшему соизволенію Ея Величества, въ 1899—1900 учебномъ году въ зданіи Аничкова дворца была открыта одноблассная школа съ двумя отдѣленіями для дѣтей, родители которыхъ живутъ въ зданіяхъ Собственнаго Ея Императорскаго Величества дворца. Школа эта, какъ сообщаетъ «С.-Петербур. Дух. Вѣстн.», помѣщается въ двухъ просторныхъ комнатахъ каменнаго зданія, снабжена всѣми необходимыми учебными приспособленіями и удобствами, какъ-то: учебными досками, столами, скамейками, географическими картами и освѣщается электрическими лампочками. Въ продолженіе настоящаго учебнаго года во вновь открытой школѣ обучалось 24 мальчюка

и 38 дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ. Преподаваніе велось по программамъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Штатнаго содержанія учителямъ школы не положено. Всѣ учебныя пособія и письменныя принадлежности приобрѣтены на счетъ управленія Анпчкова дворца. Во время произведеннаго въ школѣ, въ присутствіи протопресвитера І. Л. Янышева, испытанія 17 минувшаго мая, ученики обнаруживали очень хорошіе успѣхи,—особенно же хорошіе отвѣты давались по русскому языку.

— 27-го августа въ 1 часъ дня, въ Харьковѣ, состоялось освященіе училища глухонѣмыхъ, выстроеннаго стараніями настоятеля Пантелеймоновской церкви о. В. Ветухова на землѣ, пожертвованной городскимъ управленіемъ, за Пантелеймоновскою церковью противъ Тургеневскаго училища. Богослуженіе совершалъ Преосвященный Иннокентій, Епископъ Сумскій. На торжествѣ присутствовали г. начальникъ губерніи гофмейстеръ Г. А. Тобизенъ, попечитель харьковскаго учебнаго округа В. К. фонъ-Анрепъ, инспекторъ округа С. А. Раевскій, педагогическій персоналъ училища и учащіеся. Училище расположено на горѣ за церковью и представляетъ довольно большое каменное зданіе въ 2½ этажа. Въ нижнемъ полуподвальномъ этажѣ помѣщается столовая для пансіонеровъ и кухня, полы выложены беренгеймовскими плитками; помѣщенія эти свѣтлы и сухи. Въ слѣдующемъ этажѣ на одной половинѣ двѣ классныхъ комнаты, а на другой половинѣ — спальня и помѣщеніе для учителей. Точно такое же распределеніе и верхняго этажа. Вся постройка обошлась около 25 тыс. руб. Всего училище можетъ вмѣстить до 60 учащихся обоего пола, въ томъ числѣ 30 пансіонеровъ. Въ настоящее время имѣются еще свободныя вакансіи. Преподаваніе ведется по звуковому и мимическому способамъ. «Хар. Губ. Вѣд.»

— Борьба со сквернословіемъ, столь распространеннымъ въ массѣ простаго народа, принимаетъ широкіе размѣры. Пять сельскихъ обществъ Павловской волости задались цѣлью искоренить въ своихъ поселкахъ нецензурную брань, для чего постановили общественные приговоры, коими такая брань безусловно воспрещается каждому жителю этихъ поселковъ, безъ различія пола и возраста и безъ ограниченія мѣста. Всякій крестьянинъ, выбравшійся нецензурною бранью или даже произнесшій нецензурное слово въ присутствіи другого, подвергается штрафу въ пользу мірскихъ суммъ по одному рублю до шести разъ, а затѣмъ преда-

ется волостному суду для приговоренія къ наказанію розгами въ количествѣ, опредѣленномъ крестьянскими законами. Въ «Сельскомъ Вѣст.» передается текстъ другого подобнаго мірскаго приговора жителей станицы Троицкой, Терской области, объ искорененіи изъ ихъ среды употребленія божбы и сквернословія. Въ память своего достохвальнаго рѣшенія они постановили помѣстить на панерти мѣстной церкви икону св. Іоанна Златоуста, „учителя христіанской благопристойности въ словѣ“. Свой приговоръ они положили прочитывать ежегодно послѣ литургіи въ первое воскресенье послѣ Преображенія Господня. Эта забота крестьянъ объ улучшеніи нравственности можетъ послужить добрымъ примѣромъ и для другихъ обитателей сель и деревень, какъ образецъ изъ близкой имъ жизни. Ближайшимъ поводомъ для составленія послѣдняго приговора былъ обильный у нихъ урожай 1899 года, и весьма понятно желаніе жителей станицы Троицкой достойно возблагодарить Господа Бога за Его милость и щедроты къ нимъ. А какая жертва болѣе пріятна Богу, какъ не воздержаніе отъ дурныхъ поступковъ и рѣшимость навсегда оставить ихъ?

«Корм.»

— «С.-Петербургскій Духов. Вѣстн.» сообщаетъ, что вскорѣ имѣетъ быть рассмотрѣнъ и изданъ въ законодательномъ порядкѣ «Уставъ о пенсіяхъ и пособіяхъ священно-служителямъ и псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства и ихъ семействамъ». Содержаніе нѣкоторыхъ параграфовъ Устава слѣдующее.—§ 7. Священнослужители и псаломщики, прослужившіе отъ 20 до 30 лѣтъ, по увольненіи отъ службы, получаютъ одну треть оклада пенсіи, прослужившіе отъ 30 до 35 лѣтъ—двѣ трети оклада и прослужившіе 35 лѣтъ и болѣе—полный окладъ. § 8. Недослужившіе до 20, 30 или 35-лѣтняго срока не болѣе шестимъ лѣтъ получаютъ пенсію, опредѣленную за полную выслугу означенныхъ сроковъ. § 9. Выходящіе за штатъ по совершенно разстроенному на службѣ здоровью, или по неизлечимой болѣзни, получаютъ въ пенсію прослужившіе отъ 20 до 30 лѣтъ—двѣ трети оклада и прослужившіе 30 лѣтъ—полный окладъ. § 10. Священнослужители и псаломщики, одержимые такими неизлечимыми болѣзнями, которыя лишаютъ ихъ возможности не только продолжать службу, но и обходиться безъ постояннаго посторонняго ухода, получаютъ въ пенсію: прослужившіе отъ 5 до 10 лѣтъ—одну треть оклада, отъ 10 до 20 лѣтъ—двѣ трети оклада и за 20 лѣтъ службы—полный окладъ. Примѣчаніе.

Установленная въ § 8 шестимѣсячная льгота не распространяется на лицъ, испрашивающихъ пенсію на основаніи §§ 9 и 10 по сокращенному сроку. § 11. Срогъ для выслуги пенсіи за епархіальную службу считается со дня посвященія въ санъ священнослужителя или назначенія на должность псаломщика по день полученія въ мѣстѣ службы указа объ увольненіи. § 16. Полный окладъ пенсіи назначается въ размѣрѣ: а) каѳедральнымъ протоіереямъ (настоятелямъ каѳедральныхъ соборовъ)—четыре сотни двадцати рублей въ годъ; б) ключарямъ каѳедральныхъ соборовъ и настоятелямъ городскихъ соборовъ—три сотни шестидесяти рублей; в) священникамъ городскихъ церквей, и протоіаконамъ каѳедральныхъ соборовъ—три сотни рублей; г) священникамъ сельскихъ церквей—двести сорока рублей; д) штатнымъ діаконамъ городскихъ церквей—ста восьмидесяти рублей; е) штатнымъ діаконамъ сельскихъ церквей и іподіаконамъ каѳедральныхъ соборовъ—ста пятидесяти рублей; ж) штатнымъ псаломщикамъ городскихъ церквей и соборнымъ пономарямъ—ста двадцати рублей, и з) штатнымъ псаломщикамъ сельскихъ церквей—девяносто рублей. § 17. Состоявшимъ не менѣе 10 лѣтъ въ должности благочиннаго или уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ окладъ пенсіи увеличивается на шестьдесятъ рублей въ годъ. § 18. Діаконамъ, состоящимъ на псаломщическихъ вакансіяхъ, пенсія назначается по окладамъ, положеннымъ для псаломщиковъ (§ 16 пп. ж. в з.). § 19. Кто въ послѣдней своей должности состоялъ менѣе пяти лѣтъ, тотъ получаетъ пенсію по предшествовавшей низшей должности. § 20. Вдовѣ умершаго на службѣ священнослужителя или псаломщика, не имѣющей дѣтей несовершеннолѣтнихъ или неизлѣчимо-больныхъ, назначается пенсія въ размѣрѣ половины того оклада, какой слѣдовалъ бы ей мужу, если-бы онъ вышелъ въ отставку въ день его смерти; но если мужъ, состоя за штатомъ, получалъ уже пенсію или имѣлъ право на оную, то пенсія назначается въ размѣрѣ половины пенсіи мужа. § 21. Вдовѣ съ дѣтьми, имѣющими право на пенсію, прибавляется въ ея пенсіи одна треть на cadaго сына или дочь, такъ что имѣющая трое или болѣе дѣтей получаетъ полную пенсію мужа. § 22. Круглымъ сиротамъ пенсія назначается въ размѣрѣ одной четвертой части оклада, слѣдовавшаго ихъ отцу, на cadaго (сына или дочь), такъ что четверо или болѣе дѣтей получаютъ полную пенсію отца.

— Костромская духовная консисторія, согласно журнальному

постановленію епархіальнаго съѣзда духовенства, представила на обсужденіе благочинническихъ съѣздовъ проектъ устава похоронной кассы для духовенства костромской епархіи. Касса учреждается для выдачи единовременныхъ пособій семействамъ умершихъ участниковъ кассы, каковыми обязательно состоятъ всѣ находящіеся на дѣйствительной службѣ священно-церковно-служители. Могутъ участвовать въ кассѣ наравнѣ съ ними и наставники духовно-учебныхъ учебныхъ заведеній, а также и всѣ служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ въ костромской епархіи, причемъ, въ случаѣ увольнения отъ должности или перехода на службу въ другую епархію или вѣдомство, члену кассы предоставляется право оставаться участникомъ ея, если онъ пожелаетъ, но возвратъ внесеннаго имъ капитала не разрѣшается. Средства кассы имѣютъ составляться изъ ежегодныхъ взносовъ участниковъ, раздѣляющихся на три разряда: 4, 3 и 2 р. въ годъ, причемъ избраніе разряда взноса предоставляется усмотрѣнію каждаго участника; затѣмъ, изъ ежегодныхъ пособій отъ всѣхъ, состоящихъ въ костромской епархіи, соборовъ, церквей и женскихъ монастырей и общинъ, въ которыхъ служить бѣлое духовенство, именно: отъ одноклирныхъ церквей по 3 р., отъ двухклирныхъ—по 6 рублей, отъ трехклирныхъ по 9 и четырехклирныхъ—по 12 рублей. Въ случаѣ сильной смертности, могущей постигнуть участниковъ кассы, и недостатка средствъ для покрытія расходовъ, правленіе кассы производитъ дополнительную раскладку взносовъ какъ на участниковъ кассы, такъ и на церкви, не превышая, впрочемъ, размѣра взносовъ. Семейству или наслѣдникамъ каждаго умершаго члена правленіемъ выдается единовременное пособие по размѣру уплачиваемаго взноса, а именно: по вносу въ 4 руб. выдается 306 руб., 2 р.—224 р. и 2 р.—156 руб. Предусмотрѣны и случаи увеличенія капитала кассы: при этихъ условіяхъ будетъ уменьшаться взносъ, или же увеличиваться размѣръ пособій. Самый способъ выдачи пособій предоставляется усмотрѣнію правленія кассы, съ тѣмъ, однако же, чтобы половина пособія была выдаваема немедленно, а вторая—по истеченіи не болѣе полугодія со дня смерти участниковъ кассы. Пособіе это, если умершимъ членомъ кассы не будетъ оставлено особаго завѣщанія, ни въ какомъ случаѣ не должно поступать на уплату его долговъ, но полностью должно выдаваться женѣ покойнаго, или его семейству и наслѣдникамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, если родственниковъ и наслѣдниковъ не окажется, пособие употребляется на

погребеніе члена кассы, а остатокъ суммы поступаетъ въ запасной капиталъ. Сюда же перечисляются и всѣ остатки, могущіе образоваться отъ взносов. Дѣлами похоронной кассы завѣдуютъ члены комитета эмеритальной кассы, которые получаютъ за это особое вознагражденіе.

Остается только пожелать успѣха будущей кассѣ духовенства костромской епархіи. При полной необезпеченности его семействъ, остающихся сиротами, подобныя пособія окажутъ весьма существенную поддержку.

«Костр. Еп. Вѣд.»

— Ради скорѣйшаго и болѣе удобнаго печатанія разныхъ нужныхъ для епархій религіозно-нравственныхъ брошюръ и листовъ, отчетовъ и бланковъ для епархіальныхъ учрежденій, и по чисто-экономическимъ соображеніямъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ заведены особыя для нуждъ епархій типографіи, обыкновенно находящіяся въ вѣдѣніи епархіальныхъ братствъ. Опытъ епархіальныхъ типографій, какъ можно судить по ранѣе появившимся отрывочнымъ печатнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ еще новомъ епархіальномъ предпріятіи, доселѣ въ общемъ оправдывалъ надежды, съ нимъ соединившіяся. Къ тому же заключенію приводятъ и недавно вышедшій отчетъ томской типографіи Братства св. Дмитрія Ростовскаго, за 1899 г. По отчету, поступило на приходъ къ 1 января 1900 г. наличными 9,982 р. 44 к.; къ тому же времени состояло въ кредитѣ 2,946 р. 46 к.; всего же на приходѣ 12,928 р. 90 к. Кромѣ того исполнено бесплатно работъ: для совѣта Братства на 102 р. съ коп. и для попечительства при кафедрѣ епископа на 27 р. На первоначальное устройство, обзаведеніе и содержаніе типографіи до 1 марта 1899 г.,—съ какового времени она стала существовать на свои средства,—изъ средствъ совѣта Братства израсходовано было 10,808 р. 74 к. Съ 1 марта 1899 г. по 31 дек. собственно типографскихъ средствъ употреблено 9,905 р. 13 к. За произведенными расходами, къ 1 янв. 1900 г. въ остаткѣ типографскихъ средствъ было всего 3,023 р. 77 к. (въ томъ числѣ наличными 77 р. 31 к. и въ долгахъ 2,946 р. 46 к.) Типографія состоитъ должной на сумму 2,657 р. Въ отчетномъ году типографія вынуждена была произвести немало чрезвычайныхъ расходовъ, особенно на пополненіе шрифтовъ. Теперь же на пополненіе шрифтовъ придется затрачивать только 200 или 250 р. въ годъ, даже менѣе, а не 2¹/₂ тысячи слишкомъ, какъ въ отчетномъ году. Безъ подобныхъ чрезвычайныхъ расходовъ типографія требуетъ на свое содержаніе, со

всѣми матеріалами, 850, много 900 р. въ мѣсяць, зарабатываетъ же свободно 1,000 и 1,100 р. и будетъ зарабатывать и больше, если кругъ заказчиковъ увеличится. А на это послѣднее типографія, по ходу дѣла, по всѣмъ признакамъ, имѣетъ полное право рассчитывать. Денежные итоги отчета могутъ вному читателю показаться недостаточно удовлетворительными, но не слѣдуетъ забывать, что это дѣло въ Томскѣ новое, только что налаженное. «Цер. Вѣст.».

— Въ послѣднее время въ духовной періодической печати нерѣдко поднимался вопросъ о введеніи преподаванія курса народной медицины въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ. Св. Синодъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и охотно разрѣшаетъ, по ходатайству епархіальныхъ архіереевъ, введеніе этого предмета въ курсъ семинарскихъ и училищныхъ наукъ. Такъ, введено преподаваніе медицины въ Вятской дух. семинаріи и въ I и II Кіевскихъ женскихъ училищахъ дух. вѣдомства. Побужденія, которыми руководствовались означенныя училища при введеніи въ свой курсъ означенныхъ наукъ, слѣдующія. Съ одной стороны имѣлась въ виду прямая польза отъ изученія гигиены и медицины какъ для самихъ изучающихъ, такъ и для той среды, преимущественно крестьянской, въ которой будутъ вращаться воспитанницы по окончаніи курса въ училищѣ; имѣлась также въ виду полная безпомощность русской деревни во врачебномъ отношеніи, гдѣ нерѣдко дѣти гибнутъ отъ болѣзни почти поголовно лишь потому, что имъ не бываетъ своевременно оказана первоначальная помощь, гдѣ женщины-крестьянки, движимыя прирожденнымъ чувствомъ стыдливости, предпочитаютъ молчаливо умереть, чѣмъ обратиться за совѣтомъ къ врачу—мужчинѣ. Сельская матушка или учительница своевременной подачей медицинской помощи могла бы остановить болѣзнь въ самомъ началѣ и тѣмъ предотвратить не одно несчастіе въ деревенской глуши. Съ другой стороны, имѣлась въ виду и та неоцѣнимая услуга, какую матушка могла бы оказать своему мужу пастырю въ смыслѣ возстановленія той нравственной связи между нимъ и прихожанами, какая существовала въ прежнее время, и которая въ послѣднее время все болѣе и болѣе разрывается за неимѣніемъ общихъ точекъ соприкосновенія у духовенства съ народомъ. Что же касается успѣшности преподаванія медицины въ женскихъ училищахъ, то оно не заставляетъ искать ничего луч-

шаго. Въ Полоцкомъ, напр., училищѣ, гдѣ эти науки введены нѣсколько ранѣе, воспитанницы такъ горячо заинтересовались этимъ предметомъ, и такъ старательно его изучали, какъ теоретически, такъ и практически, что экзаменъ по этому предмету всѣми выпускными воспитанницами былъ сданъ въ одинаковой степени блестяще.

«Моск. Цер. Вѣд.».

— Въ духовной печати возбуждается очень жизненный вопросъ — о судьбѣ учениковъ, увольняемыхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній. «Новгор. Еп. Вѣд.», указывая на печальное положеніе въ этомъ случаѣ родителей, дѣти которыхъ увольняются изъ училища за малоуспѣшность, на тѣ горькія слезы, которыя проливаются родителями и дѣтьми при увольненіи послѣднихъ изъ училища, останавливаются на одномъ средствѣ, которое въ корнѣ можетъ уничтожить это зло. Прежде ученики, уволенные изъ училища или изъ семинаріи не задумывались надъ своей будущей судьбой, а шли прямо въ монастырь, гдѣ, посѣщая ежедневно богослуженія, участвуя въ пѣніи и чтеніи, прпслуживая въ алтарѣ, они пріобрѣтали знаніе церковнаго устава, пріучались къ толковому чтенію, изучали церковное пѣніе и выходили вполне подготовленными на служеніе церкви въ качествѣ дьячковъ и монаршей. Теперь же эти дѣти и юноши, составляющіе одну обузу для бѣдныхъ клириковъ, а еще хуже для ихъ вдовъ и сиротъ, не имѣютъ впередъ положительно никакой будущности. По чему бы и теперь монастырямъ не предѣти на помощь этому дѣлу и не пополнить штатъ своихъ послушниковъ учениками, уволенными изъ учебныхъ заведеній? Эти уволенные воспитанники могли бы заниматься въ устроенныхъ при монастыряхъ школахъ, гдѣ бы ониполнили свои знанія по Закону Божію, освоились бы съ богослужебными книгами и церковнымъ уставомъ, изучили бы русскую грамматику, познакомились бы съ голосовымъ и нотнымъ церковнымъ пѣніемъ и, наконецъ, практически могли бы ознакомиться съ начальною школою и методами преподаванія въ ней. Непосильнаго бремени монастырямъ такія школы не составятъ, а добра принесутъ много. Пріютивъ сиротъ и бѣдняковъ, монастыри тѣмъ самымъ исполняютъ свою прямую и ближайшую задачу благотворенія и помощи бѣднымъ, а давъ имъ средства образованія изъ себя достойныхъ служителей церкви, они выполнили бы и свою вторую, не менѣе важную задачу — просвѣтительную и миссіонерскую, стали бы свѣточемъ народа, чѣмъ и были всегда наши святорусскія обители съ самаго ихъ возникновенія.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Праздники въ честь чудотворныхъ иконъ Господа и пресвятой Богородицы, а также иконъ и мощей св. угодниковъ Божіихъ.

Съ приложеніемъ тропарей и молитвъ, съ краткимъ объясненіемъ. Москва. 1899. Цѣна 40 коп. Требованія адресовать: *Въ Москву, въ складъ Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ при Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія, въ Высокопетровскомъ монастырѣ.*

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи С. В. БУЛГАКОВА.

Цѣна 5 руб., перес.—60 коп., съ налож. платеж.—70 коп. Въ Харьковѣ книги продается у автора (зданіе Духовной Семинаріи) и въ Губернской Типографіи (Петровской переулочъ, близъ Николаевской площади, д. № 17). Приславшимъ по адресу автора 6 руб. книга высылается въ прочномъ переплетѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ЖУРНАЛЪ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 руб., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяць 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первыя десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надхера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеолической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврей въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протополова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. О.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intexcommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липницкаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.